

т а т љ я н а ш у р а н

М А Т К А

Татьяна Шуран

Матка

«Издательские решения»

Шуран Т.

Матка / Т. Шуран — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850386-3

Что, если человеческая жизнь — только один из экспериментов жестокого и капризного бога? Что, если однажды он вызовет из недр материи новую расу, предназначенную заменить человечество на Земле?

ISBN 978-5-44-850386-3

© Шуран Т.
© Издательские решения

Содержание

I. Ваятель плоти	6
1. Причудник	6
2. Плоть времени	21
3. Призвание	57
II. Матка	70
4. Невидимый город	70
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Матка

Татьяна Шуран

Дизайнер обложки Полина Яковлева

© Татьяна Шуран, 2017

© Полина Яковлева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-0386-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Ваятель плоти

1. Причудник

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Я – человек, оказавшийся непосредственным участником кошмарных событий, которые, продолжаясь на протяжении последних нескольких лет, привели к распаду прежней человеческой цивилизации, и пережить которые удалось лишь немногим. Сейчас, когда человечество находится вне опасности, преодолев смертельное испытание и стоя на пороге новой жизни, я сочла необходимым оставить собственное свидетельство о произошедшем, поскольку в событиях, все еще лишенных убедительного объяснения и опутанных сетью неразрешенных загадок, мне принадлежала особая роль, и мой опыт станет для других откровением.

Прежде всего я вынуждена признать, что за цепью ужасающих катастроф, известных как нападение паразитических организмов, которые получили название «габбро» по преобладающему в их материальных покровах минералу, и появление так называемого «четвертого», или «блуждающего» измерения – области миражей, материализующихся из пустоты и потом вновь исчезающих в никуда вместе с попавшими внутрь людьми, – за всеми этими фантасмагорическими и, казалось бы, сверхъестественными эффектами стоит деятельность вполне конкретной человеческой личности, и я знаю этого человека как никто другой. Я воспитывалась в его доме и знакома со всеми материалами по его открытиям и изобретениям, с записью всех опытов, приведших к такому чудовищному результату – который сам экспериментатор, впрочем, считал восхитительным. Человек этот – Глеб Тасманов, мой отец.

Сейчас, когда моих родителей уже нет в живых, я могу открыть тайну своего происхождения. Если имя моего отца отлично известно едва ли не каждому человеку, прежде всего благодаря знаменитым архитектурным шедеврам и техническим новшествам вроде летающих ламп или стереографического экрана, на котором записана вот хотя бы и эта книга, – то у моей матери имени не было вовсе. Она называла себя Матка – результат бесчеловечных экспериментов отца по соединению живой и неживой природы и создательница бесчисленных полчищ каменных паразитов, едва не истребивших весь человеческий род.

В своем рассказе о судьбе моих родителей, ставшей тайной подоплекой потрясших мир аномальных катаклизмов, я надеюсь открыть правду о механизмах и перспективах преобразования человеческой природы, о непредсказуемых и опасных причудах человеческой души, об одержимости и беспощадности. Пусть мое предостережение послужит людям, подверженным, подобно моему отцу, необузданным порокам и постыдным страстям, напоминанием о заманчивости и переменчивости зла, о противоречивости его кажущихся побед и неизбежности его поражения.

Мое рождение сопровождалось такими ужасными обстоятельствами, что отец избегал говорить о них, и лишь много лет спустя из стереографической записи соответствующего эксперимента я узнала необыкновенные подробности своего появления на свет. Мое существование производило на отца и мать невыразимо тягостное впечатление; сама же я склонна считать себя скорее подарком судьбы и самой большой удачей, выпавшей на долю моих бестолковых родителей. Так или иначе, имя, под которым я известна, – Бея – выбрано мной самой; на искусственном языке, разработанным отцом как инструмент внушения своей воли, это значит «самая совершенная». Родители же называли меня Черона, что переводится как «враг, глядящий на меня сквозь зеркало».

Мой отец всегда был для меня лишь голосом, говорившим в моем сознании, и долгое время я принимала его слова за свои мысли. Искусство внедряться в чужую волю было одним из проявлений сверхъестественной власти, которую он приобрел, отказавшись от человеческой природы. К тому времени, как я родилась, он превратился в безликую силу, лишенную какой бы то ни было плотской оболочки; о его внешности в период физической жизни мне известно только по фотографиям и стереографическим записям, поскольку автопортретов отец не создавал.

Моя мать изначально не принадлежала к человеческому роду и существовала в нескольких ипостасях одновременно. Помимо первичной формы, исчезнувшей в момент моего рождения, имелся нефизический образ-мираж – проекция Матки на четвертое измерение, которую я привыкла считать матерью; чудовищная Вторая форма – обитавшая глубоко под землей исполинская каменная тварь, встреча с которой навсегда останется одним из самых мучительных переживаний в моей жизни; и непосредственно рой – мириады габбро, каждая из которых, хотя казалась отдельным существом, представляла собой всего лишь незначущую крупницу грандиозного сверх-организма. Еще раз подчеркиваю, что все загадочные и отвратительные твари, паразитировавшие на человеческом мире и, словно язвы, покрывшие разоренную землю своими гнездилищами, являлись ни кем иным, как моей матерью, способной порождать бесчисленное множество своих двойников; именно этим объясняется феноменально осмысленное и организованное поведение габбро, вызывавшее столько зависти и недоумения в раздираемом противоречиями человеческом сообществе.

Вероятно, в связи с моим происхождением напрашивается подозрение: являюсь ли я сама, дочь сверхчеловеческих существ, человеком в той степени, в какой можно предположить, судя по моей вполне человеческой внешности? Мое принципиальное отличие от родителей объясняется особыми обстоятельствами моего рождения, о которых я уже упоминала, но подробности и сущность которых я надеюсь раскрыть позже, так как они трудны для понимания и не поддаются объяснению в привычных для большинства людей терминах. Сейчас достаточно сказать, что я была единственным человеческим ребенком моих родителей, и это принесло мне немало несчастий; к тому же я считаю, что мое деятельное участие в спасении человечества от паразитарного камня избавляет меня от необходимости объясняться и служит достаточным аргументом против любых сомнений на мой счет.

Участие Матки в постигшем человечество бедствии диктовалось ее паразитической сущностью; ее мотивы, соответствующие внутренней логике ее неземного существования, для человека непостижимы. Поэтому в своем повествовании я хочу обратиться прежде всего к истории моего отца, ключевой фигуры мировой трагедии, завершение которой мы наблюдали так недавно, между тем как завязка относится ко временам задолго до моего рождения.

Мой отец был злым гением своего времени, однако благодаря монструозной двойственности его натуры считался и по-прежнему считается одним из величайших благодетелей человечества за всю историю мира. В общественном сознании до сих пор не сформировалась справедливая оценка его личности и совершенно отсутствует понимание решающего значения его работы для постигшей человеческую цивилизацию катастрофы. Из всех людей я единственная по-настоящему близко знала Глеба Тасманова и представляю его характер в истинном свете. В своем рассказе об отце я попытаюсь совместить существующие свидетельства его современников и общеизвестные объективные факты его биографии с информацией, которая известна мне из личного общения и в результате работы с домашним архивом.

Глеб Тасманов был единственным сыном в состоятельной семье руководителя одного из уральских промышленных предприятий. До восьми лет он страдал психическим заболеванием, которое врачи определили как разновидность аутизма; болезнь, в частности, выражалась

в том, что мальчик не произносил ни слова и по большей части неподвижно сидел, глядя прямо перед собой; хотя с вещами обращался аккуратно, но никогда не смотрел, что делал, предпочитая ориентироваться наощупь, как слепой.

Затем произошел странный случай: ребенок исчез на несколько дней. В вечер, когда он пропал из дома, бушевала страшная гроза. Подключили едва ли не всех силовиков региона, обыскавших вдоль и поперек все окрестные горные леса, но безрезультатно. Потом мальчик внезапно вернулся сам, причем смотрел на окружающих сфокусированным взглядом и гладко разговаривал на чистейшем, даже неестественно правильном русском языке, – от психической болезни не осталось и следа. На расспросы о том, что с ним произошло, отвечал, что не помнит, на вопросы, почему не разговаривал раньше, – то же. Вскоре ребенок самостоятельно изъявил желание пойти в школу, как все остальные дети, причем за несколько месяцев, оставшихся до начала очередного учебного года, освоил программу за два пропущенных класса и был принят, соответственно своему возрасту, сразу в третий. По общеобразовательным дисциплинам особых способностей не наблюдалось, зато обнаружилась феноменальная художественная одаренность. Фактически без подготовки, едва взяв в руки кисть, мальчик продемонстрировал вполне грамотное владение основными техниками живописи, мог без единого исправления выполнить чертеж любой сложности, в точности соблюдая все пропорции без каких-либо измерительных приборов, и к тому же оказался знаком с несколькими диковинными приемами росписи по камням, которые, как впоследствии выяснилось, использовали для наскальной живописи в доисторические времена, – причем Глеб объяснил, что он эти приемы «сам придумал». После нескольких занятий со специально приглашенным преподавателем именитый мастер восхищенно подтвердил, что у мальчика блестящий талант к архитектуре и скульптуре; однако подлинной страстью Глеба оказалась минералогия.

В доме понимали толк в камнях, но ребенок в кратчайшие сроки собрал коллекцию минералов, которую впоследствии купил музей. Целый этаж просторного особняка заполнился образцами породы, свойства которой мальчик знал досконально, словно всю жизнь проработал камнерезом; свою осведомленность он объяснял тем, что достаточно только прикоснуться к камню, как сразу же чувствуешь его характер. В поисках очередного шедевра природы мальчик, до восьми лет не выходивший из дома, пропадал в малоизученных подземных пещерах один едва ли не сутками, но на попытки сверстников или взрослых его сопровождать отвечал такими вспышками ярости, что ему не решались противоречить. Вскоре обнаружилось, что художественный талант был не единственной и не самой удивительной способностью, проявившейся у Глеба после странного исчезновения.

Мальчик перемещал предметы усилием воли, причем чем тяжелее был камень, тем Глеб его лучше «чувствовал». Под его взглядом минералы изменяли структуру и химический состав, светились изнутри холодным радужным светом, «пели», необъяснимым образом вызывая в пространстве низкий гул, похожий на отдаленные голоса, и пронизывающий шелестящий скрежет; проявляли нетипичные физические свойства, непринужденно плавая в воздухе или прочно закрепляясь на любой поверхности, как магнит на железе. Прикосновением рук Глеб заставлял даже самую твердую породу менять форму, словно глина, и на досуге смастерил множество причудливых предметов, гудевших, сверкавших и плясавших в пустом пространстве, разбрасывая прозрачные разноцветные блики, как фантастические сны.

Измененные минералы словно открыли новое измерение в сознании людей. Глеб научился обрабатывать камни таким образом, чтобы из них возникали полноразмерные объемные миражи, которые к тому же воспринимались с предельной интенсивностью, как собственные переживания. Ощущения от контакта по силе напоминали осязание: тело как будто пронизывал невидимый поток, и человека окружали самые неожиданные явления – то обыденные, то фантастические, то прекрасные, то безобразные, то захватывающие, то безмятежные, но никогда не повторяющиеся и всегда незабываемые. Техника превращения камней в носи-

тели бесконечной информации неизвестного происхождения так и осталась загадкой; Тасманову же для извлечения поразительного эффекта требовалась, по-видимому, только концентрация внимания и, в отдельных случаях, тактильный контакт.

Проявление неизвестных свойств материи не проходило бесследно для психики наблюдателя, вызывая состояния от сонливости и головокружения до гипнотического транса, обморока и галлюцинаций. Одно время в школе, где учился Глеб, даже возникли опасения за здоровье детей из-за случаев припадков наподобие эпилептических и странных игр, которые ребята затевали с расползшимися по классам, словно живые существа, каменными генераторами фантазмагорических видений. Однако потом сложилось обратное мнение: вдруг распространилось убеждение, что модифицированные минералы благотворно влияют на организм человека, пробуждая скрытые ресурсы жизненной энергии, а дискомфортные физиологические реакции – лишь незначительный побочный эффект от непривычных ощущений. Подделки Тасманова подверглись проверкам, и хотя сущность их необычных свойств не нашла объяснения, все же ученые сошлись во мнении, что природа их воздействия аналогична низкочастотному излучению над разломами земной коры; измененные минералы получили название «автохтонов», что значит «порожденные землей», а экземпляры «с миражом» стали известны в обиходе как стереозеркала.

Экстерном сдав школьные экзамены, в четырнадцать лет Тасманов поступил в Академию Архитектуры сразу на третий курс. После его участия в качестве помощника в нескольких проектах практикующих специалистов о талантливом дебютанте заговорили как о ясновидящем от архитектуры: Тасманову достаточно было одного взгляда на площадку под застройку или незаконченное здание, чтобы без всяких расчетов и чертежей подробнейшим образом проинструктировать рабочих, а заодно и формального автора проекта, о том, какие при строительстве возникнут трудности и как следует оптимизировать план, чтобы их избежать, начиная с преобразования ландшафта под объект и заканчивая тонкостями материаловедения, климатологии и акустики. Тасманов объяснял свои рекомендации наличием в пространстве соответствующих силовых линий, которые он ощущал, по его словам, «всем телом». Замечания Тасманова оказывались верными, даже когда противоречили расчетам, а сам он, пользуясь вместо макетов собственным воображением, возводил инженерные сооружения, противоречившие всем известным законам физики: каменные громады словно плыли в воздухе, причем вывести математическую формулу собственной системы перекрытий Тасманов затруднялся, а подражатели, сделав расчет с помощью компьютерной программы, не смогли воплотить его в жизнь: конструкции рушились. Казалось, Тасманов работал в отдельном, недоступном для других измерении.

Еще студентом он стал получать сложные заказы и руководить собственными, порой достаточно масштабными проектами, вроде возведения в горах комплекса заводских зданий или застройки нового городского района. Постепенно общеизвестным, обыденным фактом стала привычка юноши пользоваться для работы приемами, которые, казалось, существовали только в первобытные времена – произносить повторяющиеся фразы на неизвестном языке, чертить на земле непонятные знаки, воспроизводить замысловатые танцевальные движения. В результате словно сами собой перемещались по воздуху каменные блоки весом в несколько тонн, в стенах зарождались самосветящиеся голографические росписи, а вещи воспринимали состояние сознания людей, как живые существа. Тасманов не афишировал и никак не комментировал свои методы, любопытствующих на эту тему игнорировал, словно не замечал, так что никто точно не знал всех причудливых форм, которые принимала его загадочная власть над материей. Однако с неизбежностью возникли слухи не только о баснословном богатстве и мистической силе Тасманова, но и о возможности гипнотического управления сознанием масс, в обмен на доступ к которому через автохтоны Тасманов якобы добивался полного содействия всех влиятельных лиц, в поддержке которых был заинтересован, чем как будто и объяс-

нялось его неочевидное влияние в самых разных кругах, от научных и религиозных до политических и криминальных.

Отчасти приумножению самых неправдоподобных сплетен способствовало редкостное равнодушие Тасманова ко всему, что касалось общетеоретической части его деятельности. Признанный мастер во многих областях искусства, изобретатель, оставивший далеко позади достижения современной науки и техники, Тасманов за всю карьеру не написал ни единого концептуального труда, не прочел ни одной лекции, не выбрал ни одного ученика. С журналистами он держался отчужденно, редко соглашался на интервью и рассказывал о своей работе такими гладкими, безликими фразами, что публика поневоле разделяла его прозаичное отношение к сверхъестественным эффектам как к «обычному проявлению законов... как бы это выразиться... движения вещества...», и ажиотаж спадал. Чтобы дать представление о собственном отцу стиле общения, я могу привести типичный отрывок из его интервью.

Расшифровка видеофайла:

– Глеб, вы утверждаете, что ваша техника обработки минералов является естественным проявлением свойств материи, но почему это проявление ни у кого больше не работает?

– Я не знаю.

– А откуда происходят вот эти видения, миражи? Почему они все время меняются? Вы как-то программируете автохтоны?

– Нет.

– Сам камень их производит? Откуда они возникают?

(пауза)

– Ниоткуда.

– Ну, должен же быть какой-то источник?

– А откуда мысли берутся? А люди откуда взялись? Ниоткуда.

– Хм. Хорошо, значит, вы утверждаете, что таким способностям к модификации камня, как у вас, может научиться каждый?

– Зачем?

– Да, действительно... Есть предположение, что излучение стереозеркал разрушает организм человека.

– Не думаю.

– Впрочем, единого мнения нет. Некоторые, наоборот, утверждают, что стереозеркала активизируют скрытые способности психики, появляется осознание какой-то... внутренней силы, что ли... Как вы сами относитесь к таким слухам?

– Все равно.

Порой за предельно ненавязчивыми манерами Тасманова подозревали феноменальную скромность, порой – неизреченную мудрость; недоброжелатели же отмечали, что зачастую он держался так, «словно был единственным человеком на земле».

Все, за что бы Тасманов ни брался, удавалось ему в сверхъестественном совершенстве. Его архитектурные проекты, благодаря уникальным способностям к воздействию на камень силой мысли, выполнялись им в немыслимые для традиционного строительства сроки, зачастую в одиночку, и неизменно вызвали восхищение необычным соединением диспропорциональности и цельности, грандиозным масштабом, лаконичностью и оригинальностью форм. Уникальные голографические картины казались застывшей стихией, рядом с которой даже признанные шедевры классиков живописи выглядели примитивными. Если Тасманов, по знакомству или из необъяснимой прихоти, брался за работу, которую считал мелочевкой, например скульптуру или портрет, заказчик мог быть уверен, что созданное для него произведение

войдет в историю искусства. Даже просто понаблюдать за работой Тасманова считалось невероятной удачей. Однако все его произведения своим причудливым и суровым видом напоминали скорее предметы неизвестного древнего культа, чем художественное творчество.

Что касается автохтонов, мода на них действительно приобрела характер религиозной одержимости. Домыслы об их неоднозначном воздействии на реальность складывались в настоящие мифы, то устрашающие, то восторженные, и преображали не только обывательскую повседневность, но и фундаментальную науку. Измененные минералы использовались во многих конструкторских и лечебных центрах, прежде всего как проводники уникального вида энергии – хтонического тока, а также как стереографы – механизмы, способные вести запись своего рода слепков сознания, как бы приоткрывая окно в чужой внутренний мир. Незаметно изобретения отца внедрились едва ли не во все области человеческой деятельности; вокруг них вращались неформальные объединения, светские вечеринки, научные диспуты, оккультные эксперименты. Особенно ценились стереозеркала – каменные экраны, погружавшие человека в череду переживаний такой интенсивности, что возникавшее ощущение полноты и осмысленности жизни невозможно было сравнить ни с чем. От массы носителя зависела сила внушения и количество записей. В камне размером с цветочный лепесток помещался мираж весом в одно настроение, а «каменное зеркало» высотой в человеческий рост обеспечивало целую параллельную жизнь. Периодически в прессе мелькали тревожные заметки об угнетающем действии низкочастотного облучения на психику и здоровье людей, об угрозе физического вреда вплоть до прогрессирующего паралича, но пессимистичные предостережения терялись в соблазнительной волне неописуемых переживаний, воспринимавшихся, как откровение, и стереозеркала торжествовали шумную победу с оттенком болезненности и сенсации. По существу, творчество Тасманова превратилось в отдельный вид энергетической зависимости.

Отсутствие конкурентов и даже завистников объяснялось не только уникальностью таланта, но и своеобразным личным обаянием Тасманова. Все, кто его знал, отмечали парадоксальное сочетание несколько надменной замкнутости и в то же время как будто наивной восторженности, непредсказуемая перемена которых гипнотически подчиняла волю окружающих. Незабываемое впечатление в ореоле колоссального успеха, мистической силы и безупречного мастерства производила и безусловно эффектная внешность. Тасманов с детства отличался поразительной красотой: идеально правильные черты лица, на котором обыкновенно лежало задумчивое, немного мечтательное выражение, безмятежный рисунок тонких черных бровей, невинные серые глаза, прозрачные, как печальное осеннее небо, четко очерченные полные губы, матовая бледность, длинные иссиня-черные волосы, падавшие на глаза, как тень; стройная, изумительно пропорциональная фигура, скупые, точные, словно заранее выверенные движения. Из-за пронзительного взгляда неподвижных широко раскрытых глаз некоторым виделась в его облике какая-то неуравновешенность и опасность, но это подозрение полностью противоречило его неизменно, и даже неестественно, сдержанному обращению. «Он кажется в чем-то сродни камням, с которыми любит работать, – как-то заметил в интервью один из знакомых с ним художников, – та же эффективность и отчужденность. При всей вежливости его манер влияние, которое он оказывает на людей, по неумолимости напоминает камень».

Многие из тех, кто знал моего отца лично, составили о нем похожее мнение, но каждый и сейчас может убедиться в справедливости этих свидетельств по стереозаписям. Приходится признать, что трудно представить человека, способного произвести более глубокое впечатление – не только благодаря ослепительной красоте, в которой, казалось, воплотилось и духовное совершенство, но прежде всего благодаря абсолютной, неправдоподобной самодостаточности его поведения. Просматривая записи, сделанные в основном для прессы или в относительно неформальной обстановке светских приемов, убеждаешься, что в его манерах отсутствовала малейшая наигранность или застенчивость, малейшая неловкость, малейшая пошлость. Вдох-

новенность пророка сочеталась в нем с безыскусственностью ребенка; и все, что его отличало, от молчаливого беззащитного и одновременно пронизывающего взгляда до неожиданных, продуманных, метких суждений в тех немногих случаях, когда он высказывал свое мнение, – все носило печать какого-то непостижимой, нечеловеческой безмятежности. Что и говорить, отцу виртуозно удавалось производить впечатление, прямо противоположное тому, чем он был в действительности. Чтобы подобное всеобъемлющее лицемерие несколько не тяготило, надо обладать бесстыдством в высшей, никакими средствами не измеримой степени; лживость, черствость и безграничная самонадеянность были в его природе.

За блестящей и непроницаемой стеной всеобщего поклонения и восхищения отец вел совершенно противоестественную жизнь, истоки которой гнездились в скрытых свойствах его натуры. Удовлетворения своим врожденным порокам он искал инстинктивно, но последовательно и непреклонно, подчиняя все свои действия главной цели, которую, пожалуй, никогда до конца не осознавал и не формулировал для себя. Несмотря на формально освоенное искусство поддерживать гладкую светскую беседу, отцу вообще не свойственно было о чем-либо рассуждать, а размышлял он только непосредственно насчет решения возникавших перед ним практических задач. Словам он придавал значение постольку, поскольку они позволяли произвести нужное впечатление на собеседника; вообще же отец считал общение не лишенным смысла только в том случае, если он приказывал, а ему подчинялись. Добродетели, которые он имитировал на публике, также не представляли в его глазах самостоятельной ценности; отец заботился о поддержании выгодного имиджа исключительно в целях личного удобства.

Тасманов не слишком задумывался над целью своей жизни, но я, зная его, могу сказать, что глубинным, определяющим свойством его противоречивой натуры была жажда преобразования, стремление выйти за пределы своих возможностей, превратиться в неизвестно что – во что-то другое. Его преследовало желание совершить ради этой цели нечто чудовищное, извращенное, переступить через все мыслимые запреты, разрушить все, что может оказаться свято. Отцу абсолютно чуждо было осознание своего «Я», страх утратить свою индивидуальность, свою жизнь. Наверное, в этом была какая-то непостижимая самоуверенность и цельность, или, быть может, своего рода безоговорочная вера в Бога – в то, что какая-то неведомая сила всегда спасет и все простит, – в общем, в характере отца было что-то мистическое, неразгаданное. Матка называла его «Причудник», и, думаю, это было удивительно точное определение.

По-видимому, свидетельством об одном из ранних проявлений истинного характера отца является запись, сделанная для очередной из биографических книг, но не вошедшая – вероятно, по воле Тасманова – в печатный вариант. Материал, собранный биографом, сохранился в нашем архиве, поэтому я могу привести здесь диктофонную запись с рассказом бывшего одноклассника отца о любопытном случае из детства.

Расшифровка аудиофайла:

– Конечно, я помню Глеба... Что именно запомнилось?.. Ну, даже не знаю... Вообще-то он был странным ребенком. Хотя обаятельным. Но он пришел в школу позже всех, нам по девять-десять лет было, когда он только начал учиться. Вроде раньше у него какая-то болезнь была и он не разговаривал. Но дразнить его как-то не решались, или даже просто спрашивать. Перед ним все робели, он так отличался от других. В нем чувствовалась какая-то отстраненность. Сидит на уроке неподвижно, опустив глаза, и невозможно понять, думает он о чем-то, скучает или слушает. Ни на кого не смотрит, ни с кем не говорит. Когда к нему обращались, он никогда не отвечал сразу, а сначала взглянет молча – даже взрослые смущались: получалось, что он как бы оценивал, неизвестно что. И если произносил безличные фразы,

то как-то чересчур гладко, правильно, а если выражал свое, допустим, отношение, то получалось так вызывающе, я бы даже сказал вульгарно, что оторопь брала. Но поскольку он ни с кем по сути не общался и редко высказывался без необходимости, об этом как-то не задумывались. Наверное хотелось верить, что это просто какое-то недоразумение, или шутка...

Только однажды я, пожалуй, видел, чтобы Глеб по-настоящему переживал. Но это было в мало подходящей обстановке. Хотя, впрочем... может, это в нем так талант архитектора проявлялся. Да и не настолько уж я хорошо его знал, чтобы судить...

– Но все-таки, что произошло?

– Может быть, я тогда сам ошибся. Или неправильно понял.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Однажды он... то есть нет, началось с того, что мы с мальчишками сидели на свободном уроке возле школы и заспорили, кто смог бы пойти в развалины завода на пустыре по дороге в Божиярск, где, по слухам, недавно мальчика убили. Появился Глеб, прошел прогулочным шагом между мальчишек к лавке, уселся в позе фотомодели, послушал нас и заявляет:

– Все, о чем вы тут треплетесь, просто детский сад. Вы все недоумки. Страшнее, чем на помойку залезть, представить себе не можете. А как насчет пойти ночью в лес и посмотреть настоящее жертвоприношение?

Честно говоря, на такое неожиданное предложение трудно было отреагировать. Глеб удовлетворенно улыбнулся, выдержал загадочную паузу и продолжает:

– Я в лесу знаю место, где древние люди проводили особые обряды. То есть это я теперь знаю, что там было что-то... – он рассеянно помахал рукой, – типа церкви. Кое-что в книжках прочел – ну, вы не поймете... по этнографии... и говорил кое с кем – старика Потапова знаете?

– Это шамана из Дия, что ли? – спросил кто-то из мальчишек.

Глеб снисходительно отвечает:

– Можно его и так назвать... И вот он мне рассказал о таких специальных местах. Священных. Там людей посещает сверхъестественная сила. И случается всякое.

Глеб замолчал, как будто ему все равно, интересно другим или нет. Кто-то осторожно спросил:

– И что, ты эту силу встречал?

– Да, – незамедлительно ответил Глеб. – Я там случайно оказался. Заблудился в лесу, а возле корней одного поваленного дерева была яма, и я в нее провалился. Оказался в каком-то подземном коридоре и вышел по нему в ущелье, которое так просто не заметишь. Там пол гладкий, танцевать можно, ну а остальное не расскажешь – на себе испытать надо. Я только одно поясню, почему, как вы думаете, я до восьми лет не разговаривал, а потом вдруг заговорил? Вот так взял и заговорил?

Все молчали, а Глеб обвел мальчишек заговорщическим взглядом.

– Это потому, что та сила, которая была в этих скалах, меня вылечила. Как будто мне кто-то подсказал слова. Все сразу. И когда я вернулся, я уже был как другие. А то ни один врач не брался, родители даже не надеялись. Понятно?

– С ума сойти, – прошептал кто-то.

– Это еще не самое интересное, – снисходительно усмехнулся Глеб. – Это все когда было-то? Несколько лет назад. Я за прошедшее время не вроде вас, балду пинал, а кое-чем поинтересовался. Оказалось, что в древности здесь жили совсем другие люди, и вера у них была другая. В областном краеведческом музее про это есть, хотя там все эпохи перепутаны. Но некоторым ученым даже удалось найти разные предметы, с помощью которых проводили магические церемонии. Есть кое-какие предположения и о порядке действий. Короче, я знаю, что нужно делать, и могу повторить ритуал. Вызвать силу.

– С ума сойти! – повторил кто-то.

– А нас зачем зовешь? – уточнил кто-то более практичный.

– Зову, потому что услышал, что вы тут болтаете, и пожалел вас за вашу убогость, – снисходительно пояснил Глеб. – Ваша жизнь бессмысленна. Те, кто прикоснулся к высшей реальности, перестают страдать ерундой и начинают мыслить в мировом масштабе. Доступно объясняю?

– А что ты про жертвоприношение говорил? – спросил кто-то.

Глеб посмотрел на него с жалостью.

– Ты что, боишься, что тебя заставят пожертвовать своей драгоценной персоной? Не волнуйся, это жертвоприношение в камне. Дар для тебя. Когда увидишь, ты все поймешь.

Убежденность Глеба гипнотически подействовала на остальных. Хотя никто так и не понял, что именно он предлагал, у всех как-то незаметно изменилось настроение, и вопросы сами собой исчезли. Осталось только предчувствие, что нам предстоит испытать нечто особенное, то, что другим недоступно, и именно эта возможность и есть главное в жизни, то, ради чего можно пожертвовать всем остальным. Вообще рассказ Глеба произвел на мальчишек сильное впечатление. Подтверждались самые заманчивые предположения на его счет: всем хотелось видеть в нем человека необыкновенного, способного открыть нечто высшее... Следующие высказывания сводились к тому, что мы согласны.

...

– Что было дальше?

– Я... не уверен.

– Почему? Забыли?

– Иногда мне кажется, что это был только сон... по крайней мере, отчасти.

– Но вы пошли тогда в лес?

– Да... Поначалу ничего особенного не происходило. Глеб шел вперед, не оглядываясь, а остальные ребята болтали и дурачились. Но дорога становилась все труднее, а потом совсем исчезла. Мы то поднимались в гору, то снова спускались под откос, кругом чаща. Очень скоро я понял, что без Глеба мы не найдем пути обратно: я совершенно не представлял, где нахожусь. И тут Глеб вдруг как рванет через лес! И как-то так получилось, что все бросились за ним. Тут я вообще во времени потерялся. Бежал – не думал ни о чем. А потом слышу, он кричит: «Стоп!»

Для Глеба такие прогулки, похоже, были привычной нагрузкой, но остальные едва держались на ногах, хотя конечно постыдились жаловаться, и на насмешливый вопрос Глеба, не показалась ли кому дорога слишком долгой, все дружно замотали головами – произнести хоть слово не хватало сил. Хотя Глеб обещал, что к полуночи все вернутся в город, на самом деле к полуночи мы только пришли на место, но возражать теперь было бессмысленно. Ущелье, о котором говорил Глеб, оказалось не таким уж загадочным, разве что действительно труднодоступным. Мы пролезли туда через яму под корнями дерева и увидели относительно округлую, как неправильная чаша, долину с ровной площадкой посередине. Площадка эта, гладкая, словно полированная, правда напоминала танцпол. Только в центре на возвышении из нескольких ступенек находился большой кубический алтарь из темного камня. Глеб совершенно обыденно, как на кухне, велел нам наполнить из источника большой медный котел, набрать трав и разжечь костер. Чувствовалось, что пытаться выяснить его намерения бесполезно. Вскипятив отвар, он заставил всех по очереди отпить немного из большого изогнутого черпака. Некоторые сомневались, но Глеб холодно отрезал:

– Это чтобы вы не заснули тут от усталости. Нам еще назад идти.

Сам он, насколько я заметил, к своему вареву не притрагивался. Нас же напиток сделал какими-то заторможенными, вялыми. Хотя трудно решить, что сказалось сильнее – непривычная атмосфера этой опрометчивой ночной прогулки, гипнотическая настойчивость Глеба или наркотическое воздействие трав. Всех охватило какое-то оцепенение, а Глеб, казалось, совершенно перестал обращать внимание на остальных.

Он поднялся к алтарю, взял нечто вроде большого каменного ножа и, держа его в вытянутой руке, начал очень четко и уверенно, словно по невидимой схеме, чертить им в воздухе какие-то знаки. Он раз за разом обходил алтарь кругом. Его движения стали напоминать какой-то причудливый танец: в них чувствовался ритм и, самое главное, вскоре стало понятно, что в них действительно был смысл. Я затрудняюсь объяснить, что произошло; теперь уже я думаю, что, возможно, каким-то образом изменилась сила тяжести. Тогда я почувствовал, словно меня что-то придавливает к земле, а камни, наоборот, начали подниматься в воздух. Движения Глеба стали такими неестественными, словно им управляла какая-то посторонняя сила. В темноте возникли какие-то цветные сполохи, и послышался звук... такой, нечто вроде звона, или скрежета. Он шел со всех сторон. И вообще, в пространстве как будто появились невидимые силовые потоки. Внезапно Глеб остановился перед алтарем и заговорил каким-то совершенно не своим, нечеловеческим голосом на неизвестном языке, хотя все слова были вроде бы понятные; или, вернее, значение этих слов – оно возникало, как будто ты сам только что это подумал. Глеб сказал:

– Смертные, созданные из пыли! Ваше время истекло. Вы все здесь умрете.

В этот момент реальность словно раскололась надвое. Прямо вокруг нас возникло огромное полутемное подземелье. Над головой дымились тусклые золотые лампы, вдоль стен смутно вырисовывались изваяния гигантских фантастических существ. Я мельком различил фигуры полуголых людей, стоявших поодаль на коленях со скованными за спиной руками. Передо мной находился кубический темный алтарь, на него несколько громоздких, неестественно двигающихся фигур втащили молодого мужчину, и вдруг я отчетливо увидел большой каменный нож, ловко вскрывающий грудную клетку. В этот момент я по-настоящему вдохнул густой, оглушающий запах крови, в ушах зазвенело, и я ощутил в руках пульсирующее вырванное сердце. А потом все исчезло.

Даже не знаю, как скоро мы пришли в себя. Но в конце концов я вдруг понял, что сижу в мокрой от росы траве, что вокруг синеют лесные сумерки, то ли вечерние, то ли предраусветные. Остальные ребята тоже словно очнулись ото сна. Глеб сидел на ступеньках алтаря, молитвенно сложив руки и глядя куда-то вверх, потом рассеянно перевел на нас взгляд и говорит таким элегическим тоном:

– Романтично, правда?

Меня чуть не вырвало. Я думал, что ослышался. Мои собственные ощущения можно было охарактеризовать как угодно, только не словом «романтично». Я посмотрел на свои руки. Кровь в них гудела, как ток, у меня до сих пор было чувство, что я держу прямо перед собой самую жизнь и смерть. У меня действительно осталось полное впечатление, что при мне только что кого-то убили. Я с трудом поднялся и сказал через силу:

– Я не хочу ничего об этом знать.

Глеб посмотрел на меня, как на осквернителя святынь, и тоже поднялся.

– Как ты можешь так говорить? – удивился он.

Я посмотрел на него внимательно и просто не узнал, и испугался. Его буквально трясло, глаза, казалось, отбрасывали цветные блики, как фонари, на бледном лице застыло совершенно невменяемое выражение. Он сделал шаг ко мне, и я попятился. В этот момент он казался мне каким-то совершенно сверхъестественным существом.

– Ты что, не понимаешь? – спросил Глеб таким проникновенным тоном, что я вздрогнул. – Это жертвоприношение было для тебя!

Он протянул ко мне руки, и я заметил на ноже, который он все еще сжимал, какие-то темные пятна.

– Теперь мы выше самой человеческой природы! – продолжал уговаривать он.

– Что за кровь у тебя на ноже? – выпалил я.

– Это совершенно неважно, – тоном полнейшего убеждения возразил Глеб. – Силой этой жертвы ты сможешь сделать все, что захочешь!

– Я ничего не хочу! – невольно выкрикнул я.

Тогда Глеб остановился и как-то странно усмехнулся:

– Твое тело захочет само, – медленно произнес он, и, хотя я не понял эту фразу, мне послышалась в ней какая-то угроза... Я оглянулся на остальных ребят, которые стояли поодаль, и сказал:

– Пойдем отсюда.

Глеб покачал головой, глаза его вспыхнули, как фары, и со всех сторон снова послышался каменный скрежет и звон.

– Вы все преклонитесь перед нами, – отступая назад, с судорожным вздохом произнес он на нечеловеческом, шелестящем языке. – Вы все станете жертвами.

Внезапно он вытянул руки перед собой и сделал движение, словно призывал к себе что-то, какую-то силу; потом еще несколько раз, все резче и резче. Послышался отдаленный гул, как бы из самой толщи земли, и камни, поднявшиеся вокруг, замелькали в непроницаемом темном вихре; Глеб взмахнул руками, как крыльями, и взмыл в воздух на высоту больше человеческого роста. На этом мои воспоминания заканчиваются. Очнулся я дома, и, самое главное, никто не заметил, что я уходил; зато мне сказали, что я проспал землетрясение.

...

– Так вы считаете, Михаил, что все, о чем вы рассказали, случилось на самом деле?

– Да как объяснить... Позже я пытался поговорить об этом с другими мальчишками, но мне все отвечали так уклончиво, неохотно... У меня создалось ощущение, что я и в самом деле чего-то не понял. Знаю только, что некоторые ребята потом еще не раз уходили куда-то с Глебом. Ну а уж с ним-то самим мне вовсе не хотелось общаться. У меня был такой страх, что если я стану ему противоречить, он продемонстрирует еще какой-нибудь жуткий трюк... Несколько недель прошло без особых событий, и я, наверное, забыл бы обо всем. Но однажды произошел случай, который напомнил мне об угрозе Глеба.

У нас в доме жил сосед, пьяница и вообще псих, часто буйствовал, орал, и все время гонял нас, мальчишек, если замечал на лестнице. Так вот, однажды возвращаясь я домой, а он на ступеньках сидит, и давай меня ловить. Я мимо проскочил, и тут вдруг словно какая-то сила меня остановила. Я обернулся и выговорил, как будто прочитал по написанному:

– Чтоб ты сдох, выродок старый! Чтоб ты свалился сейчас с лестницы и разбил свою гнилую башку!

Надо сказать, это вообще нехарактерные для меня выражения. У меня даже мысли такой не было. Но в этот момент я почувствовал, словно какой-то почти осязаемый импульс прошел сквозь меня, как ток, и я даже покачулся. Это состояние отчетливо напомнило мне ощущение от миражей Глеба... словно мгновение остановилось. Сосед тоже замер, я очнулся и убежал. А на следующий день узнал, что он упал с лестницы и проломил себе череп.

– Вы думаете, что есть связь между этими событиями?

– Постороннему человеку, наверное, легко принять их за совпадение. Но в глубине души я уверен, что случившееся – моя вина. С тех пор я всегда боялся автохтонов. Позже я слышал еще несколько похожих историй и запрещал всем своим родным приближаться к произведениям Тасманова или пользоваться приборами, которые работают на хтоническом токе.

Глеб.

Свое детство Тасманов помнил смутно. Осталось только ощущение незримого присутствия какой-то магнетической силы, которая, казалось, поднималась из-под земли. Дальше

в памяти возникала гроза и внезапное пробуждение на каменном полу. Сверху свисали перемазанные землей узловатые корни, молния мерцала, как фотовспышка, и хлестал ливень, а рядом чернел тесный, уводивший под землю провал. Позже он сообразил, что упал в яму под корнями поваленного дерева, а в тот момент просто почувствовал, что надо идти вперед.

Он выбрался к большой круглой поляне, окруженной клыкастыми скальными вершинами. Ему казалось, что надо выйти на середину площадки. Там виднелась кубическая конструкция, похожая на очаг или алтарь. Когда он подошел к ней, его охватила такая усталость, что он опустился на колени, взявшись за алтарь руками, и после этого потерял сознание.

Дальше почему-то возникало необыкновенно яркое и отчетливое видение просторной каменной террасы в ноздреватом теле исполинской многоярусной башни. Внизу сквозь жемчужные разрывы облаков проглядывал золотой от пыли и сверкающих идолов экзотический сонный город. Вверху сквозь нагромождение тяжеловесных облаков мелькали холодные проблески солнца. Затем появился прямоугольный дверной проем, и он все приближался. Повеяло прохладой и темнотой, потянулись гладкие каменные стены, и наконец все исчезло.

Следующее воспоминание – дорожка, ведущая к дверям его дома. Когда он вошел внутрь, поднялся переполох, все стали радоваться, что он вернулся, и спрашивать странные вещи, вроде того, почему он раньше не говорил. Он отвечал машинально, хотя вопросы пропускал мимо ушей; ему в голову вдруг стало приходить понимание, что надо делать.

Силовые потоки энергий, исходящих из-под земли, он ощущал теперь совершенно отчетливо, так, словно способность к осязанию развилась в нем до уровня ясновидения. Он воспринимал текстуру предметов на расстоянии, и минералы в этом смысле отличались наиболее податливым и плодородным составом: в них скрывались колоссальные запасы энергии, позволявшие перестраивать любые происходящие в пространстве процессы. Всего лишь ориентируясь на хтонические потоки, Тасманов без труда научился преодолевать гравитацию, изменять сигналы видимого и слышимого диапазона, а также непосредственно воспринимать состояние сознания людей. Заметив, что даже самые примитивные эффекты его работы производят на окружающих неизгладимое впечатление, и не без затруднений осознав, что его способности в своем роде уникальны, Тасманов про себя счел остальное человечество сырьевым материалом для экспериментов с камнем. Насколько чуждым казалось ему общество, настолько же родственной была подземная стихия минералов.

Богатство душевного мира людей, многообразие противоречивых мыслей и чувств осталось ему неизвестно. Тасманов никогда ни в чем не сомневался, ничего не анализировал и не планировал. Просто в какой-то момент возникало осознание, что следует поступить определенным образом; так он и поступал. От суеты окружающих он отвлекался, совершенно не принимая никого в расчет, а для простоты общения, не мудрствуя лукаво, всегда вел себя так, как, по его ощущениям, ждали от него другие.

Вся жизнь представлялась ему отдельными вспышками событий, чем-то привлечших его внимание, на фоне сплошного провала в памяти: значительную часть времени его сознание пребывало в попросту выключенном состоянии. Он удивился бы, узнав, что большинству людей жизнь представляется непрерывной чередой впечатлений. Впоследствии на основании экспериментов он сделал вывод, что сознание человека по существу напоминает как бы отдельные бусинки смысла, рассыпанные в бездне материи, и догадался, что большинство людей не замечают пауз между моментами своей жизни, как не замечают мерцания кадров на киноэкране. Для Тасманова все обстояло иначе: он воспринимал преимущественно хаотические потоки первичной энергии творения, игнорируя остальное.

Следующее отчетливое воспоминание – он стоит перед алтарем с ножом в руке, а на него недоверчиво смотрят несколько смущенных мальчишек. В этот момент он ясно осознал, что они предназначены в жертву, и пространство словно само стало подсказывать ему нужные движения. Дальше опять бессвязные ощущения, какой-то пустяковый спор и ослепительное

пробуждение земли. А некоторое время спустя – видения из чужой жизни, словно моменты собственной души. Вот один из мальчишек ругается с соседом на лестнице, вот другой снимает с трупа незнакомой девушки золотые украшения... Тасманов не анализировал происходящее, просто понял, что участники жертвоприношения каким-то образом попали в подчинение к подземным потокам, исходящим из камня, и решил при случае повторить опыт.

Постепенно он догадался, что во время ритуала происходил обмен сознанием. Камень вбирал в себя частицу души человека, а взамен отдавал неумолимую гипнотическую силу, оседавшую в телах людей крупными минералами – настолько крошечными, что даже Тасманов, предельно восприимчивый к материальному составу вещей, почувствовал инородные образования, только когда в телах жертв начали формироваться целостные структуры, как вязь нитей, опутывающих тот или иной внутренний орган. Только тогда Тасманов понял происхождение крови, появлявшейся на ноже во время ритуала: она переходила изнутри участников, хотя физически Тасманов никого не ранил.

Изучая свои возможности по восприятию чужого сознания, он убедился, что и другие минералы, которые он настраивал на подземный поток, действовали аналогично алтарю: через них люди подключались к силе камня и, как правило, стремились испытать ее действие снова и снова. Между тем сеть влияния автохтонов множилась. Тасманов совершенствовал навыки управления ею и постепенно научился превращать в зависимость даже случайный единичный контакт. Он не задумывался о смысле своих действий, не отдавал себе отчета в том, какие последствия вызывало систематическое облучение хтоническими энергиями во всех областях жизни человека. Тасманов вовсе не понимал людей, словно сам не принадлежал к человеческому роду; он ощущал только частицы камня, зарождавшиеся в телах жертв, и проходившие по ним импульсы тяжелых, низменных впечатлений, которые следовало постоянно поддерживать и усиливать, поскольку они питали камень. Тасманов научился отслеживать всех, кто подвергался облучению, сохранять в стереозеркалах полученные моменты их жизни и в случае помех внушать через минерал состояния боли и бреда. Внезапно возникавшие навязчивые идеи и галлюцинации, недиагностируемые болезни, обмороки и частичный паралич, как правило, безотказно действовали на тех, кто, по ощущениям Тасманова, пытался отказаться от усвоенных подземных сил, и заставляли жертв прибегнуть к чудодейственной помощи автохтонов, отбросив сомнения, вовсе для камня бесполезные и Тасманову абсолютно непонятные. Сам он признавал только погружение в подземную стихию, искренне полагая, что ничего другого в природе не может быть, и если порой приходилось убеждаться в существовании другого способа восприятия, Тасманов считал его ошибочным и опасным.

В ходе экспериментов с хтоническим током Тасманов понял, что жертвенный камень в ущелье отличается от остальных автохтонов. Именно он пробудил в Тасманове сверхъестественные способности, он гипнотизировал и подчинял жертв как никакой другой – в своих подделках Тасманову не удавалось сконцентрировать и доли той энергетической мощи, которая чувствовалась в алтаре, – и, самое главное, видения, производимые жертвенным камнем, не были беспорядочным потоком осязаемых фантазмов: они словно принадлежали к одному и тому же сюжету, как фрагменты головоломки. Тасманову являлись то вереницы витиеватых символов, объяснявшие происхождение каких-то чудовищ, имена которых он сразу забывал; то изображения человеческого тела в вихре замысловато сплетенных нитей; то громоздкие хирургические инструменты из камня; то изощренные пытки и убийства в ходе религиозных церемоний. Жертвоприношения, к удовольствию Тасманова, повторялись чаще всего; и зловещие панорамы массовых ритуальных действий, обширная храмовая площадка для священнодействий, свисающие с высокого потолка клетки с пленниками, блуждание чадающих огней, за которыми угадывался гул толпы, длинный каменный нож и кубический черный алтарь, обогранный кровью растерзанной жертвы, оставались для Тасманова самым волнующим и желанным переживанием.

Поначалу он пытался обеспечить максимальный приток человеческой жизненной силы к жертвенному камню, приглашая как можно больше людей к алтарю, однако вскоре заметил, что на некоторых участников ритуальные действия производили тягостное впечатление, вызывая вспышки абсурдного, как казалось Тасманову, возмущения и сопротивления. По причинам, которые Тасманов не вполне осознавал, но научился интуитивно учитывать, приходилось знакомить с жертвоприношением лишь достаточно проверенных, подготовленных людей и в целом избегать афиширования подробностей. Таким образом, основной человеческий ресурс поступал через произведения его собственного творчества, что составляло значительный количественный объем, но не устраивало Тасманова по качеству. Долгое время он ломал голову над тем, каким образом усилить взаимообмен жизненной силой между камнем и человеком, пока наконец случай не подсказал ему решение.

Однажды помощник сообщил, что личной встречи с Тасмановым настойчиво добивается некий ученый, историк и археолог едва ли не с мировым именем, недавно вернувшийся с раскопок в районе Древнего Вавилона. Ни о Золтане Себестьяне, ни о Месопотамии Тасманов ничего не знал потому, что ничьими исследованиями, кроме своих собственных, не интересовался, но согласился принять визитера в офисе архитектурного бюро, куда периодически приезжал с распоряжениями, решив, что появился очередной заказчик. Немолодой сдержанный мужчина оказался профессором нескольких европейских университетов и выражался на сравнительно чистом русском языке, объяснив, что, будучи по происхождению венгром, образование получал в России.

– Я занимаюсь историей древних цивилизаций: Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилон... – пояснил он и добавил скорее утвердительно, чем вопросительно: – Впрочем, вы, наверное, и сами знакомы с культурой Древнего Междуречья?

– А это где? – равнодушно уточнил Тасманов.

– Эээ... – профессор явно удивился.

– Ну, между реками, я понял, – нетерпеливо махнул рукой Тасманов. – Нет, не знаком. А что вы хотели?

– Хм... Признаться... Дело в том, – к ученому вернулась прежняя уверенность, – что в вашем творчестве... видимо, совпадение... Прослеживается очевидная преемственность с... ээ... вот, допустим, архитектура Вавилона. Это реконструкция, – Себестьян ловко развернул перед Тасмановым научный журнал, извлеченный из вместительного кейса. Тасманов бегло просмотрел рисунок гигантской многоярусной башни, действительно выполненной в стиле, близком к его собственному.

– Не сказать, чтобы совсем бездарно, – снисходительно кивнул он. – Только вот лестницы... А кто чертил этот проект? Очень плохо рассчитано.

– Хм... возможно... собственно, в том и заключается мой вопрос. Вот у вас недавно открылся этот объект... здание подземной голографической галереи. Так?

Тасманов наморщил брови. Покрытые голографическими росписями лабиринты, уходящие под землю на несколько километров и расположенные – о чем Тасманов избегал распространяться – над системой подземных лавовых озер, вызывавших своими испарениями усиление психической восприимчивости до такой степени, что у многих посетителей раскрывались различные паранормальные способности – был одной из недавних попыток Тасманова обеспечить концентрацию внимания и воли жертв, сопоставимую с воздействием алтаря.

– Верно, – неуверенно кивнул Тасманов, не вполне понимая, к чему ведет настырный визитер, который, между тем, ловко раскладывал на столе большие фотографии каких-то руин.

– Потрясающе. Я сам там был. Необыкновенная задумка. Эти ваши автохтоны – просто восьмое чудо света. А теперь посмотрите сюда, – Себестьян приглашающим жестом обвел фотографии. – А вот общая схема, – указал он на сложный чертеж. – Материалы с раскопок, которые проводились в этом году!

Тасманов взглянул на изображения помещений, казавшихся полуразрушенной и засыпанной песком копией его последнего архитектурного проекта. Совпадение настолько поразило его, что он промолчал и наконец присмотрелся к фотографиям внимательно.

– Практически полная идентичность, верно? – не дождавшись комментариев, продолжил ученый. – Я это случайно заметил. Я, признаться, не знаток вашего творчества. Но после такого совпадения специально изучил ваши работы и должен сказать, что много общего... Вот, взгляните... Это сейчас в Музее Древней Истории в Вене. Ритуальный предмет неизвестного назначения. А вот фото с прошлогоднего аукциона Крион: автохтон «Синий Фонарь» – ваше произведение? Практически одно и то же! Вот еще... Монумент, найденный в одном из подземелий, более четырех метров в высоту... Как считается, соединение человека и сверхъестественного зверя... впрочем, некоторые видят здесь двух людей... Очень похожие фигуры у вас в оформлении океанариума, да и не только там. Или, узнаваемый мотив: нос и рот выполнены реалистично, а глаз нет совсем – у многих ваших скульптур то же самое... И, знаете, я бы подумал, что вы сознательно используете древневавилонские мотивы, но как тогда объяснить полную идентичность этой вашей подземной галереи с залами, которые обнаружены только что, буквально несколько недель назад? – Ученый вдруг прервал поток аргументов и вопросительно взглянул на Тасманова. Тот растерялся.

– Вы от меня ждете ответа? – уточнил он.

На этот раз растерялся ученый.

– Дело в том, что я подумал... Может быть, ваши знания... помогут в исследованиях. Потому что вот, например, до сих пор нет никаких предположений о предназначении, скажем, этого изваяния...

Тасманов неохотно заглянул в фотографию и пожал плечами.

– В смысле, предназначении? Он тут повернут неправильно. Желоб надо в землю воткнуть, чтоб по нему кровь стекала, – пояснил он, непринужденно водя пальцем по изображению.

Профессор неуверенно посмотрел на него, словно задумался о чем-то постороннем, а потом снова переключился на фото.

– То есть, вы считаете, что этот предмет служил для ритуальных целей?

– Но ведь написано, – рассеянно заметил Тасманов. Знаки, не раз являвшиеся ему возле алтаря, он узнал, но не придал этому значения. – Вот, здесь же не просто узор. Чаша... неразборчиво... пасть материи – бездна жизни, пусть кровь жертвы... неразборчиво... к началу. – Ученый чуть не выронил кейс. – А этот камень и есть гигантская чаша в виде пасти... этой, как ее. Тиамат. Имя такое, что ли? – Тасманов вопросительно взглянул на профессора.

– Вы читаете эти символы?..

– А вы – нет? – удивился, в свою очередь, Тасманов.

Себестьян медленно развернул к себе журнал и еще раз внимательно просмотрел иероглифы, словно впервые их увидел.

– Эти знаки предположительно составляют язык тайного религиозного культа. Еще ни один лингвист их не расшифровал!

2. Плоть времени

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Известный археолог и историк Золтан Себестьян специализировался на исследовании цивилизаций Древней Месопотамии и прославился оригинальными суждениями относительно смысла шумеро-аккадских и ассиро-вавилонских религиозных мифов, в которых в зашифрованном виде якобы содержались конкретные предписания для оккультных практик. Согласно теории Себестьяна, наряду с общеизвестным языческим, рабовладельческим Вавилоном, роскошной и мрачной столицей восточного деспотизма, существовал «Неизвестный Вавилон» – оплот священной науки, лаборатория духовных практик, позволявших преодолевать законы природы и раскрывать истинную сущность человека. Знаменитая Вавилонская башня, легендарный символ нескончаемых и бесплодных притязаний человечества на божественную власть, предстает в книгах Себестьяна шедевром мистического гения, архитектурным воплощением сакральных истин о происхождении Вселенной и законах жизни человека, наглядной формулой преображения, скрытой в идеологемах позднейших мировых религий. В ходе одной из последних своих экспедиций Себестьян обнаружил в окрестностях Древнего Вавилона следы подземного святилища, не относившегося, по-видимому, к официальному культу, и после встречи с Тасмановым начал разрабатывать теорию своего рода оккультной секты, посвященной вавилонским «старшим богам».

Тасманов, в свою очередь заинтригованный сходством своих произведений с результатами раскопок на месте древней цивилизации даже в большей степени, чем это могло показаться человеку, не посвященному в сущность опытов отца с минералами, а также привлеченный идеями, содержащимися в иероглифических текстах из святилища, всячески поддерживал изыскания Себестьяна и профинансировал несколько повторных экспедиций, всемерно интересуясь результатами исследований. По свидетельству учеников Себестьяна, с помощью Тасманова ученый собрал достаточно материала, чтобы подготовить новую книгу, которая, по их словам, открыла бы уникальную страницу в мировой истории религий. Однако впоследствии ученый скоропостижно скончался от неизвестной болезни, а все материалы по его последним экспедициям, рабочие дневники и черновики к будущей книге исчезли.

Людам, не понимавшим характер заинтересованности отца в работе Себестьяна, не пришло в голову связать загадочную гибель археолога с именем Тасманова, тем более что у знаменитого ученого хватало недоброжелателей в самых разных научных и политических кругах. Однако для меня вина отца осталась бы очевидной, даже если бы я не нашла пропавшие записи Себестьяна целиком и полностью в архиве Тасманова.

Если археолог видел в результатах раскопок лишь свидетельства о прошлом, любопытные, быть может, даже полезные, но все же относящиеся к области теоретических сведений, то отец искал прежде всего практическое руководство к будущему действию. Благодаря исследованиям Себестьяна он понял, что его эксперименты с камнем являлись в сущности религиозной практикой, которую требовалось дополнить полноценным культом. Организация секты по образцу, обозначенному в иероглифических таблицах, помогла бы поднять процесс обработки людей автохтонами на качественно новый уровень. Сопоставив информацию из таблиц с видениями, приходившими через алтарь, Тасманов пришел к выводу, что его творчество по сути аналогично практике древневавилонской секты, преследовавшей цель призвания хтонических энергий богини Тиамат в физический мир. Более того, отец решил, что он и есть древневавилонский жрец, создавший некогда культ использования первичных энергий земли и возродившийся в современном мире для того, чтобы завершить работу по призванию силы подземных бездн в человеческую жизнь. Причины, побудившие отца сделать такой вывод,

можно понять из работ Себестьяна об оккультных учениях Вавилона и в особенности из черновиков ученого к его последней, ненаписанной книге о тайном культе «старших богов». Я процитирую несколько текстов, определивших неизвестную, однако наиболее значимую сторону деятельности отца – создание секты, практиковавшей человеческие жертвоприношения.

Из книги Золтана Себестьяна «Неизвестный Вавилон»:

Современные представления о цивилизациях древности достаточно условны. Сохранившиеся образцы материальной культуры не позволяют полностью восстановить исторический контекст, в котором формировалось то или иное явление. Неполная или искаженная информация о прошлом обуславливает, в свою очередь, ошибочную трактовку имеющихся фактов. Свойство человеческого ума таково, что все незнакомое объясняется через отождествление с чем-нибудь привычным; если же найти аналогию не удастся, необъяснимый факт попросту игнорируется. История человечества всякий раз заново воссоздается путем неоправданных допущений, вызванных сравнением с сегодняшним днем. По мере изменения реальности изменяется и память. Возможно, цивилизации и эпохи – это прежде всего не формы материальной культуры, а состояния общественного сознания.

Существует соблазн рассматривать свидетельства чуждого мира как иносказания – экзотические намеки на нечто общеизвестное. Однако для истинного понимания необъяснимых вещей может оказаться полезной попытка воспринимать информацию о них непосредственно, буквально. Отношение к древней мифологии как к плоду примитивной фантазии свидетельствует, возможно, не о прозорливости современного человека, а об узости его мышления, скудности переживаний и неспособности отслеживать источник явлений сверхчеловеческого масштаба, осознавать движущие силы природы, истории и судьбы.

Одна из наиболее содержательных и вместе с тем недооцененных религиозно-философских систем относится к цивилизации Древнего Междуречья. Интерпретация не полностью сохранившихся, разрозненных и малочисленных текстов осложняется еще и потому, что разница между иероглифическим письмом и современным алфавитом является не столько формальной, сколько содержательной. Специфика иероглифического письма состоит в смысловой емкости образов-символов, которая, в сочетании с пропуском гласных, предполагала широкую, многоуровневую трактовку текста: от обыденного сюжета о вещах и действиях физического мира до философских обобщений и, далее, оккультных предписаний, понятных лишь посвященным. Отдельные особенности древних мифологем заставляют предположить, что запутанные истории капризных и жестоких богов повествуют на самом деле одновременно о зарождении астрономической Вселенной, биохимии человеческого организма, создании религии, науки, морали, искусства, права, формировании самой личности человека – всего духовного и материального мира, в котором мы существуем. При правильном прочтении религиозная мифологема разворачивалась в ключ к любому действию. Однако всеохватную интерпретацию мог произвести только всесторонне развитый человек.

Универсальных специалистов, мастеров жизни, владеющих тайными силами материи и духа, готовили в жреческих школах при храмах. Формально обучиться на жреца и занять соответствующую должность мог любой желающий; однако фактически большинство жрецов ограничивались исполнением обязанностей, аналогичных деятельности чиновников и политиков. Лишь немногие стремились к обретению мудрости; после суровых испытаний избранных посвящали в захватывающие и опасные тайны преобразования самой природы человека и мира.

Закрытые оккультные школы существовали при храмах всех наиболее могущественных государств древнего мира, и в среде посвященных жрецов зарождались революционные культурообразующие философские учения и религиозные движения. Сущность обучения состояла в непосредственном переживании оккультных мистерий на материале специальных мифологем.

В основе мифологического восприятия находится чуждое современному мышлению отождествление физических и духовных явлений. Внутри каждого момента времени, как в матрешке, скрывается изначальная формула творения. Посвященный на физиологическом уровне ощущал, как орбиты небесных тел формировали энергетическую структуру Земли, как, встраиваясь в генетический код организмов, они возносились над смертным миром в священных поэмах о судьбах богов, как зарождались матрицы общественного сознания, определявшие историю цивилизаций; древняя мудрость обращала человека к бездне смыслов. Поэтому имени каждого бога ставились в соответствие определенные виды деятельности, психологические качества, движение звезд или планет, свойства различных материалов, представители растительного и животного царства, дни недели и прочее. Истории о том, как некий бог построил в свою честь город и получил от жителей в жертву различные богатства, обозначают прежде всего не перипетии градостроительства и налогообложения, а значение матриц духовного развития общества, в которых проявляются целесообразные личностные качества людей. Однако считать образы богов только иносказанием – так же ошибочно, как и видеть в них досужую выдумку. Косвенным подтверждением тому, что в древности люди действительно контактировали со сверхъестественными силами, может служить необъяснимое для современного человека разграничение между ритуальным жертвоприношением и обычным убийством, храмовой проституцией и уличной торговлей телом. Конечно, можно предположить, что современный человек оценивает действительность значительно адекватнее, чем его предки, создавшие, между тем, шедевры литературы и архитектуры, непревзойденные до сих пор; однако остается вероятность, что в ходе древних священнодействий нарушение общеобязательных норм поведения способствовало совершенствованию человеческой природы благодаря соприкосновению с неизвестными теперь, но некогда очевидными сверхъестественными силами. Какими были истинные боги человечества, как проходило общение с ними – не обладая аналогичным опытом, невозможно даже представить.

Из черновиков к книге Золтана Себестьяна «Ушедшие боги»:

В рассматриваемый период времени официальной религией Древнего Вавилона считался культ Мардука. С культурологической точки зрения миф о войне солнечного бога Мардука (AMAR. UTU – «юное солнце, солнечное дитя») против исполинского чудовища Тиамат (TI.AMAT – «матерь жизни», «та, что все породила») означает переход от стихийно-фетишистского хтонического типа осознания к героическому патриархальному, приведение магических сил природы к порядку цивилизации, подчинение бессознательных порывов разуму. Миф о Мардуке и Тиамат, содержащийся в космогонической поэме «Энума элиш» («Когда вверху...»), представляет собой древнейшую из известных версий происхождения Вселенной.

Изначальные силы творения персонифицированы в «Энума элиш» в образах Апсу и Тиамат, чьи имена представляют собой различные варианты слова «бездна»: тракуются как соответственно океан пресных и соленых вод, также как «море знаний» (AB «море», ZU «знать») и «море жизни» (TI «ребро, жизнь», AMTU «женственность, целомудрие»; также отождествляется с древнееврейским teh-home «водная глубина»). От смешения первостихий Апсу и Тиамат появляются «младшие боги», которые своей шумной деятельностью беспокоят родителей, в результате чего Апсу решает их уничтожить. Узнав об этом, бог-демиург Энки/Эа (EN.KI

«господин земли», Е.А «дом в воде») убил Апсу и над его телом возвел для себя жилище под названием «Апсу», в котором зачал сына Мардука – бога, своими бесчисленными совершенствами превосходившего остальных богов. Между тем Тиамат задумала отомстить за мужа и начала готовиться к битве. Мардук, в обмен на признание остальными богами его господства, согласился сразиться с ней и победил, отвоевав себе «таблицы судеб» – «ме» (МЕ «суть, слово, смысл») и определив с их помощью новое мироустройство.

Некоторые исследователи усматривают в мифе о Мардуке и Тиамат повествование о якобы имевшем место появлении в Солнечной системе предполагаемой планеты Мардук (шумерск. Нибиру, др.-греч. Немезида) и столкновении ее спутника с предполагаемой планетой Тиамат (др.-греч. Фаэтон), часть которой в результате распалась на пояс астероидов, а часть обрела собственную орбиту и превратилась в Землю, сохранив за собой главный спутник бывшей Тиамат – Кингу (Луна). Планета Мардук при этом также получила новую орбиту, предполагающую ее периодическое возвращение в Солнечную систему.

В оккультном плане «младшие боги», рожденные из бескачественной бездны, трактовались как свойства сотворенного мира, а сражение Мардука против Тиамат означало поиск сущностной идентичности в бездне творения. Стихийные хтонические энергии традиционно считались враждебным фактором, так что духовные практики строились вокруг богов, олицетворявших становление космоса. Однако существуют свидетельства, что некоторое время в храме действовал культ, позволявший людям освоить силы, персонифицированные в образах «старших богов» – Апсу и Тиамат.

Насколько можно судить по информации из найденных таблиц, человек, стоявший во главе своеобразной оккультной секты, принадлежал к царской семье, хотя не был прямым наследником престола. Он проходил обучение в школе жрецов и официально считался жрецом Ваала/Бэла (BEL «господин, владыка» – эпитет Мардука и многих др. богов, означавший «божественную власть»). Со слов Тасманова: считал, что жреческая практика должна состоять в открытии чуждых физическому миру энергий; что Бэл, восходя к образам Мардука и, еще раньше, Энлиля (EN «господин», LIL «ветер, воздух, дыхание, дух»), являлся в конечном итоге социально-адаптированной ипостасью супруга Тиамат – Апсу. В конечном итоге объявил себя воплощением бога Апсу.

В практике секты «старшие боги» означали глубинные, первичные пласты осознания и энергии. Эксперименты показали, что лучшим физическим проводником силы «старших богов» служат минералы, в особенности тот, который в современном мире называется габбро. Предполагалось использовать хтонические потоки для преобразования человеческой природы и создания нового, совершенного существа, объединяющего в себе свойства органической и неорганической материи, человека и камня. Чтобы разогнать жизненные ритмы минералов до уровня активности человека, применялись человеческие жертвоприношения. Изуверская практика массовых убийств, предварявшихся изощренными пытками с элементами вивисекции и гипноза, вызвала недовольство как правящей элиты, так и тайной оккультной школы. Чиновники считали, что организатор культа способен взять под контроль сознание масс и воспользоваться этим в целях личного обогащения и захвата царской власти. С точки зрения оккультной доктрины, первичные энергии творения несли разрушительную силу и опасность для всего человечества. «Старшие боги» не соответствовали традиционному идеалу божественной полноты и гармонии всех качеств; они означали одномерные, примитивные, по существу неуправляемые и бессмысленные, но при этом бесконечно интенсивные состояния. Создатель культа стремился к открытию источника неисчерпаемой материальной силы, которая позволила бы осуществлять неограниченные творческие эксперименты, однако остальные посвященные склонялись к выводу, что хтонические энергии вызывают у человека прежде всего вспышки насилия и безумия, а способность инициатора исследований к преоб-

разованию воздействия Тиамат в собственных целях является уникальной в своем роде. Многие верили в его духовную идентичность Апсу и именно по этой причине считали неуравновешенным и беспринципным существом, ведущим планету к катастрофе.

Конфликт сам собой прекратился, когда создатель секты при невыясненных обстоятельствах исчез (вероятно, погиб во время одного из оккультных экспериментов, или был убит).

Со слов Тасманова, жрецы попытались уничтожить все предметы культа «старших богов». Однако еще раньше основатель секты перевел «сознание Апсу», то есть все знания и опыт, которыми обладал, в специальный каменный алтарь и скрыл его в месте будущего зарождения цивилизации, которая станет наследницей Древнего Вавилона и однажды завершит опыт преображения человечества.

Из рабочих дневников Золтана Себестьяна:

Тасманов говорит, что негативная оценка хтонических энергий наивна. Иногда он отзывается о древневавилонских жрецах, как о своих знакомых: «Эти кретины» и пр. «Если бы эти кретины тогда не влезли, планета давно перешла бы на другой уровень существования». Я спросил его в шутку, не знает ли он, что все-таки случилось с тем основателем секты. Он задумался на некоторое время, а потом сказал: «Теперь это уже не важно». Его познания по части применения пыточного инвентаря порой просто пугали бы, если бы речь шла не о вещах, вышедших из употребления тысячелетия назад.

Если принимать во внимание творчество Тасманова и его расшифровку таблиц, найденные залы – это бывшие храмы. Уникальный случай, когда работа современного мастера помогает понять древние образцы, а не наоборот... Информация, которую он дает, бесценна; теоретически, подготовленный специалист мог бы организовать подобную мистификацию, но насколько мне известно, он никогда всерьез не интересовался наукой... вообще я бы сказал, что его невежество во всем, что не касается непосредственно его специализации, близко к идиотии. Но сведения, которые он сообщает, исходя из найденных нами образцов, поразительны.

Сохранившиеся фрагменты вавилонских мифов относятся практически полностью к героическому типу и повествуют о цивилизаторской миссии «младших богов» (Энлиль, Энки, Инанна, Мардук) и подвигах героев (Гильгамеш, Энкиду). Архаические хтонические образы, связанные с представлением о хаотических первичных силах и истоках творения, упомянуты лишь в мифе о Мардуке и Тиамат, и материала для их интерпретации мало. Однако обнаружение текстов, относящихся к культу «старших богов», позволяет восполнить этот недостаток.

Со слов Тасманова, Апсу интерпретировался как первичный свет – не то, что принято сейчас подразумевать под «светом» как упорядочивающей, созидательной силой – скорее, ненаправленный поток бесцельной творческой воли, не ограниченной какими-либо рамками, бессмысленной, своего рода духовный хаос (хотя это противоречит современному пониманию «духовности» как нравственного начала). Тиамат означала неисчерпаемое изобилие материи, бесконечность созидательных сил, источник жизни (что опять же противоречит традиционному представлению о враждебности материи по отношению к формообразующей деятельности).

Впрочем, для переосмысления архаических духовных учений есть основания в самих сюжетах хтонической мифологии, о которой можно составить представление, например, по соответствующим текстам античной Греции, сохранившимся значительно лучше, чем месопотамские источники. Амбивалентный характер хтонических образов очевиден даже несмотря на характерное для античности преобладание героических мотивов подвига, преодоления хаоса.

тических сил природы, времени, женственности и смерти. Можно вспомнить, что древнегреческий бог Солнца Гелеос является доолимпийским, архаическим божеством и принадлежит к поколению титанов; его ослепительный свет, взгляд ярко сверкающих глаз не столько привлекателен, сколько страшен. Характер хтонических сил ярко выражается в поведении потомков Гелеоса, отличавшихся дерзостным нравом и склонностью к колдовству: дочери – Пасифая, критская царица, мать Минотавра; волшебница Кирка (Цирцея), превращавшая на своем острове людей в животных, а также из ревности проклявшая прекрасную нимфу Сциллу, которая стала морским чудовищем с нижней частью тела в виде свары голодных псов, подстерегавшим путешественников в Сицилийском проливе; внучка – волшебница Медея, убившая собственных детей в качестве мести мужу за измену. Хотя Гелеос – не самая точная аналогия; со слов Тасманова, если приводить примеры из астрономии, Аpsу в вавилонском мифе означает предполагаемый центр галактики, хотя, как он выразился, «на самом деле нет у нее никакого центра». Я спросил: «А что же там есть?», – на что Тасманов ответил: «Где там?», – и я подумал: «А и в самом деле!»

С точки зрения патриархального рассудка первичная форма осознания оценивается как примитивная, ложная. В архаическом восприятии жизнь предстает как беспорядочное нагромождение непонятных процессов, исполненных диспропорции и дисгармонии, доходящей до настоящего уродства и ужаса. Мир мыслится фетишистски, отдельные вещи и части тела обладают самостоятельными духовными функциями (можно привести в пример античный сюжет, в котором голова растерзанного вакханками Орфея плывет по морю, пророчествует и творит чудеса). Вселенная представляется единым телом, изначально обязательно женским, производящим все из себя; небо, земля, море и потусторонний мир теней слабо различаются между собой. Красота архаических существ гибельна: так, например, миксантропичные сирены привлекают моряков чарующими голосами и обрекают на смерть в мрачной глубине моря. Однако следует различать собственный смысл хтонических образов и их интерпретацию в героическом контексте. Характерным примером взаимодействия героического и хтонического пластов может служить легенда о Медузе Горгоне.

Имя Медуза означает «владычица, повелительница». Изначально Горгоны – прекрасные морские девы. Однако по происхождению они связаны с доолимпийскими морскими божествами, олицетворяющими загадочную и необузданную стихию бессознательного. Их независимость и беспечность вызывают гнев Афины Паллады – богини мудрой и справедливой войны, олицетворяющей героический идеал начиная с истории своего рождения: появившаяся без матери в полном вооружении из головы отца – верховного олимпийского бога Зевса (уникальный пример притязания мужского, рассудочного начала на абсолютное господство вплоть до функции деторождения). Афина превращает дев в чудовищ, покрытых блестящей чешуей, со змеями вместо волос и взглядом, превращающим в камень все живое (слово Горгона происходит от корня «страшный, ужасный»). Горгоны скрылись на отдаленном острове, но все равно напуганные люди ждали героя, который победил бы их. Когда юный воин Персей с помощью хитрости и волшебных предметов, полученных в подарок от нимф, наконец убил Медузу, из ее крови родился прекрасный крылатый конь Пегас. Кровь из левой части тела Медузы оказалась лечебной, а из правой – ядовитой; ее Афина собрала в два сосуда и отдала богу врачевания Асклепию. Страшную голову Медузы богиня прикрепила к своему легендарному щиту – эгиде. Таким образом, поверженное хтоническое чудовище служит источником чудесной силы и в буквальном смысле материалом для цивилизаторской деятельности победителей. Аналогично, в «Энума элиш» именно из тела Тиамат Мардук создает новый мир. Несмотря на восприятие хтонических сил как устрашающих и деструктивных, они предстают основой творения.

Если продолжать аналогию с античным пантеоном, Тиамат прежде всего можно сравнить с Геей. Возможно, сам греческий корень «гео» происходит от шумерского «ки» – «земля, часть» – слово, указывающее на происхождение Земли как осколка планеты Тиамат. В древнегреческой космогонии Гея – наряду с Хаосом, Тартаром и Эросом – одна из первичных сил творения, порождающая сама из себя Уран (небо) и Понт (море) и в союзе с ними, а также с Хаосом и Тартаром создающая целый сонм чудовищ.

От брака земли Геи и неба Урана рождаются боги первого поколения – титаны (в том числе отец Зевса, пожирающий своих детей Кронос – «время»), позже низвергнутые олимпийцами в бездну Тартара; циклопы («круглоглазые») – великаны с одним глазом посреди лба; гекатонхейры («сторукие») с пятьюдесятью головами и сотней рук; гиганты; безобразные богини мести эринии – защитницы прав материнского родства; и обольстительная богиня страсти Афродита, которая, в свою очередь, в союзе с богом кровожадности и вероломной войны Аресом порождает Деймос («ужас»), Фобос («страх»), божка чувственности Эроса и Гармонию.

От союза Геи с морем Понтом через поколение морских божеств, олицетворяющих стихию глубинных страстей, происходит ряд загадочных существ: морские девы, превращенные олимпийцами в смертоносных Горгон; сестры граи – старухи, имевшие на троих только один глаз и один зуб; Харибда – огромный водоворот, поглощавший корабли в Сицилийском проливе; Сцилла – нимфа, превращенная ревнивой соперницей в миксантропичное чудовище.

Тартар понимается в античной мифологии как своего рода «дно на дне», самое глубокое место потустороннего мира – Аида («невидимый»). В соединении с Тартаром Гея порождает дракона Пифона, сторожившего в горах прорицалище древних богинь и разорявшего Дельфы; Тифона (от слова «дымить, чадить») – стоглавое чудовище со змеиным телом и огненными глазами, задевающее головой звезды; и полудеву-полузмею Ехидну. От Тифона и Ехидны, в свою очередь, происходят медноголосый трехглавый пес Цербер – страж в царстве мертвых; крылатая полудева-полульвица Сфинкс (от слова «сдавливает, душит»), загадывавшая путникам загадки и убивавшая тех, кто давал неправильный ответ; Химера, в облике которой сочетались части тел различных животных; побежденные Гераклом гигантский Немейский лев – свирепый хищник, убивавший больше, чем мог съесть, и девятиглавая змея Лернейская гидра, у которой на месте каждой отрубленной головы вырастали две новые.

В описании Тиамат присутствуют также черты сходства с античной первостихией Хаоса. Хаос в различных традициях увязывается с корнем *cha* («зев, зияние») или трактуется как влага, вода от слова *cheo* («лить, разливать»). Он порождает из себя Эреб («мрак») и Никту («ночь»), от которых затем происходят Эфир (тонкая нефизическая энергия), Гемера («день»), Танатос/Фанат («смерть»), Гипнос («сон»), Эрида («раздор»), Ата («обман»), керы («кары») – «порча, уничтожение», Немезида («возмездие»), Мом («злословие, насмешка»), мойры (божества судьбы) и геспериды (нимфы-хранительницы яблок вечной молодости, подаренных Геей на свадьбу Гере).

Даже краткий обзор тератологических (от слов «чудо, чудовище») сюжетов позволяет представить, насколько неочевидные законы природы и могущественные импульсы бессознательного традиционно отражаются в архаической мифологии. Хтонические существа, скрывающие в себе тайну жизни и смерти, восходят к матриархальному образу Великой матери, одним из вариантов которого является Тиамат, и, по всей видимости, аналогичны силам, которым посвящался культ «старших богов».

Глеб.

Внезапное осознание, что все удивительные практики, скрытые в жертвенном камне, осуществлялись некогда в реальности, а следовательно, могут быть повторены, стало для Тасма-

нова откровением. В первую же ночь после разговора с Золтаном Себестьяном он выбрал на улице совершенно случайного молодого человека, парализовал его волю с помощью автохтона, чему давно уже не встречал никаких препятствий, привел к алтарю и с помощью подручных средств приблизительно воспроизвел один из наиболее памятных ритуалов.

Эффект превзошел все ожидания. Едва кровь жертвы брызнула на камень, поток разрозненных озарений, исходивших из алтаря, сложился во всеобъемлющее свидетельство об ушедшей жизни, несопоставимо более насыщенной и значимой, чем настоящая. Тасманов с точностью до мелочей вспомнил обоюдоострую науку древних жрецов, способную пробудить любые силы человеческой души, и свою давнюю одержимость в поиске выхода за пределы человеческих возможностей, пусть даже самых потаенных. В одно мгновение в нем возродились не только навыки осуществления жертвоприношения, но и коварный опыт произвольного изменения сознания, и утонченное медицинское искусство, на порядки превосходившее современное и позволявшее производить хирургические операции голыми руками, под гипнозом вводя в тело человека каменные нити...

Первое, что решил Тасманов – через сеть автохтонов распространить приверженность культу, ввести священный смысл жертвоприношений обывателям в плоть и кровь. Формула бесконечных возможностей материи, зашифрованная в специально разработанном для призвания хтонических сил языке, воспринималось жертвами уже не как экзотическое предание о забытых богах, а непосредственно.

С этого момента исследования Золтана Себестьяна играли лишь вспомогательную роль. Научная интерпретация древневавилонской мифологии не прибавляла ничего существенного к священному языку стихий, на котором проводились ритуалы и которым Тасманов владел интуитивно, хотя информация из иероглифических таблиц порой попадалась небезынтересная. Опробовав жертвоприношения в приватной обстановке, Тасманов вскоре ненавязчиво добавил настоящие убийства в практику некоторых сообществ, которых прежде собирал для ритуалов возле алтаря. Неотразимое действие подземных сил превратило к тому времени наиболее пытливых владельцев автохтонов в тяжело больных, но весьма состоятельных, влиятельных и осведомленных существ. Благодаря их поддержке, зачастую невольной и неосознанной – результат гипнотического манипулирования – Тасманов добивался многих необходимых привилегий в своей работе, однако их сознание пребывало в до такой степени пограничном состоянии между реальностью и хтоническим потоком, что они даже не сразу заметили замену фантазмагорических убийств реальными; для Тасманова же переход к физическому осуществлению массовых ритуальных действий означал подъем контроля над жизнью жертв на небывалую доселе высоту.

Под предлогом строительства закрытых элитных поселков он возвел в различных уголках страны исполинские города-святилища, организованные по принципу обнаруженных Золтаном Себестьяном подземных храмов и предназначенные для возрождения в современном мире культа древневавилонских «старших богов». Среди знаний, скрытых в жертвенном камне, Тасманов обнаружил также и технологию изготовления алтарей. Предельная концентрация хтонических потоков в кубе из габбро достигалась путем периодического повторения изощренных ритуальных истязаний в присутствии беснующейся толпы. Тасманов задался целью изготовить несколько запасных алтарей и соответствующим образом организовал религиозную практику в каждом из филиалов секты.

Мрачные, на посторонний взгляд – беспорядочно нагроможденные переходы, галереи и залы, большей частью подземные и лишь изредка поднимавшиеся на поверхность причудливой асимметричной башней или похожим на пустой бассейн котлованом, усеянным изображениями фантастических существ, вырезанные из тяжелых, грубых материалов, хранивших первозданную силу земли – базальт, гранит, черное обсидиановое стекло – святилища представляли из себя исполинскую каменную воронку с осью в области алтаря. Аскетическая

обстановка вполне компенсировалась обилием ослепительных наваждений и кровавых ловушек, а отсутствие даже намека на социальную организацию или духовное учение объяснялось непосредственным контактом со сверхъестественной силой, переходившей во время жертвоприношения к adeptам, и всеобщим подчинением всеведению и всемогуществу земли. Всячески поощряя аморальность и вседозволенность как возвращение к изначальной природе вещей, Тасманов постепенно превратил сектантскую сеть в подлинное воплощение легендарного Вавилона – столицы экзотических суеверий, изуверской жестокости, безудержного распутства, скрытой власти и оккультных экспериментов.

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Култ, который создал отец, не был духовным учением или сектой в обычном смысле слова; хтонические импульсы действовали на глубинные личностные структуры, незаметно изменяя поведение человека, и косвенным путем обеспечивали очевидный сверхъестественный эффект. Сила камня пробуждала глубинную энергию бессознательного, которая по природе своей аналогична магме в недрах земли, и выполняла случайные желания, поддерживая в adeptах ощущение причастности к высшей реальности, законов которой они, однако, не понимали. Автохтоны внушали состояние, связанное с первичным освоением жизненного пространства: склонность к иррациональным эксцентричным выходкам, наживе, насилию и разврату. Хтонический ток, не адаптированный к духовным задачам человека, не преобразованный в возвышенную, утонченную энергию созидания и жертвенности, оседал в физической плоти в качестве камня, нарушая таким образом жизнедеятельность организма, и формировал болезнетворную структуру, поглощавшую жертву изнутри. Опасные изменения, вместо того, чтобы обострить бдительность людей, побуждали их, как правило, к разного рода соблазнам и манипуляциям. Благодаря глубинному, многоплановому воздействию автохтонов отцу удавалось сохранять в тайне существование грандиозных городов-святилищ и систематическое массовое уничтожение жертв, число которых во время наиболее длительных и пышных церемоний достигало порой нескольких сотен за раз.

Конечно, деятельность Тасманова не осталась совершенно незамеченной. Так называемый поздний период творчества отца оваян множеством самых фантастических слухов и легенд. Постепенно, уже после необъяснимого исчезновения Тасманова и множества его почитателей, эйфория от его опасных изобретений несколько рассеялась, и в обществе появились попытки критического осмысления его работы. В частности, сектантская сеть, лишившись энергетической базы, частью измельчала, частью распалась, и некоторые из бывших adeptов, еще не вполне утратившие здоровье и рассудок, вернулись к относительно самостоятельной жизни. Поскольку техника преобразования минералов так никогда и не была разгадана, крупницы правды растворились среди нелепых домыслов и обвинений, и оккультные опыты отца остались одной из множества сплетен. Однако я могу судить о существовании сравнительно адекватных оценок; так, одной из наиболее удачных попыток указать на истинную роль Тасманова в обществе я считаю прошедшую почти незамеченной книгу Валерия Гвоздева «Феномен Тасманова. Невидимый город» – журналистское расследование, посвященное косвенным свидетельствам о действующей через автохтонов секте. Правдивые, хотя не вполне убедительно обоснованные выводы не привлекли внимания общества, предпочитавшего обманываться мечтами о всеильном гении, способном безвозмездно открыть дорогу к неисчерпаемому изобилию материальных и духовных благ. Однако книга Гвоздева интересна и поучительна не столько благодаря рассуждениям самого автора, сколько благодаря свидетельствам нескольких бывших adeptов культа, которых журналисту удалось отыскать и анонимно расспросить. Вопиющие подробности вызвали недоверие публики, а между тем именно они полностью соответствуют реальности. Впрочем, собранные журналистом высказывания позволяют

составить представление не только функционировании секты, но и о психологических особенностях участников этого возрожденного мракобесия.

Из книги Валерия Гвоздева «Феномен Тасманова. Невидимый город»:

(Вопрос): – Как вы попали в секту Тасманова?

(Ответ): – Сначала я попал в психиатрическую больницу. Я заметил, что автохтоны способны... как бы изменять реальность, что ли. И если очень сильно сосредоточиться на каком-нибудь желании, по-настоящему заикнуться, то в какой-то момент через тебя идет некая сила. И желание исполняется. Я стал так поступать, и постепенно все у меня как-то сместилось. Я начал сомневаться: если человек вот так, по собственной воле, может все, что угодно, творить, то что же там, за гранью... творения. Я испугался, что строну вот эту видимость... порядка. И перестал заглядывать в стереозеркала.

– Но хтонический ток сейчас практически повсюду. Во многих приборах, даже бытовых.

– Я старался их избегать. И, главное, прекратил целенаправленное использование. Тогда мне и явились какие-то твари.

– В реальности?

– Они появились, как из стереозеркал, но автохтонов поблизости не было. Потом уже я понял, что они происходят изнутри меня. Это и были истинные боги земли – гигантские доисторические насекомые. Я пытался от них спрятаться и выпал из окна. Когда я очнулся в больнице, выяснилось, что я сломал позвоночник. Плюс к тому, мне сообщили, что я перед этим на некоторое время пропал без вести, а еще раньше кого-то убил и еще кого-то ограбил. Я ничего об этом не помнил. А окно, из которого я выбросился, находилось в притоне, куда я якобы пригласил проституток-трансвеститов с целью устроить между ними конкурс красоты. Впрочем, трансвеститов я и сам помню. Только я думал, что они мне кажутся.

– А вы и раньше так... ээ... проводили время? Ну, в заведениях...

– Нет. Мне такое и в голову не приходило. Так вот, меня признали невменяемым. А врач в клинике объяснил, что у меня довольно типичное расстройство и что существует специальная программа помощи больным, страдающим нарушением восприятия от хтонического потока. Потом уже выяснилось, что все лечение как раз и состояло в обработке системой вращающихся стереозеркал. А сначала я ничего не заметил. Метод сводился к тому, что тебя облучали во сне, только при этом тебе еще и снилось все, что происходило на самом деле, то есть что тебя облучают. И когда человек, во сне, наконец понимал, что все происходит на самом деле, и просыпался, считалось, что курс закончен. В действительности воздействие представляло собой длительную поэтапную операцию по внедрению минералов в тело через хтонический луч. Так что косвенным следствием процедур для меня оказалось восстановление функций опорно-двигательной системы. Врачи объяснили мое выздоровление тем, что психическая активность тесно связана с физиологией, умолчав про каменные стержни в позвоночнике, и я был благодарен до смерти.

Ну а тут возобновилось следствие по делу об убийстве. Мне намекнули, что по-прежнему есть возможность сослаться на невменяемость и заменить тюремный срок участием в некоем медицинском эксперименте, опять же с автохтонами. Но я к тому времени уже и сам многое понял. После курса со стереозеркалами у меня как будто глаза открылись. Я вдруг заметил, что всю жизнь прожил в каком-то несуществующем мире: бог, грех, конец света... Нет, я не то, что верующим был каким-то фанатиком, я себя считал атеистом, но понял, что всю жизнь незаметно для себя мыслил именно так: делил мир на добрые силы и злые, и какую-то высшую правду, по которой в итоге всех рассудят... Даже непроизвольно представлял себе преисподнюю где-то под землей. И тут вдруг меня словно осенило: а что, если нет никакого рая и ада, и ничего, что можно было бы так назвать?... Где она, эта правда? Что, если кто-то мне

просто ее внушил? Разве я проверял что-нибудь из идей, на которых меня воспитали?.. С чего я взял, что какой-то суд вообще когда-нибудь настанет? Вон конца света сколько уже ждут, никак не дождутся...

И я не то что понял, а как бы почувствовал всем телом, что вся эта видимость порядка – ерунда. На самом деле жизнь – это хаос творения. И единственная высшая сила – это и есть тот поток материи, который ты преобразуешь своей волей. Доступ к этому потоку открывается через автохтоны. Нет смысла их бояться, потому что за ними ничего нет. А в твоей жизни – как ты скажешь, так и будет. Тогда я велел, чтобы с меня сняли обвинения. И меня освободили. Я стал хозяином своей жизни. Абсолютным.

Я вернулся к использованию автохтонов, стал экспериментировать. И однажды через стереозеркала мне пришло понимание самой сущности хтонического тока. Минералы представляли собой часть культа, посвященного призванию сил пра-материи. Если хотите, можете назвать это сектой, хотя в действительности это другая жизнь. И однажды я просто вошел в стереозеркало и вышел в подземном святилище.

– В настоящем?

– Да, в материальном. Огромный комплекс построек, кажется, где-то в Сибири. Я полагаю по косвенным признакам.

– То есть произошло нечто вроде телепортации?

– Там и не такое случалось. Ритуалы с автохтонами открывали все возможности. Любые.

– И что происходило в этом обществе? В чем состояли ритуалы?

(пауза)

– Я сначала не понял, что убийства настоящие. Сам я не убивал.

– А кто убивал?

– Тасманов.

– Вы уверены, что это был он?

– Конечно.

– А вы встречались с ним при других обстоятельствах? Насколько хорошо вы его знали? Вы не удивились, что он участвует в каких-то ритуалах, вообще тому, что вы там оказались?

– В обычном понимании мы не общались. Все происходило как во сне. Как только я входил в это пространство, мне становились очевидны многие вещи, которые иначе требуют объяснения. Одно могу сказать: социальная роль Тасманова – только фикция. В действительности он являлся воплощением бога Апсу, что означает первичный свет, или духовность в безотнositельном виде.

– Постойте, то есть Тасманов объявил себя воплощением бога?

– Мм... нет, он им на самом деле был, по крайней мере во время священнодействия.

– Вы сказали, что вы атеист?

– Послушайте, при чем здесь вера? Речь идет о чисто практических вещах.

– Хм... Апсу – это из вавилонской космогонии?

– Ээ... не знаю, что там в Вавилоне... как вы сказали?

– Космогоническая поэма «Энума элиш».

– Не читал. Я говорю о фактах. Так вот, Апсу. Первичный свет творческой воли происходит от сияния его глаз. Бог не в каком-то абстрактном смысле, понимаете? Впрочем, все равно. Он действует в соединении с Тиамат, или бездной материи. В физическом мире она особенно сильно проявляется через первичную породу, то есть минералы. Жертвоприношения соединяют ее с сознанием людей.

– С какой целью?

– Исполнения желаний... Среднеарифметический человек даже не замечает, до какой степени вся его жизнь обусловлена, замотивирована, ограничена, подконтрольна... и уже сам делит себя на дозволенную и недозволенную часть. Но внезапно открывается реальность,

в которой достаточно лишь сформулировать желание, и оно сбывается. Вы бы отказались? Ничто не может сравниться с шансом побыть свободным, побыть самому себе богом.

– Но, все-таки, вы в конце концов поняли, что происходят реальные убийства?

– Я даже понял, что фактически являюсь одним из помощников в организации похищений. Это не имело значения. Я понял, что все равно.

– Сейчас у вас не поддающийся лечению прогрессирующий паралич. Вы не думаете, что в результате хтонического облучения стали инвалидом?

– Просто человеческая природа оказалась слишком ненадежной, слабой.

– Ни о чем не жалеете?

– Нет.

(Вопрос): – Как вы думаете, был ли в экспериментах Тасманова определенный смысл? Зачем он это делал?

(Ответ): – Я видел Тасманова лично только один раз. И, по-моему, он был какой-то ненормальный. Совершенно расторможенный.

– Странно, в обычной обстановке он всегда производил впечатление очень уравновешенного человека.

– Я сам удивился. Как будто другое существо. Только его внешность невозможно с чьей-либо спутать. На публике он вел себя как святой; а здесь был как все равно бесноватый.

– Что именно вызвало у вас такое впечатление?

– Ну, понимаете, в этой секте хватало всяких чудиков. Абсолютно больных на голову людей. С каким-то бредом, идеями завоевания мира, маниями и прочим. Думаю, там состояла половина из всех имевшихся на тот момент в стране серийных убийц. Но Тасманов – это был особый случай. Он вышел в сопровождении этих своих летающих штук, и еще прислужников – наглухо заколоченных в каменные колодки уродов... Сложил молитвенно руки, как Дева Мария на иконах про Благую Весть, и с выражением экстатического восторга давай на каком-то зашифрованном языке про религиозный смысл людоедства, изнасилований и убийств, про то, как это духовно, как возвышенно. Что чем больше мы тут народу переколбасим, тем быстрее человечество вступит в новую, священную эру, где станет управлять жизнью и смертью. Потому что не надо бояться разрушения чего бы то ни было. Я никогда такого не слышал, и самое главное, он не прикалывался. В подтверждение своих слов, чтобы наглядно продемонстрировать преимущества полной свободы от ограничений, он вдруг выхватывает каменный топор и давай им рубить. К нему подтаскивают людей одного за другим, а он, глядя вверх безумным взглядом, шарашит каждого по черепушке. Тут у меня как-то все сместилось... и вдруг смотрю: мы все уже в какой-то другой комнате, длинной, вроде столовой, и там все убитые в специальных тисках привинчены. А на голову каждому надет прибор вроде мясорубки. И как будто мы знаем, что надо им мозг взболтать и потом выпить. Все так и поступили. Я тоже... потому что вроде как интересно. Где еще такое попробуешь? Но... чтобы во все это верить, надо совсем с катушек съехать... по-моему...

– Как вы думаете, чем объясняется последующее исчезновение Тасманова и части его последователей?

– Да переколбасили они там в конце концов друг друга. Он был такой человек, который ни перед чем бы не остановился. Он под настроение мог сам себя угрохать.

(Ответ): – Глеб был особенным, не от мира сего. Он жил в другом времени. Для него не существовало общепринятых норм, предрассудков. Даже законов природы. Он призывал освободиться от посторонних, лживых представлений, обрести свою истинную силу, самому создавать для себя правила собственной жизни. Все мы живем в самообмане о порядке, иерархии, в которой каждый – от бога до последней песчинки – занимает обязательное место. Но,

в сущности, разве эти идеи обеспечивают заявленный порядок? Нет, они всего лишь делают человека марионеткой в руках тех, кто готов брать на себя ответственность за свою судьбу. А правда заключается в том, что мир – это бесконечный поток явлений, которые друг другу тождественны. Нет смысла терзаться чувством вины. Нужно следовать глубинным импульсам твоей души, игнорируя любые ограничения, и тогда жизнь откроется во всей полноте.

(Вопрос): – Вы считаете, убить человека или оставить в живых – это все равно?

– Все смертны.

– Тогда почему вы не убьете себя?

– Потому что рано или поздно я все равно обязательно умру... Вы привыкли думать, что существуют законы, что их не обойти. Но если любая жизнь бесценна, то не имеет значения, как ее провести.

– А если все-таки существует возмездие, воздаяние?

– Ничего страшного. Может, даже будет интересно.

(Ответ): – Вы знаете, я шел на эти практики в полном убеждении, что все будет происходить только в духовном, внутреннем мире. Что с помощью автохтонов люди погружаются в транс, где переживают какие-то свои негативные качества, и таким образом закаляют волю и познают свой характер. Я был уверен, что реальное насилие недопустимо, что путь к самосовершенствованию идет только через долг, трудную работу над собой. Но как только я начал участвовать... я внезапно понял, что теперь можно абсолютно все. Что сила, которая заключена в автохтонах, и есть бог, а все остальное – выдумки. Потому что именно таким и должен быть бог – способным все, что угодно, дать и оправдать, а иначе он только образ и подобие человека... И я в первый же день пошел и такого натворил... буквально сам себя не узнавал. Наверное, моя ошибка состояла в том, что я вообще согласился это попробовать.

(Вопрос): – А сейчас, после исчезновения Тасманова, как вы считаете, возможно повторение подобных событий?

– Нет. Ни один подражатель не выдержит такой нечеловеческой роли.

– Как вы считаете, что с ним произошло?

– Я не удивлюсь, если все еще о нем услышат. В любом случае, люди слабее, чем о себе думают.

(Ответ): – Я не думаю, что именно Тасманов виноват во всех преступлениях. Люди просто менялись под воздействием автохтонов. Получив власть, они добровольно соглашались на такие вещи, которым сопротивлялись бы насмерть, если бы их принуждали. Тасманов мог, например, прийти в семью и забрать ребенка.

(Вопрос): – В каком смысле?

– Ну вот у меня был случай... Я несколько дней заменял его секретаря и за это время насмотрелся... И теоретически у жертв всегда оставался выбор, возможность одуматься, как-то предотвратить... Но практически все происходило как в дурном сне. Такое впечатление, что людей привлекала возможность причинить себе зло... Так вот, приходит Тасманов однажды в дом каких-то своих почитателей – богатый особняк людей со связями, именем... У них 14-летний сын – хорошенький такой, прямо картинка. И, видно, он сразу Тасманову понравился. А в доме стоит гигантское, в человеческий рост, стереозеркало, прямо в холле – как же, ведь это престижно, дорого... не понимаю, о чем люди думают, вот так размещая у себя смертельно опасные вещи?... Так вот, Тасманов подводит всю семью к каменному зеркалу и говорит, что покажет им нечто необыкновенное, чего они никогда в жизни не забудут. Потом вдруг – раз! – мы оказались в совершенно другом месте, у каменного алтаря... ну, дальше я полновину не понял, потому что во время ритуала каждый видит только то, что ему предназначено. Я обычно слышал только вот этот пронизывающий перезвон и гул, который возникал, когда

появлялась стена света, и камни летали... Но, может быть, я многое не помню. В общем, мальчик спустился с алтаря белый, как полотно, в разорванной одежде, весь утыканный какими-то иголками, постоянно руками отмахивается, как будто отгоняет что-то невидимое, вообще в неменяемом состоянии. Тут появились прислужники – для подсобных работ Тасманов специально держал в секте каких-то калек – и его уволокли. Я заметил, что родители тоже куда-то исчезли. Визит, как бы то ни было, закончился. Я в тот период боялся не только задавать вопросы, но даже и думать о происходящем. Но потом мы еще пару раз посещали это семейство, и я понял, что там попросту забыли о существовании мальчика, как будто его и не было вовсе. А куда он пропал, неизвестно.

– Как по-вашему, сам Тасманов действительно верил, что его поступки обладают священным смыслом?

– Я думаю, на самом деле он его просто изнасиловал. Здесь симптоматично не поведение Тасманова, а реакция остальных: подчинение, преклонение, желание подражать... Человеку вообще свойственно себе вредить. Существует множество примеров, когда человек, вроде бы стараясь добиться чего-то высшего, усовершенствоваться, на самом деле разрушал свой мир и себя. Например, бросал работу, семью, под тем предлогом, что они мешают вести правильный образ жизни. Губил здоровье всякими изуверскими упражнениями. Конфликтовал с обществом, потому что от общепринятых правил поведения отказался, а собственных так и не придумал... Теперь я понимаю, что все это происходит от лени, легкомыслия, безответственности. Своего рода попытка штурмом урвать себе место в раю. Подсознательно такой хитрец надеется: вот я сейчас накажу себя за грехи, как сам разумею, пожертвую тем, чем не слишком-то и дорожу; тут-то господь бог и вынужден будет, хочешь не хочешь, со мной расплатиться, меня вознаградить! Как это наивно! И ведь по существу автохтоны только пробуждали глубинную силу психики. Помогали отказаться от стереотипов, понять, что все доступно. Сама по себе власть еще не означает злоупотреблений. А на деле можно вспомнить массу совершенно чудовищных вещей. Даже среди приближенных Тасманова постоянно были жертвы. Он запросто купался в ванне с кровью. Без шуток, я сам видел. А он, наверное, почувствовал какое-то мое неоднозначное настроение, обернулся ко мне, взял стакан воды, плюнул в него и говорит мне: выпей. И я выпил. И, странно сказать, какое-то меня даже благоговение охватило: думаю, и чего это я рядом с человеком, для которого не существует вообще никаких преград, мелочусь, в чем-то сомневаюсь! Он мог меня на первичные элементы разложить, но только мягко намекнул, что я заблуждаюсь... Ужас какой-то! Полное затмение! Теперь я понимаю, что Тасманов мог не только на камни воздействовать. Он и внутри человека мог что угодно собрать и разобрать по своему желанию. Наверное, он и не чувствовал особой разницы между камнями и людьми...

– Сейчас прошло уже достаточно долгое время после исчезновения Тасманова. Как вы считаете, какие процессы происходят среди людей, которые участвовали в его экспериментах, вообще подвергались хтоническому облучению?

– Вы знаете, для меня это как пробуждение ото сна. Постепенно, с пониманием, что снят контроль, в секте началась чистая уголовщина. Я ведь знал многих участников. Дележ колоссальных денег, которые Тасманов не забывал собирать со всех в качестве оплаты за духовные дары. Шантаж, новые преступления, совершавшиеся ради сокрытия прежних. И, кстати, волна самоубийств. Вот чего мы достигли, чему научились. (пауза) Я совершил ошибку. Ужасную, непоправимую. Теперь я понимаю, что преодолевать себя надо через добро, творчество и помощь близким, что разрушать стереотипы можно, только прислушиваясь к голосу совести.

(Ответ): – На самом деле, культ не исчез. Просто длится привычное общество, где все как принято, как положено. Мир иллюзий о том, каким человек хотел бы видеть себя. Но достаточно человеку – неважно, вольно или невольно – переступить черту, проявить свою истинную

природу, и его душа перемещается в невидимый город скрытых, запретных переживаний. Возникает растерянность, стресс... И, куда бы ты ни пошел, что бы ни делал, твоя душа остается в невидимом городе, из которого нет выхода...

(Вопрос): – Но если отказаться от автохтонов, этот эффект исчезает?

– Наоборот... Сейчас я понимаю, что у каждого человека, независимо от того, знает он вообще о минералах Тасманова или нет, есть свой собственный невидимый город... На самом дне души каждого человека есть вход в невидимый город, из которого нет выхода...

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Отчасти успешное функционирование секты объяснялось и собственной нечеловеческой невозмутимостью отца. Он вел двойную жизнь без малейших усилий, и кровавые оккультные эксперименты нисколько не мешали ему продолжать карьеру и участвовать по мере необходимости в светской жизни. Несмотря на масштаб злодеяний, он в сущности не желал никому зла. Он увлекался коллекционированием минералов, исследовал перспективы их практического использования – и только.

В рамках творческого поиска прошли и опыты отца по части создания зомбированных рабов. Наладив функционирование секты, Тасманов понял, что добровольно присоединившийся адепт, как бы ни был открыт для внушения и косвенного контроля, все же отчасти принадлежит к привычному миру, к жизни за пределами секты. Абсолютное приобщение обывателя к автохтону невозможно. И тогда отец принял решение о похищении и насильственном удержании жертв с целью их постоянной обработки.

В основе новой практики лежала идея усовершенствованного жертвоприношения: вместо мимолетного убийства и единичной перенастройки восприятия адептов на хтонический поток предполагалось искусственное внедрение минералов в живую плоть, что позволило бы затянуть смертельную агонию жертвы против естественного предела. Основную информацию о соответствии силовых линий человеческого тела определенным психическим состояниям Тасманов почерпнул в видениях возле алтаря и вскоре опробовал продленное жертвоприношение, состоявшее в заколачивании жертвы в специальные каменные колодки с остриями, обращенными вовнутрь.

Первые же опыты дали чрезвычайно заманчивый результат: жертвы превращались в заторможенных, болезненных, подверженных внушению существ – иными словами, в зомби. Практика сживления органической и неорганической материи стала очередным шагом на пути к созданию ужасного веще-существа, получившего название паразитарного камня.

Поначалу искалеченные создания почти сразу умирали, но отец научился искусственно форсировать избранные жизненные процессы в организме и не только продлил срок годности зомбированных рабов до нескольких лет, но и наделил их сверхъестественной для человека выносливостью, титанической силой, способностью видеть в темноте. За короткое время Тасманов окружил себя умственно ограниченными бессловесными калеками, выполнявшими все его прихоти. Прежде всего в обязанности зомби входило прислуживание во время ритуалов, работа по хозяйству, на каменоломнях и доставка отцу новых жертв.

Судя по стереографическим записям экспериментов, технология состояла в следующем.

Сначала осуществлялась дестабилизация состояния жертвы с помощью физического воздействия – введения в тело каменных осколков и нитей, а также других пыток, к которым для усиления эффекта добавлялось запугивание с помощью разных шокирующих выходов. С точки зрения отца это было примерно как размягнуть глину, чтобы потом слепить из нее новую форму.

Затем с незначительными вариациями проводился ритуал, позволявший Тасманову вторгнуться в сознание жертвы – специфические танцевальные движения, стягивающие между

участниками действия своеобразный узел хтонических потоков. Дальше на стереографе возникают любопытные эффекты, которые я поначалу приняла за помехи: поскольку каменные экраны настроены прежде всего на передачу психических состояний, поверх фактически происходивших событий записывались переживания жертвы. Во время ритуала отец считывал чужой внутренний мир и на основе подходящих особенностей психики внушал подопытному ложные идеи и директивы, ограничивавшие волю.

Гипнотическое воздействие продолжалось так долго и с такой степенью интенсивности, чтобы в физическом организме начались необратимые изменения: происходило сращение живых тканей с внедренными каменными элементами, которые становились как бы материальными носителями внушенной отцом информации в теле жертвы. Таким образом система замыкалась сама на себя, заключая жертву в круговорот навязчивых состояний, повторявшихся вплоть до окончательного изнашивания и разрушения физического тела.

Мне доводилось видеть в записи результат этих экспериментов – ужасное зрелище. Если не следовало каких-либо приказов от отца, зомби могли бесконечно долго оставаться на одном месте, раскачиваясь при этом однообразными судорожными движениями, как разбитая пластинка; покрывавшие их с головы до ног уродливые раны, которые в обычных обстоятельствах сделали бы человека беспомощным инвалидом или убили, производили не такое жуткое впечатление, как страдальческое выражение ужаса, отвращения и боли, не сходившее с их лиц. Впрочем, и сами эти существа, лишенные воли, причинили немало зла через свою покорность отцу. Тяга зомби к наиболее жестокому и циничному способу действий, их хитрость и свирепость объяснялись тем, что вплоть до момента желанной смерти они не знали ни мгновения покоя.

Для дотошных экспериментов потребовалось много пленников; и Тасманов непринужденно подключил последователей культа к добыче сырья. Когда употребление людей приобрело промышленный масштаб, некоторые из адептов наконец осознали свою виновность в настоящих похищениях и убийствах, а также серьезные нарушения в работе собственного рассудка; однако Тасманов без особого труда убедил их в ошибочности ходульных представлений о морали и праве, опираясь на несколько заученных банальностей из поверхностно истолкованной философии и справедливо полагаясь на неотразимый эффект всевластия и безнаказанности, производимый силой камня. Вскоре Тасманов привык забирать в святилища абсолютно случайных и непричастных к культу людей; в современном безрелигиозном, казалось бы, насквозь прагматичном индивидуалистическом обществе возрождение примитивной экзальтации языческих духовных практик завершилось установлением рабовладельческой деспотии.

Успех, достигнутый в рамках секты в плане изобилия хтонической энергии, произвел на отца настолько сильное впечатление, что он, совершенно не склонный к философствованию, на одной из записей, подводя итоги очередного удачному эксперименту, высказал поразительную мысль. Я и сейчас в деталях помню эту сцену, словно отец сидит на расстоянии вытянутой руки от меня, задумчиво опустив голову, длинные черные волосы падают на глаза, вдалеке зомби, ползая на коленях, отмывают пол от крови, а над ними возвышается громоздкий алтарь в сверкающем калейдоскопе беспорядочно сменяющих друг друга причудливых видений.

– Я вот о чем подумал, – медленно говорит отец, устало проводя рукой по лбу. – Жизнь – это время. И время жизни, оно не... однородно. Оно, как и любой материал, подвержено обработке... может быть изменено для... использования в нужных целях. Сжато, расколото, растянута, собрано в подходящую конфигурацию... Только... если в пространстве сыром служит физическое тело... то плоть времени – это осознание.

Павел.

Альбина была артистичной и непредсказуемой – такой, как казалось Павлу, и должна быть настоящая журналистка. Ему повезло, что его приняли на работу в крупную телекомпанию при его сравнительно небольшом операторском стаже, и Альбина, к которой его определили в напарники, а фактически – в ученики, была старше и опытнее; но все равно она оставалась очаровательной молодой женщиной, блестящей и игривой, как шампанское, а главное – в ней была безрассудная авантюристическая жилка, за которую Павел прощал ей и привычку к алкоголю, и чуждую Павлу практичность в отношениях с людьми.

Очередная командировка в сибирскую глушь ради тенденциозного репортажа о работе алюминиевого завода накануне выборов главы города ознаменовалась банальной проблемой: когда окончательно стемнело, а впереди не появилось ни проблеска городских огней, стало ясно, что они поехали не по той дороге.

Поворачивать было поздно, искать дорогу во все сгущавшемся незнакомом лесу, который они поначалу приняли за очередную рожицу, – бессмысленно. Проехав еще немного по рас-терянности и в надежде заметить какой-нибудь ориентир, они решили остановиться и заночевать в машине, как вдруг поняли, что едут вдоль высокого забора из цельного черного камня, который не сразу заметили.

– Военный объект, что ли, какой-то, – пробормотал Павел.

– Может, дворец местного толстосума, – предположила Альбина. – Сейчас с причудами строят.

Забор казался бесконечным. Наконец из темноты, как туча, надвинулась громада похожего на асимметричную пирамиду здания.

– Вот о чем надо репортажи делать, – кивнула Альбина, пристально всматриваясь в непроницаемый фасад.

– Пойду попробую узнать, где мы находимся, – неуверенно предложил Павел.

– Чтоб они провалились, эти бескрайние просторы, – согласилась Альбина, откинувшись на спинку сиденья и отвинчивая крышку бутылки коньяка.

– Жди здесь, я быстро, – вздохнул Павел, выбираясь из машины.

Звонка возле двери не нашлось, стучать в каменную плиту не имело смысла, но Павел понадеялся, что неприступное сооружение снабжено системой наружного наблюдения, и не ошибся. Дверь провалилась вглубь и отъехала в сторону; за ней возник неясный силуэт.

– Прошу прощения, – быстро извинился Павел в ответ на молчание. – Мы тут заблудились... вы не подскажете, как нам вернуться... нужна дорога на Красноярск.

Некоторое время незнакомец, казалось, рассматривал его, а потом молча отошел в глубь коридора.

– Проходите, – негромко пригласил он. – Я поищу карту.

Павел нерешительно оглянулся на машину.

– Да меня там ждут...

– Вы далеко от Красноярска, – холодно перебил мужчина. – На словах не объяснишь. Сойдите с порога, дверь сама закроется, – и, отвернувшись, направился в глубь здания.

Помедлив, Павел подчинился и последовал за ним. Коридоры расходились в стороны под странными углами и казались пустыми, но в темноте слышалась какая-то возня, а еще обращала на себя внимание духота, к которой как будто примешивался вязкий, приторный запах гноя, словно в больнице. Внезапно появился дверной проем, за которым открылась самая обыкновенная жилая комната, залитая светом настольных ламп и похожая на усыпанный бумагами рабочий кабинет. У Павла возникло странное чувство, что он смотрит сквозь зеркало.

Хозяин оказался стройным черноволосым мужчиной лет тридцати, невысокого роста, но удивительно пропорционального сложения, похожий на послушника при храме, с монашески опущенными глазами в длинных ресницах и поэтическим выражением лица. Его внешность показалась Павлу смутно знакомой, но он подумал, что обознался.

– Так вы в Красноярск едете? – безразлично обронил хозяин, перебирая бумаги в ящике письменного стола. – Что у вас там, жена в машине?

– Нет... коллеги.

– А, в командировке...

– Журналистское задание... – Павел замолчал. Долгий переезд и хмурый собеседник произвели на него мрачное впечатление. Он окинул взглядом молчаливый лабиринт. – Такая глушь, настоящее безвременье! – невольно вырвалось у него.

– Здесь-то как раз и происходит все самое интересное, – возразил хозяин.

Павел хмыкнул, не вполне поняв логику этой фразы, как вдруг ему показалось, что он услышал приглушенный крик. В то же время хозяин, бросив бумаги, уперся кулаками в стол и без улыбки взглянул Павлу в лицо.

– По-моему, вы слишком далеко заехали, – холодно проговорил он. – Вам придется остаться здесь.

– Что?... – на мгновение Павел подумал, что незнакомец предлагает им переночевать в этом странном доме.

В этот момент крик отчетливо повторился; Павел узнал голос Альбины. Бросив нерешительный взгляд на невозмутимое точеное лицо хозяина, он метнулся к двери, но проход неожиданно заполнили чудовищные существа – даже в полумраке Павел разглядел изуродованные до неузнаваемости массивные фигуры, двигавшиеся какими-то рывками. По коридору поплыл густой запах разлагающихся тел. Павел отступил – не столько от страха, что они набросятся на него, сколько от потрясения. Все происходящее казалось сном. Один из монстров схватил его сзади за руки и заломил за спину таким свирепым рывком, что затрещали кости. Павел хотел закричать, но шершавая рука в гнойных струпьях зажала ему рот.

Павел мельком увидел в дверном проеме несколько громоздких фигур, которые втащили Альбину, как связку дров. Существа сновали мимо, издавая странные фыркающие звуки, словно кабаны.

– В мастерскую обоих, – негромко велел где-то в стороне отчужденный голос. – Парня – в первую смотровую. Женщину – на стол.

Павла поволокли по коридору; затем одно из существ с нечеловеческой силой ударило его в висок, и он потерял сознание.

Очнулся он от криков, которые, казалось, снились ему. Невыносимо болела голова. Женщина требовала от кого-то, чтобы ее отпустили. Потом Павел вдруг осознал, что слышит из-за стены голос Альбины, и сразу попытался встать, но тяжелые железные цепи намертво опутали тело. Оглядевшись, он понял, что прикован к громоздкой железной каталке. Вокруг, хрипя, толпились изуродованные существа, но ни одно не обращало на Павла внимания. Потолок помещения нависал неровными каменными глыбами, воздух казался сырым и прохладным, как в пещере.

Ругань Альбины превратилась в какие-то совершенно нечленораздельные раздирающие крики, и у Павла сжалось сердце. Потом внезапно холодный голос хозяина произнес:

– Заткнись! Если ты еще хоть раз откроешь рот, я скормлю твоего приятеля своей прислуге.

На мгновение все смолкло, но потом послышался такой страдальческий стон, что у Павла кровь застыла в жилах, и после крики и плач уже не смолкали, изредка заглушаясь, словно Альбине зажимали рот рукой. Все это, как показалось Павлу, продолжалось целую вечность. Потом снова на какое-то время настала тишина, а затем послышался кашель, словно кого-то рвало, чьи-то шаги и странный звон, похожий на перестук инструментов, вроде медицинских или строительных. Павла затрясло. Рыдания не смолкали. Внезапно дверь распахнулась, и через комнату пробежала фигура, в которой Павел с трудом узнал Альбину; он успел заметить свисавшие клочьями лоскуты кожи. Потом ее голос послышался из дальних комнат; она

колотила в дверь, поднялось рычание зомби и начался топот. Через некоторое время одно из существ протащило бесчувственную Альбину обратно, волоча ее по полу за ногу, как куклу.

– Полегче с материалом! – послышался холодный голос за стеной. – Возьми ее на руки, придурок! И давай сюда. Да не на стол! В машину, кретин.

Дверь захлопнулась, и через некоторое время из-за стены послышался странный визг и звон, словно сверлили по камню, а потом повсюду загремел такой пронзительный скрежет, что Павел едва не потерял сознание. Сстиснув зубы, он попытался унять охватившую все тело болезненную дрожь; перед глазами поплыли цветные сполохи.

Внезапно гулкий, нечеловеческий голос произнес несколько слов на незнакомом языке, который Павел, к своему удивлению, сразу же понял, словно смысл сказанного сам возникал в его сознании.

– Я сорву твою плоть и заменю ее новой, – прошумел голос. – Теперь твоё тело принадлежит мне.

Потом снова послышался скрежет, словно свист метеора, и Павел, кажется, все-таки потерял сознание, а когда очнулся, стояла тишина, и Павел с недоумением осознал, что один из зомби, своей жуткой раскачивающейся походкой приблизившись к нему, отстегнул сковывающие его цепи.

Помедлив, Павел осторожно сел и растер затекшие плечи, а потом, не заметив никакого внимания со стороны окружающих зомби, нерешительно встал с громоздкой железной каталки, которая казалась неподъемной, и сделал несколько шагов. Дверь в соседнюю комнату оказалась буднично открыта, и Павел подошел к порогу.

Поначалу он просто застыл от изумления. Перед ним простирался огромный, как стадион, подземный зал; сейчас он убедился, что помещения представляли собой цепь скальных гротов, а не жилые комнаты. Затем он разглядел подвешенную в воздухе громоздкую конструкцию из каменных спиц и вращающихся блоков, в которой помещалось растерзанное тело Альбины, буквально черное от покрывавшего его густого слоя запекшейся крови. Павел оцепенел от ужаса, но заставил себя не выдавать своих чувств. Переведя взгляд, он увидел, что хозяин, сидя возле обыкновенного письменного стола в обычном кожаном кресле, устало отхлебывает коньяк из горлышка полупустой бутылки в точности таким жестом, как это делала Альбина; рядом лежала ее сумка, и он с интересом разглядывал фотографии на дисплее ее мобильного телефона.

Павел понял, что если он хочет чем-то помочь Альбине и хотя бы попытаться выбраться из этого дома живым, предъявлять претензии и чего-то требовать бесполезно.

– Как тебя зовут? – негромко произнес он.

Мужчина взглянул на него с любопытством.

– Ну и тупая же ты деревенщина, если не узнал меня, – с обворожительной усмешкой отозвался он. – А в документах у тебя написано, что ты работаешь на центральном телевидении. Кого только туда не набирают...

– Это не можешь быть ты! Ты на него просто похож... – вырвалось у Павла.

– Я на себя просто похож, вот как? – непринужденно рассмеялся мужчина. Настроение у него после расправы над Альбиной явно улучшилось.

– Ну хорошо, даже если это ты, зачем тебе все это?.. – Павел сбился и покосился на окровавленное тело в причудливой машине; Альбина не шевелилась. – Послушай, если тебе обязательно надо кого-то пытать, то пытай меня, – Павел сделал шаг вперед. – Отпусти женщину. Ты уже достаточно... натворил.

– С ума сойти! – рассмеялся Тасманов. – А еще говорят, что времена рыцарства прошли! Если ты настаиваешь, я убью тебя, – деловым тоном добавил он, отставил бутылку и подошел к машине.

Павел с тревогой следил за ним. Повернув одну из каменных дуг, Тасманов привел механизм в движение, и вскоре из-под машины выехала каталка с телом Альбины. Тасманов уселся на нее сверху и грубым рывком сломал ей руку в локте.

– Нет! – крикнул Павел и бросился к ним, но бродившие по пещере зомби схватили его. Павел вырывался, и его заставили встать на колени, вцепившись в него со всех сторон. Застывшим от ужаса взглядом он наблюдал из-за мелькавших спин зомби, как Тасманов голыми руками буквально разламывал то, что оставалось от Альбины, причиняя такие травмы, после которых не выжил бы никто. От хруста костей Павла замутило, он зажмурился и неожиданно для себя заплакал от беспомощности и смертельной тоски.

Закончив с Альбиной, Тасманов просто сбросил ее на пол, как бесформенный окровавленный сверток.

– Не слишком переживай, не все так безнадежно, – светским тоном обратился он к Павлу и, отойдя от тела на несколько шагов, обернулся и пристально посмотрел на Альбину. Затем он внезапно вытянул вперед обе руки и сделал движение, словно призывал к себе что-то; потом еще несколько раз, все резче и резче. Пространство вокруг снова зазвенело и, как показалось Павлу, глаза Тасманова стали отбрасывать в полумраке цветные отблески, словно фонари.

В этот момент Павлу стало ясно, что Тасманов призывал Альбину и что со всеми своими зомби, одной из которых – это Павел тоже понял – стала теперь Альбина, он проделывал нечто подобное, подчиняя их своей воле. То, что Павел увидел дальше, заставило его забыть всю предыдущую жизнь. Тело женщины, недавно до невозможности искалеченное, вдруг зашевелилось, и она судорожными рывками поднялась с пола.

Тасманов пошатнулся и схватился за край стола; видно было, что процедура возвращения Альбины к жизни его утомила. Переведя дыхание, он неопределенным жестом указал ей на Павла.

– Твой друг хочет умереть, – немногословно пояснил он. – Убей его.

Существо угрожающе развернулось. Остальные зомби расступились. Павел машинально вскочил, но не смог сойти с места, не веря своим глазам. Голова женщины была повернута на 180 градусов, локти и колени выломаны в обратную сторону. Рухнув на землю, Альбина побежала в его сторону проворно, как многоножка. Павел не успел подумать ни о чем, кроме того, что это – конец. Альбина вцепилась зубами ему в голень. От острой боли он снова свалился на пол и попытался оттолкнуть от себя ее голову, но Альбина схватила его за запястья и одним движением вырвала его руки вместе с ключицами. Теряя сознание, он почувствовал, как она вгрызается ему в живот.

Олег.

Олег стоял на сияющей огнями улице, на которой обычно встречался с клиентами. Казалось, он провел здесь всю жизнь. Рекламные транспаранты свешивались из темного неба; в сияющую глубину за стеклами витрин уходили горы дорогих безделушек; позолоченный блеском фонарей асфальт горел, как раздумывавшиеся щеки. Обычно здесь было столько народа, что в воздухе стоял непрерывный шелест туфель и шин, в который вплетались то с одной, то с другой стороны вырывавшиеся из прозрачных стеклянных дверей легкомысленные мелодии. Но сейчас пылающая огнями улица была пуста и безмолвна. У Олега внезапно возникло ощущение, что этот квартал бесцельного риска и пошлых развлечений – отражение его собственной души.

Помедлив, он повернул в произвольно выбранную сторону и пошел вдоль пустой проезжей части, над которой бессмысленно мигали светофоры. Мимо проплывали витрины с вычурными украшениями, разряженными манекенами, похожими на дворцы тортами и этикетками коллекционных вин. Олегу казалось, его обволакивает сладкий запах этого мира чувственно-

сти, крепкий, пьянящий, синтетический аромат, словно дорогие духи, так непохожие на ненавязчивый запах обыкновенных цветов.

Внезапно он заметил на противоположной стороне улицы неподвижную фигуру маленькой девочки, в темно-розовом платье и с темно-русыми кудрями; она стояла возле сияющего крыльца цветочной лавки и смотрела на него. Олег узнал свою сестру.

Он почти не общался с девочкой, так как к тому времени, когда она родилась, он уже редко бывал дома; к тому же они были родней только по матери. Он обычно вообще не вспоминал о сестре, но в глубине души испытывал смутное чувство тоски при мысли о ребенке, в которого родители вложили надежды, не оправданные непутевым сыном, и теперь, увидев ее на этой улице разврата, словно ощутил прикосновение зла.

Охваченный необъяснимой тревогой, он еще раздумывал, что бы предпринять, как внезапно девочка развернулась и побежала вдоль улицы прочь.

– Олеся! – крикнул Олег.

Забежав за угол здания, девочка исчезла в каком-то переулке. Олег перешел улицу и шагнул в полутемный провал между домами. Девочки не было видно, но Олег услышал лязг железной калитки где-то неподалеку. Пробежав вперед, он заметил слева зарешеченную арку в какой-то темный двор и вошел в ворота.

Неправильной формы тесный двор заливала темнота. В противоположной стороне Олег заметил узкий проход и, поскольку в замкнутом пространстве пустого двора девочке негде было спрятаться, направился туда. Крутые каменные ступеньки вели между стен вниз. Спустившись, Олег свернул за угол и оказался на огороженном железной решеткой и заваленном картонными коробками пятачке, в центре которого стоял большой мусорный контейнер.

Здесь никого не было, это Олег понял сразу; более того, у него возникло смутное чувство, что девочка сначала была здесь, но потом вдруг исчезла. Осторожно переступая через забитые какими-то бумагами ящики, Олег обошел железный бак, потом другой. Горы рассыпанного мусора казались совершенно бесцветными и однородными, когда вдруг Олег заметил лоскут темно-розовой ткани. Наклонившись, он поднял привлечший его внимание сверток; это оказалась старая, разбитая фарфоровая кукла со спутанными грязно-русыми волосами и вывалившимся стеклянным глазом.

Внезапно Олег понял, что это и есть его сестра. В то же мгновение он ощутил резкую, пронзительную боль в руках и горле и, выронив куклу, увидел, как по его груди ползут густые потеки крови. На запястьях возникли такие раны, что кисти рук почти отделились; Олег упал на колени, подавился, и кровь полилась у него изо рта. Голова закружилась; он лег на асфальт, и словно во сне захрустели под его весом валявшиеся на земле бутылочные осколки. От непреодолимых спазмов во всем теле его трясло, как под электрическим током, и он понял, что это предсмертная боль.

Внезапно все кончилось. Он вспомнил полупустой бар, в котором сигаретный дым лежал синими пластами, и белесый свет ламп. К нему подошел мужчина лет тридцати с правильными чертами лица и длинными черными волосами, представился скульптором и пригласил его поработать натурщиком. Олег сразу подумал, что незнакомец имел в виду совсем другое предложение, но обрадовался, потому что ночевать было негде. Больше Олег не помнил ничего, даже своего ответа.

Потом к Олегу вернулись отчетливые, хоть и бессмысленные болью ощущения. Он лежал на каменном столе, и каждую часть его тела по очереди заколачивали в громоздкие конструкции с пронизывающими насквозь шипами. Каменные колодки обхватывали тело, словно клетка, привинченная прямо к плоти, а острая, казалось, вынимали душу.

Постепенно все как-то смешалось. Олег слышал пронизывающий скрежет и голос, который звучал в его мыслях и звал его, а потом сквозь раны от каменных игл в него словно вселилась новая, незнакомая жизнь. Он свободно вздохнул пробитой в нескольких местах насквозь

грудью и машинально поднялся на ноги. Тело ощущалось как-то по-другому, словно им управляла посторонняя сила; в голове образовался сумбур, как будто все мгновения жизни смешались в одно, только он не мог определить, какое.

Внезапно Олег понял, что желание всей его жизни – кого-то убить. Ему захотелось найти каких-нибудь людей и разорвать на куски. Действительность обрела назначение и выстроилась в образцовый порядок.

Олег огляделся по сторонам. Он находился на краю леса невядалеке от широкой ночной трассы. Мимо тянулась заросшая сорной травой канава, а напротив через дорогу белели огни бензозаправки. Неожиданно легко перепрыгнув через овраг, в котором могла бы проехать машина, Олег, раскачиваясь на деформированных каменными колодками ногах, пошел на свет.

Возле бензоколонок появился молодой парень в кожаной куртке; заметив подходившего из темноты Олега, он оцепенел.

– Эй... тебе помочь? – с неподдельным ужасом спросил он.

– Ты можешь мне помочь, – прохрипел Олег.

– Вызвать «скорую»?.. – парень сделал шаг в сторону двери в здание, но Олег махнул рукой, как бы отказываясь, и молниеносным движением схватил парня за горло.

Некоторое время Олег молча душил его, а потом отбросил на асфальт. Хотя парень был выше и, видимо, тренированнее Олега, он свалился, как тряпичная кукла. Задыхаясь от кашля, он отполз на несколько шагов и, цепляясь за припаркованную возле здания машину, с трудом поднялся на ноги. Олег неторопливо подошел к нему, рывком развернул лицом к себе и одним ударом кулака проломил ему ребра с левой стороны так, чтобы трудно было дышать. Парень без единого звука повалился на колени.

Пройдясь вдоль заправки, Олег подобрал возле покосившегося забора длинный ржавый железный прут и, вернувшись к жертве, нанес несколько размеренных, хлестких ударов.

– Стой на месте, кто бы ты ни был, черт тебя дерит! – услышал Олег прокуренный голос за спиной, и щелкнул затвор ружья. Олег замер.

– Медленно развернись и брось чертов прут, – прохрипел голос.

Олег обернулся и смерил незнакомца изучающим взглядом. Грузный седой мужчина в клетчатой рубашке уверенно держал его на прицеле, мутные бесцветные глаза смотрели бесстрастно. Олег молча бросил прут и пошел прямо на врага.

– Еще шаг, и я стреляю! – крикнул мужчина и в следующее мгновение нажал на спусковой крючок.

Ружье было заряжено дробью, и Олег даже не почувствовал ран – ни после первого выстрела, ни после второго. Бросившись вперед, он с силой швырнул старика на асфальт, одновременно выхватив ружье у него из рук. Для надежности Олег наступил ногой на мягкое плечо, ткнул стволом прямо в бесформенное рябое лицо и выстрелил.

Отбросив ружье, Олег прислушался к окружающему пространству. Его не покидало ощущение, что поблизости есть еще жертвы. Поразмыслив, Олег направился к стеклянным дверям расположенного в здании заправки магазина. На входе он заметил забытый кем-то на подоконнике топор и взял его.

Отражение спрятавшейся за дальним прилавком парочки перепуганных подростков, худенькой девчонки и пацана не старше семнадцати, в стекле большого окна Олег заметил почти сразу, но прошел в конец магазина медленно, поскольку не испытывал желания играть в салочки. Когда он резко толкнул прилавок, девчонка взвизгнула и первой выбралась из-под груды товаров; Олег схватил ее сзади за майку. В это время парень, вывернувшись откуда-то сбоку, кинулся к двери. Олег отвлекся от его подружки, тщательно примерился и метнул топор, воткнувшийся точно между угловатых лопаток. Парень осел на пол, девчонка надрывно закричала. Олег развернул брыкающуюся жертву лицом к себе, ухватил ее за тонкие лодыжки, стащил на пол, размахнулся и выбросил девчонку на улицу через стекло.

Выбравшись следом, он нащупал взглядом неуклюже шевелящееся тело едва ли не на противоположной стороне проезжей части. Олег неторопливо доковылял до девчонки. Она была еще жива и, царапая ногтями асфальт, ползла по дороге. Поравнявшись с ней, Олег с силой навалился коленом на ее спину, сломав позвоночник. Судорожно вздрагивая, девчонка уткнулась лицом в асфальт. Олег чувствовал, что все-таки не убил ее. Тогда, поддавшись безотчетному порыву, он положил обе руки ей на голову и давил всей тяжестью до тех пор, пока череп не треснул, как орех, и мозг не растекся бесформенным месивом.

В этот момент дверца большого джипа с тонированными стеклами, до сих пор безмолвно стоявшего возле бензоколонки, открылась, и из машины вышел красивый мужчина с длинными черными волосами. Олег вспомнил, что это человек, который создал его и все решает. Пройдясь прогулочным шагом по территории и бегло осмотрев трупы, мужчина облокотился в позе фотомодели на крыло машины, покрытой потеками крови первого из убитых парней, скользнул безмятежным взглядом по освещенным окнам здания, убегавшему по пыльной траве в ночь неровному забору и вздохнул.

– А хорошо здесь, – мечтательно сказал он. – Тихо так...

Вита.

Оказавшись в восхитительно большом торговом комплексе, какого не видела ни разу в жизни, Вита не знала, с чего начать. По обе стороны от нее располагались просторные помещения, заваленные всеми товарами, какие только можно вообразить. Сияющие витрины хранили горы разнообразных вещей. Вита чувствовала, что можно брать любую, потому что кроме нее в этот магазин никто никогда не зайдет.

Поначалу Вита решила оглядеться, чтобы потом вернуться к тому, что больше всего понравилось. Она с восхищением глядела на коллекционных кукол в модельных костюмах, примерила гору золотых часов, массу разноцветных и легких, как лепестки, модных туфель. Однако вскоре Вита убедилась, что здесь одна витрина прекраснее другой, и принялась хватать все, что попадалось под руку. В ювелирном отделе она набила сумочку эксклюзивными украшениями, потом сбросила платье и стала примерять один за другим комплекты дорогого кружевного белья. Вскоре это ей надоело; как была, в поясе и ажурных чулках, она подбежала к буфету и, обойдя стойку, чтобы взять с витрины миндальное пирожное, нисколько не удивилась, обнаружив на полу труп кассира. Лужа крови вокруг простреленной головы девушки запеклась до ржавого цвета, на ногтях застывшей матово-белой руки виднелись остатки вишневого лака. Кассовый аппарат был открыт, и Вита, кроме пирожного, прихватила пачку купюр.

Но всего этого казалось недостаточно. Тогда Вита решила действовать более целенаправленно. Выйдя из буфета, она обнаружила и другие мертвые тела. На трупах, словно лопнувшие ягоды, расплзались крупнокалиберные дыры. Возле банкомата красивая женщина средних лет лежала, стиснув в холеных пальцах окровавленную кредитную карточку; на коленях пожилого мужчины, откинувшегося на мягкую спинку дивана в кафе, лежала раскрытая газета; два мальчика лет десяти-двенадцати лежали среди рассыпанных жетонов между мигающих огнями игровых автоматов; даже на ворохе простыней в забытой кем-то у витрины детской коляске расплывалось чернильно-красное пятно.

Вита поняла, что ей следует обращать внимание на мертвые тела, так как на них-то как раз и находятся самые интересные вещи. Рассыпая драгоценности и деньги, она бросалась от одного трупа к другому, но не могла ни на чем остановиться.

Когда Вита уже совсем отчаялась сделать окончательный выбор, она наконец увидела в пятом ряду кинотеатра перед мерцающим экраном во всех отношениях подходящий труп.

Это была женщина, во внешности которой присутствовало совершенно незабываемое сочетание самоуверенности и незащитности. Ее дорогой белоснежный костюм оказался таким

мягким наощупь, словно ткань сама льнула к ладоням. Мужской покроем выгодно подчеркивал женственность соблазнительной пышной фигуры. Волны густых золотых волос сияли в полутемном зале, как лава, на открытой перламутровой шее и запястьях поблескивали тонкие золотые цепочки. На ногах женщины белели казавшиеся тяжелыми кожаные туфли с округлыми носами.

Вита поняла, что у этой красавицы было все, чего ей не хватало. Вытащив тело женщины в ближайший бутик, где имелось зеркало, – это оказался салон вечерних и свадебных нарядов, – Вита принялась снимать с трупа вещи. Выбросив все, что набрала до сих пор, Вита надела одежду и украшения блондинки, накрутила при помощи косметики, которую нашла в ее сумочке, и даже обрезала волосы по длине, как у той, и сделала челку.

Взглянув на себя в зеркало, Вита показала себе очень похожей на незнакомку. Правда, у Виты был смуглый цвет кожи, жесткие иссиня-черные волосы и спортивная, мальчишеская фигура, к тому же незнакомка выглядела лет на двадцать старше, но в общем сходство показалось Вите несомненным. Она долго с улыбкой любовалась отражением, которое всегда мечтала видеть.

Но потом она поняла, что недостает еще одного, последнего штриха, который поможет ей надежно утвердиться в новой роли и окончательно превратиться в свой идеал.

Собравшись с силами, Вита подхватила тело блондинки, уже не такой загадочной и недоступной, но по-прежнему соблазнительной в своей ослепительной наготе, и поволокла труп в «Тысячекрылый журавль» – самый экзотический ресторан торгового комплекса.

Выбрав на кухне большой поднос, Вита поставила его в центре стола и уложила на него тело красавицы. Затем она острым мясным тесаком аккуратно отрубила часть белоснежного плеча с яркой красной родинкой. С наслаждением Вита положила кусок на язык и, закрыв глаза от удовольствия, подумала, что ей еще никогда не доводилось проводить вечер в более приятной компании. Внезапно Вита поняла, что никогда прежде не знала настоящей радости жизни, что все бывшее ушло, и ее жизнь только начинается.

Варя.

Варя поехала с подругой в Синий Дом из любопытства. «Синий Дом» – так называли расположенный за городом завод оттого, что все постройки и даже забор там были выкрашены в синий цвет. Хотя являлось здание на самом деле заводом или нет, никто не знал – оставалось неизвестным, что там делалось. Зайти туда вроде бы не запрещалось, но никто не пытался, как будто завода и не было вовсе.

Когда тесный, нагретый солнцем автобус остановился напротив заваленного щебнем и мусором пустыря, девочки выпрыгнули на пыльную дорогу. Войдя в заросли сорной травы, они перестали что-либо видеть, но чувствовалось, что вокруг никого нет.

Неожиданно навстречу им вышла смуглая, как жженный сахар, старуха со странными чертами лица: застывшими, словно вытесанными из камня, и какими-то смазанными, словно скульптор не закончил работу. Хотя Варя никогда не видела ее раньше, она сразу поняла, что это старуха, о которой говорили: якобы на кого она укажет, тому и смерть. Старуха подняла худую черную руку и указала на Варю.

Потом девочки как-то сразу очутились возле завода. Двери были открыты, и они вошли внутрь. Завод казался пустым. Не было ни персонала, ни оборудования, но Варя поняла, что так и должно быть. Повсюду виднелись только совершенно нефункциональные футуристические украшения интерьера: какие-то гладкие панели синих, серых и аквамариновых оттенков и бесконечные металлические поручни с серебристым блеском. Они ничего не обозначали, просто тянулись вдаль.

Девочки решили обойти несколько комнат. Везде было одно и то же, только размеры и форма помещений различались, но оставались одинаково циклопическими и геометрически правильными. В полу некоторых комнат зияли прямоугольные провалы, сквозь которые виднелись другие этажи – точь-в-точь такие же просторные, полупрозрачные и погруженные в серебристо-синий полумрак.

За время, что девочки ходили по заводу, Варя не заметила, как вместо подруги рядом с ней оказался совершенно незнакомый мальчик. На вид ему, как и ей, было лет двенадцать или чуть больше, прямые черные волосы обрамляли правильное, задумчивое лицо. Варя никогда прежде его не видела, но поняла, что он и ее подруга – это все равно что один и тот же человек.

Внезапно за очередной дверью обнаружилась комната, совсем не похожая на предыдущие: нечто вроде тесного медицинского кабинета. Вдоль выбеленных стен стояли светлые пластиковые шкафы со стеклянными дверцами, в углу – вешалка с крахмальными халатами, а в центре – странной конфигурации кушетка, похожая на смятое крыло дельтаплана, накрытая простыней.

Мальчик уверенно направился в обнаруженный кабинет и небрежно уселся возле белого пластикового стола, словно пришел сюда не впервые.

– Знаешь, нам нужно сделать одну процедуру, – непринужденно заявил он и взял из металлического лотка какую-то ажурную складную конструкцию с длинными иглами. Что-то заскрежетало и стукнуло.

– Какую? – заинтересовалась Варя.

– Снимай кофту.

Варя удивилась, но послушалась: она чувствовала, что мальчик лучше нее понимает в происходящем.

– Повернись, – велел он и поднялся из-за стола. Варя повернулась к нему спиной.

В этот момент ее внезапно охватило ощущение угрозы, словно какая-то опасность приближалась к ней. Она невольно обернулась. Мальчик взглянул на нее с удивлением.

– А это больно? – неловко спросила Варя.

– Нет, – спокойно возразил мальчик. Варя повернулась снова, сжимая кофточку в руке, но возражать не решилась. Мальчик взял ее за локоть, но она снова обернулась. Ее охватил непреодолимый страх.

– А что будет потом? – со стыдом за свою нерешительность выговорила она первое, что пришло на ум, стараясь не смотреть мальчику в лицо.

– Я не знаю, – раздраженно пояснил он и выжидательно взглянул на Варю. Она снова повернулась, но ощущение угрозы не проходило, и она невольно сделала несколько шагов вперед, чтобы потянуть время. Она услышала за спиной шаги мальчика, и он снова взял ее за локоть. Варя вздрогнула и, отводя руку, настойчиво повторила:

– А что будет потом?... Что потом?

За спиной что-то заскрежетало, и внезапно Варя, резко развернувшись, изо всех сил толкнула мальчика в грудь.

...Варя вздрогнула и проснулась. На нее участливо смотрела молодая женщина в халате медсестры. Варя растерянно поднялась; она лежала на прохладной пластиковой кушетке, тянувшейся вдоль синей стены коридора. Женщина сделала шаг назад. Ее полные накрашенные губы ярко отделялись в серебристой полутьме, золотые волосы рассыпались по плечам.

– Что ты здесь делаешь, девочка? – музыкальным голосом спросила она. – Твоя подруга уже ушла.

– Ой... Извините, – пробормотала Варя и потерла рукой лоб. – Я ухожу, – торопливо сказала она и, поднявшись, шагнула к видневшимся в конце коридора прозрачным дверям, за которыми сияло солнце.

– Но выход совсем в другой стороне, – удивилась женщина.

– Как... в другой?.. – смутилась Варя и обернулась.

– Конечно, – подтвердила женщина и, заметив замешательство Вари, протянула ей округлую белую руку в золотых часиках. – Пойдем, я отведу тебя, – предложила она.

Варя, растерявшись, вернулась; женщина взяла ее за руку и повела в глубь коридора.

Задумавшись, Варя не заметила, как долго они шли. Потом она вдруг поняла, что за руку ее ведет вовсе не ласковая медсестра, а совершенно незнакомый мужчина. Его длинные черные волосы падали на глаза, как тень, и Варе достаточно было одного взгляда на его замкнутое, раздраженное лицо, чтобы понять, что ее ждут неприятности. Мужчина грубо втолкнул ее в одну из комнат, закрыл дверь и смерил Варю непроницаемым взглядом.

– Тебе кто разрешил приходить сюда? – резко спросил он. – Посторонним запрещено здесь ошиваться!

– Извините... – пролепетала Варя, потом собралась с мыслями и попыталась оправдаться: – Но дверь была открыта.

– Но ты же знала, что сюда нельзя? – перебил ее мужчина. – Знала, так ведь? – настаивал он.

– Да... – неохотно признала в конце концов Варя.

– А знаешь, что мы тут делаем с непослушными девочками? – процедил мужчина и угрожающе шагнул к ней.

Варя с испугом взглянула на него; в этот момент он схватил ее за горло, а другой рукой рванул за запястье и с силой защелкнул какой-то прибор на локте. Острая боль пронзила Варю от кончиков пальцев до макушки, она свалилась на пол и потеряла сознание.

Очнувшись она в прохладном полумраке, на шероховатом каменном полу. Рука нестерпимо болела. Голова казалась ватной, и мысли путались. Варя почувствовала, что у нее жар. С трудом разлепив глаза, она приподнялась и огляделась.

Она находилась в необычной комнате с вырезанными в стенах выпуклыми каменными барельефами, изображавшими причудливые получеловеческие, полужвериные фигуры. С потолка свисали цепи и крючья, тянувшиеся к рельсам и лебедкам. В полу располагался большой бассейн, заполненный до краев темно-зеленой жидкостью с густым едким запахом. Под самым потолком виднелись круглые, похожие на люки окна, забранные решетками, сквозь которые струился рассеянный зеленоватый свет.

То ли глухая тишина и монотонный перезвон капель где-то в дальнем углу, то ли удушливые испарения, поднимавшиеся от бассейна, то ли мягкий полумрак так подействовали на Варю, или больная рука, от которой, казалось, ныло все тело, но Варя почувствовала такое утомление, что ей захотелось остаться здесь навсегда, вообще пропало желание двигаться. Долгое время она в оцепенении лежала на краю бассейна, бездумно глядя в шероховатую бугристую стену. Потом к ней постепенно пришло понимание, для чего на самом деле служит завод. Что в этом бассейне – мертвая вода, которую добывают глубоко под землей и опускают туда людей.

Заинтересовавшись, Варя подползла поближе к краю и заглянула в темно-зеленую глубину. Внезапно она поняла, что эта комната и есть выход, и покинуть завод можно, если прыгнуть в бассейн.

Варя свесилась над бассейном и протянула здоровую руку, чтобы попробовать воду, как вдруг необъяснимое ощущение опасности заставило ее остановиться. Замерев, Варя растерялась и неожиданно вспомнила, как недавно проснулась в коридоре. Потом ей показалось, что краем глаза она видела в этом помещении дверь, и даже не одну: комната с бассейном была проходной. Внезапно Варя поняла, что выход из завода вовсе не обязательно должен быть через бассейн. Она подняла взгляд от воды, попыталась обернуться...

...и проснулась на покрытой простыней кушетке причудливой конструкции в тесном медицинском кабинете. Ожидавшая неподалеку женщина в белом халате торопливо подошла к ней.

– Ну как? Что ты видела? – нетерпеливо спросила она с жадным интересом.

Варя с трудом поднялась. Левая рука онемела; скосив глаза, Варя заметила пронизывающую локоть насквозь причудливую каменную конструкцию.

Взглянув в оживленное лицо медсестры, она на мгновение тоже ощутила исследовательский азарт, но потом внезапно вспомнила, что поведение женщины как-то не соответствует ее прежнему заботливому участию. Внимательно взглянув на нее, Варя резко сбросила ноги с кушетки.

– А что вы сделали? – крикнула она. – Вы кто такая?

Женщина отступила на шаг; на ее лице мелькнуло нечто вроде угрозы, и Варя подумала, что уже видела подобное выражение – у мужчины, который привел ее в комнату с мертвой водой...

Внезапно боль в локте резко усилилась; у Вари потемнело в глазах, она повалилась назад и...

...проснулась на прохладной пластиковой кушетке в синем коридоре. Варя машинально вскочила на ноги. Поблизости никого не было. Варя подумала, что ее подруга, наверное, уже ушла, а сама она случайно заснула и не успела ничего посмотреть. Вместе с тем Варя решила, что надо уходить, пока ее никто не заметил. Бегло оглядевшись по сторонам, Варя поспешила в сторону стеклянных дверей, за которыми сияло солнце, и вышла на улицу.

По-видимому, она проспала на заводе не так уж долго: желтый полуденный свет всего лишь сменился рыжеватым предвечерним, но до заката было еще далеко. Сбежав по ступенькам, покрытым гладкой плиткой голубоватого оттенка, Варя вздохнула с облегчением. Хотя она и не увидела ничего, кроме нескольких одинаково пустых синих комнат, все же от посещения завода у нее осталось какое-то тягостное впечатление. Но теперь она вышла из здания, и ощущение опасности исчезло. Улыбаясь, Варя зашагала через пустырь к автобусной остановке. Пыльный чертополох волновался по сторонам, и в нем иногда мелькали пушистые лиловые цветы репейника.

Варя села на неудобную лавку на остановке и стала ждать автобуса. Вообще-то они всегда редко ходили, но сейчас дорога словно вымерла. Варя долго ждала, то глядя в растрескавшийся асфальт под ногами, то пристально всматриваясь в теряющуюся в пыльной дымке проселочную дорогу. Вокруг разливался послеполуденный удушливый зной. Ни в одну сторону, ни в другую не проехала ни одна машина.

Наконец Варя соскучилась и принялась оглядываться в поисках чего-нибудь интересного, чем можно было бы заняться. Чуть в стороне от дороги, неподалеку от остановки стояли бетонные ограждения с мусорными контейнерами. Варя заметила с краю от помойки несколько больших картин. Она слезла с лавки и пошла в сторону от дороги, чтобы рассмотреть их поближе.

К ее восхищению, картины оказались необыкновенные: какие-то яркие цветы, изогнутые тугие лепестки которых хотелось пощупать, потрепанное письмо в пожелтевшем конверте на гладком, как зеркало, столе, прохладно поблескивающий темным стеклом тяжелый графин в полумраке пыльного шкафа...

Внезапно Варя ощутила уверенность, что у одной из этих картин двойная рама, и если найти другую, скрытую картину, то автобус подойдет.

Варя стала проверять рамы и действительно обнаружила за одной из картин странный рисунок, выполненный в совершенно другом стиле. Она внимательно разглядывала едва наме-

ченное полупрозрачными, блестящими мазками изображение утопленного в земле деревянного люка, похожего на вход в шахту, когда подошел автобус.

Варя села на обдутое кожаное сиденье, но не могла стряхнуть с себя какую-то задумчивость. Народу в автобусе оказалось непривычно мало, и остановки мелькали какие-то незнакомые. У Вари возникло ощущение, что надо выйти не там, где обычно, а возле леса. На одной из безлюдных остановок Варя покинула автобус и направилась по дороге, которая терялась среди деревьев.

Она долго шла по едва заметной тропинке, потом, сама не отдавая себе отчета, свернула в чащу. Она пробиралась сквозь гущу веток и трав, солнце садилось, и все заволакивал полумрак, но Варя чувствовала, что именно так она доберется до места назначения. Наконец она поняла, что можно остановиться. Оглядевшись, она заметила утопленный в земле деревянный люк. Подняв крышку, Варя начала спускаться по вбитым в стену узкой шахты железным скобам.

Она спускалась несколько минут и оказалась глубоко под землей. Постепенно глаза Вари привыкли к темноте, но когда ее ноги коснулись мягкого, как ей показалось, земляного пола, она не смогла определить размеры помещения, в которое попала. Она не видела также, есть ли здесь еще кто-нибудь, но чем внимательнее приглядывалась и прислушивалась к окружающей темноте, тем отчетливее ощущала чье-то присутствие. В подземелье все усиливался незнакомый густой, приторный запах. Варя осторожно нащупала край деревянного стола, потом – коробок спичек и свечу. Засветив огонек, она осторожно протянула свечу впереди себя и сделала несколько шагов. Свет выхватил поблизости незамысловатый деревянный стул, еще один... Внезапно Варя услышала какое-то стрекочущее ворчание, а потом огромное, в человеческий рост, белесое насекомое наподобие клопа, шевеля жвалами, бросилось на нее из темноты.

Дальнейшее Варя запомнила плохо. Насекомое больно укусило ее в грудь и повалило на пол. Свеча упала и погасла, Варя ничего не видела в темноте, но насекомое с громким чавкающим звуком кусало ее в плечи и шею и яростно царапало лапками. Варя почти не могла пошевелиться под накрывшим ее с головы до ног мягким брюшком и вскоре вся перемазалась липкой слизью, сочившейся из туши чудовища. Пока она задыхалась, пытаясь сбросить его, возникла жуткая боль в низу живота, и что-то твердое проникло внутрь. Варю показало, что ее режут ножом. Насекомое принялось методично раздирать ее, причиняя такую нестерпимую боль, что через некоторое время Варя потеряла сознание.

К тому времени, как она пришла в себя, в комнате уже никого не было. Длинные глубокие царапины, покрывшие все тело, ужасно болели, к горлу подкатывала тошнота. Трудно было определить что-то наверняка, но ей казалось, что по ногам течет кровь.

Заставив себя перевернуться, Варя принялась ползать по полу, дрожащими руками ощупывая липкую от слизи землю, и через некоторое время ей удалось найти свечу, а потом, на углу стола, – спички. Вид собственного тела привел ее в ужас. Кофта висела клочьями, вся остальная одежда, порванная на лоскуты, валялась по сторонам, словно попала в миксер, а на бедрах расплывались синяки размером с дыню. Сжавшись от страха, Варя с мучительным усилием поднялась на ноги. К горлу снова подступила тошнота, но Варя справилась с приступом и, с трудом переводя дыхание, привалилась к столу. Все казалось каким-то бессмысленным. В углу комнаты она заметила яму, в которую, по всей видимости, уползло насекомое. Подниматься вверх не хотелось, да и не осталось сил – Варя чувствовала, что на лестнице у нее закружится голова и она снова свалится вниз. Даже если бы ей удалось добраться до поверхности, что она сделала бы одна, ночью, в лесу? Варя устало села за стол. Ужасно хотелось что-нибудь съесть или хоть чаю выпить. На какое-то мгновение у Вари мелькнула мысль, а не полезть ли в яму за насекомым – может, у него найдется что-нибудь съестное, но она отказалась от этой идеи. Поступить так значило самой превратиться в как бы насекомое.

«Сейчас опрокину свечу и сожгу здесь все», – внезапно подумала она и подняла голову. Эта мысль как-то придала ей сил. Она встала и протянула было руку, как вдруг резкая боль внизу живота словно переломила ее пополам.

Варя со стоном упала на колени. Спазм повторился, на этот раз с такой силой, словно в животе у нее поворачивали нож, и по ногам хлынул липкий поток белесой слизи, крови и гноя. Тягучий приторный запах, от которого у Вари сразу закружилась голова, заполнил комнату. Она откинулась на спину; что-то рывками шевелилось внутри нее, пытаясь выбраться наружу. Ее живот стал раздуваться, как опухоль; она почувствовала, как новый поток зловонной слизи хлынул ей на ноги; кости таза стали словно бы раздвигаться, ей даже казалось, что она слышит хруст поясницы, на нее накатила очередной приступ дурноты, а потом внезапно все кончилось.

Едва не теряя сознание, Варя попыталась отдышаться, но в комнате стоял смрад, казавшийся осязаемым и густым, как сироп. Уши резал какой-то совершенно потусторонний, неестественный визг. Повернувшись на бок и подтянув колени к груди, Варя взглянула в лужу вылившегося из нее гноя. На полу яростно извивалась огромных размеров гладкая, белесая личинка, скрипя упругими боками. Варя невольно отпрянула в сторону, угодив рукой в яму, из которой выползло первое насекомое. Вскрикнув, она вскочила на ноги и метнулась к стене, возле которой начиналась лестница наверх. Схватившись за железную скобу, Варя с ужасом следила за катающейся по полу личинкой, которая, несмотря на отсутствие даже подобия рта и вообще головы, непрерывно верещала леденящим пронзительным голосом.

Внезапно в ее визге Варе послышалось что-то пусть и безобразное, но все-таки человеческое, какая-то неизбывная тоска. Варе пришло в голову, что ведь это теперь, наверное, ее ребенок и, стало быть, ей придется до конца жизни заботиться о нем. Личинка, судорожно свернувшись в кольцо, кричала раздирающим голосом. В какой-то момент у Вари возник порыв, преодолевая отвращение, попытаться подойти и взять чудовище на руки. Но потом она бесповоротно решила, что ничего подобного в ее жизни не будет ни при каких обстоятельствах, никогда, какие бы доводы в оправдание этого ни приводились. Метнувшись в середину комнаты, она схватила стул и изо всех сил ударила им по личинке.

Ножки пробили белесые бока в двух местах, и из дыр хлынула смрадная слизь. Раненая личинка завизжала так пронзительно, что, казалось, воздух сгустился и задрожал; у Вари что-то лопнуло внутри головы, и она почти перестала слышать. Но она не позволила себе остановиться и, с усилием размахнувшись, снова ударила по личинке. Куски белесого мяса брызнули во все стороны, как суп. Варя колотила личинку до тех пор, пока на полу и на стене, к которой тушу отбросил очередной удар, не осталось только однородное бесформенное месиво.

Отдышавшись, Варя с отвращением отбросила заляпанный слизью стул. Голова раскалывалась, Варя чувствовала, что близка к обмороку. Упав на колени, она машинально наклонилась, и приторная белесая слизь ручьями хлынула у нее изо рта, из носа, из ушей. Варя думала, что умрет, но в конце концов все прошло; когда ее перестало рвать, она почувствовала себя лучше. Переведя дыхание, она почувствовала, что настало время уходить; Варя неловко, но торопливо поднялась на ноги, подбежала к лестнице и схватилась за скобу с намерением выбраться наверх, как вдруг заметила, что она в комнате не одна.

Возле стола задумчиво сидел красивый мужчина лет тридцати с длинными черными волосами. Варе показалось смутно знакомым его лицо, но она не могла вспомнить, где видела его раньше. Мужчина с любопытством рассматривал оставшееся от личинки белесое пятно, а потом перевел взгляд на Варю.

– Мое почтение, – произнес он. – Тебя голыми руками не возьмешь. – Мужчина поднялся из-за стола. – В награду за невинность сердца я освобожу тебя, – сказал он. – Ты забудешь меня и все, что здесь происходило. Но я оставлю для тебя подарок.

Он сделал неуловимое движение кончиками пальцев, руку Вари пронзила острая боль, и одновременно появилось ощущение, что из локтя вынимают какие-то иглы; Варя пошатнулась и...

...проснулась как раз в тот момент, когда тесный, нагретый солнцем автобус неспешно поворачивал к городу. Заторопившись, Варя выбралась со своего места, протиснулась мимо других пассажиров к двери и вышла на знакомой улице.

Тетя встретила ее как-то странно: бросилась к ней, как будто не ожидала увидеть, оглядела с головы до ног и затрясла за плечи с криком:

– Ты где была?! Ты что творишь?! Мать с ума сходит!

– А мы разве не на два часа договаривались? – удивилась Варя.

– Так третий день уже! – всплеснула руками тетя. – Тебя милиция ищет!

– Да ты что? – растерялась Варя. – Ты шутишь, что ли? – И тут из кухни показалась заплаканная мать. Варя поняла, что мама не могла успеть к тете раньше нее, если они, как казалось Варя, расстались дома два часа назад, а значит, и в самом деле случилось что-то непонятное.

– Варечка, – сказала мать слабым голосом, обняла ее и заплакала.

– Да я ничего не помню... – в замешательстве произнесла Варя. – Доехала, как обычно... Села на автобус часов в двенадцать... Да ты же меня провожала, не помнишь, что ли? – она отстранилась и с недоумением посмотрела на мать. Та внимательно взглянула ей в лицо и снова залилась слезами.

– Три дня назад это было, – негромко сказал появившийся в дверях дядя.

– А что это за камни в кармане у тебя? – вдруг спросила тетя. Она вешала куртку девочки на вешалку и почувствовала непривычную тяжесть. Вынув несколько каменных осколков, она рассеянно повертела их в пальцах и машинально бросила на столик перед зеркалом. В тот же момент несколько камней блеснули цветным светом, и вокруг них, перекрывая одна другую, начали возникать причудливые полупрозрачные картины, сопровождавшие свое появление как бы отдаленным и не совсем приятным скрежещущим звоном.

– А... это я, пока автобус ждала, нашла, – вспомнила Варя. Она чуть было не сказала «около помойки», но сообразила, что такое объяснение вряд ли подойдет, и добавила: – Около остановки. Мне показалось, красивые...

– С ума сойти, – неуверенно проговорила мама, осторожно держа один из осколков в вытянутой руке. Он загудел, отделился от кончиков ее пальцев и поплыл вперед, переливаясь миражом.

– Это ж какие деньги... – выдохнула тетя.

Мама внимательно разбирала камни, и на ее лице отразилось замешательство.

– «Синий... дом», – с усилием вникала она в хтонический поток. – «Мертвая вода». «Яма»... Господи, да что тебе в них понравилось-то?..

Варя задумчиво обвела взглядом странные, мрачные и словно бы неоконченные, едва намеченные несколькими отблесками голографические рисунки. Ей показалось, что прежде она видела на картинах какое-то другое изображение, но в следующий момент она вспомнила:

– Здесь под одной из картин есть другая!

Как бы в ответ на ее слова одно из изображений подернулось рябью, растаяло и изменилось.

– А ты откуда знаешь? – удивилась мама.

– Мне так показалось... когда я в первый раз смотрела, – пояснила Варя.

Среди пугающих фантазмагорий появился портрет юной девушки с тонким, перламутрово-нежным лицом, очертания которого растворялись в призрачных бликах, как в отблесках неведомых светил; по квартире полился неясный гул стройных, переливчатых голосов. Все притихли.

- Ну надо же, а! Вот это красота! – воскликнула наконец тетя.
- Да ведь их, может, потерял кто? – встревожилась мама.
- Не похоже, чтобы их забыли там, – с сомнением покачала головой Варя. – По-моему, их хотели там оставить.
- А ведь это действительно ценные вещи, – задумчиво покачал головой дядя, бегло пересчитав камни.
- В любом случае надо будет в милицию сдать... или куда там... – растерялась мама.
- Кстати надо им позвонить, сказать, что девочка нашлась...
- А вам не кажется, – озвучила тетя общую мысль, – что девица-то на картине... ну... на Варю нашу похожа?..

Красноярский городской портал **Новости**

Сенсационная находка в Чернотоле

12-летняя школьница из села Яровое нашла голографические картины в придорожной канаве

12-летняя жительница села Яровое Варвара Соломина ехала к родственникам в город Чернотол. Ожидая автобуса на пустой остановке, она случайно заметила среди камней возле дороги автохтоны. Необычные голографические изображения понравились девочке, и она решила взять их с собой. Все они, по заключению экспертов, оказались подлинными произведениями Глеба Тасманова – автохтонами версии «слепок сознания». Коллекционеры уже заинтересовались находкой и готовы предложить семье девочки значительное вознаграждение. Почему уникальные предметы искусства оказались в придорожной канаве, осталось загадкой.

From: solominka

To: TYOMKA

Re: Кто хочет стать миллионером?

Привет :) Ты все смеешься. Как там тетя? Ты, говорят, будешь поступать в институт? Но ведь Красноярск далеко.

А камни, которые я нашла, правда оказались очень дорогими. Я точно не знаю, сколько, но мама сказала, что теперь мы сможем сделать мне операцию – ну, ту, о которой только и было разговоров. Хотя я в последнее время чувствую себя хорошо. Но мы пошли на обследование, и оказалось, что я теперь здорова. Врач сказал, что у меня как будто стало другое сердце. А я и в самом деле заметила что-то такое. Например, у меня палец, который я еще во втором классе сломала, помнишь? – как-то по-другому сросся, только я это не сразу поняла. Теперь прямой. Вот только локоть немного болит почему-то. Несколько дней даже руку сгибать было больно, но теперь вроде ничего.

Так что продавать теперь не обязательно, хотя все равно придется, потому что вокруг этих каменных штук такой ажиотаж. Но я бы хотела оставить ту, которая портрет. Мама в шутку говорит, что это мой портрет, и правда, мне кажется, как будто это я в будущем. Ты, наверное, тоже слышал истории, что из автохтонов исходит злая сила, но я ничего такого не замечаю. Те картины, которые я нашла, по-моему, просто блестящие безделушки, а портрет даже кажется глубоким, светлым, и когда сидишь перед ним – как будто смотришь в небо, только непонятно, день или ночь.

Ты ведь знаешь, что я пропала на три дня, только этого не помню. Так вот, я слышала, как мама вечером того дня, что мы в больницу ходили, сказала папе, что мы не должны никому об этом рассказывать, но она знает, что на самом деле произошло настоящее чудо. Вроде как

воскрешение дочери Христом (я где-то об этом читала). Оказывается, еще когда я родилась, врачи предупреждали, что со своим сердцем я до совершеннолетия не доживу.

Глеб.

Приходя в сознание среди разбросанных кусков разорванной плоти, Тасманов чувствовал себя совершенно опустошенным, но в таком беспечном настроении, словно очнулся от сказочного сна. Он сразу уходил из святилища в жилой сектор, вроде как хотелось побыть в обычной обстановке. С появлением зомби бытовые хлопоты значительно сократились: Тасманов вообще не любил заниматься хозяйством и теперь о временах, когда приходилось самому отмывать кровь и избавляться от трупов, вспоминал с ужасом. Да и вообще присутствие зомби как-то поднимало ему настроение. Не особенно разговорчивый с людьми, он охотно высказывал всякие приходявшие в голову пустяковые соображения, обращаясь в пустоту, которая, по его ощущениям, становилась какой-то другой, если в ней присутствовало зомбированное существо. Когда приходилось надолго покидать дом, он порой мастерил себе зомбированную зверушку из птицы или хомячка, чтобы не было одиноко, а иногда, при случае, и убивал какого-нибудь нечаянного прохожего – без особых церемоний, просто чтобы развеяться. Однако после основательного погружения в опыты, длившиеся порой по несколько суток, из которых он едва помнил только первые движения ритуального танца, но которые изматывали его до предела и оставляли ощущение потрясения и перерождения всего существа, Тасманову, наоборот, хотелось легкомысленного времяпровождения.

Смыв кровь под душем, Тасманов на всякий случай заглянул в блок с переработанным материалом, но там все обстояло как положено: свежесозданные зомби, хрипя, лежали на массивных железных каталках, прикованные неподъемными цепями. Тасманов всегда фиксировал неиспытанные экземпляры на случай, если кто-нибудь выйдет из повиновения. Несколько дней назад это была шумная молодежная компания, выпивавшая неподалеку от дороги, бросив мотоциклы на обочине, – четыре парня и три девушки. Их как раз хватило, чтобы забить фургон, и еще место осталось для одного мотоцикла, который особенно понравился Тасманову: собранный чуть ли не вручную – своего рода эксклюзив. Проверять, как жертвы усвоили директивы, Тасманов не стал и оставил их скованными, заперев первую дверь на засов, а вторую на цифровой замок: у него были случаи, когда испытуемым все-таки удавалось вырваться, и потом приходилось их разыскивать по всему лесу.

Тасманов поднялся на кухню – в жилой части комплекса, по контрасту с подземным храмом, он вырезал огромные окна, и за ними сиял холодный, затянутый облаками осенний полдень и падал мягкий снег. Тасманов рассеянно включил электрический чайник. В углу переминалась Сужа – зомби, сделанная из венгерской порноактрисы. Ему так понравились ее пышные формы, что он велел ей ходить по дому голой – для красоты, а запах тления ему не мешал. В титрах она значилась как Юдит, но Тасманов прочел в ее памяти, что настоящее имя было другое, и называл ее, как к ней обращались дома в детстве – так она лучше слушалась.

Заглянув в холодильник, Тасманов достал миску с кусками сырого мяса и бросил один зомби – она поймала его на лету, щелкнув зубами. Поразмыслив, Тасманов послал ей мысленное пожелание, чтобы она встала на четвереньки. Она подползла к нему, и он запихнул ей в рот еще несколько кусков. Она так яростно клала челюстями, что Тасманов опасался, как бы она не поранила ему пальцы, но в то же время его это забавляло. Он мысленно велел ей остановиться: внушением не следовало злоупотреблять, а то у жертвы мог начаться припадок.

– На выставку, что ли, съездить? – сказал он ей задумчиво, наливая в чашку кипятков. – У меня сейчас идет в Мельбурне. Мельбурн – это, оказывается, тоже не столица Австралии. Я сначала думал, Сидней, потом – Мельбурн, а что на самом деле – забыл... Правда, в компаниях всегда так много болтают – я иногда и половины не понимаю. Они думают, что я молчу

для загадочности, но на самом деле мне просто нечего сказать. Видимо, у меня в голове недостаточно мыслей, – заключил Тасманов, посмотрел в чашку кофе, взял телефонную трубку и набрал номер.

– Степан? Здравствуй.

– Глеб! – проревел в трубке добродушный голос. – Как я рад тебя слышать! Заткнись, это Тасманов, – прошипел голос куда-то в сторону. – Глеб, как дела? Ты где пропадаешь?

– Как дела? Это ты мне скажи, – возразил Тасманов. Степан Сватов отвечал за организацию его выставок по всему миру.

– Как всегда! Фантастический успех! – весело воскликнул голос. – И работы невпроворот... Ты не представляешь, что здесь творится...

– Можно мне приехать? – вежливо поинтересовался Тасманов.

У голоса перехватило дыхание от неожиданности – Тасманов редко баловал общество своим присутствием.

– Конечно! – спохватился голос. – Глеб, это было бы просто... Я надеюсь, ты дашь пресс-конференцию? – Сватов взял быка за рога.

Тасманов вздохнул.

– Ну...

– Глеб, я приглашу только самых проверенных, самых грамотных... Два часа? – Молчание. – Час?..

– Ну... ладно... – придумывать для журналистов нейтральные фразы на отвлеченные темы казалось Тасманову верхом идиотизма.

– Вот и замечательно! – прогрохотал голос. Тасманову казалось, что он видит, как Сватов энергично черкает в своей неизменной записной книжке. – Больше тебя никто не будет утомлять, я же понимаю... ты и так слишком загружен. Я прослежу, чтобы тебе не мешали. Но, Глеб, тут настоящее сумасшествие! И народ все прибывает...

– Договорись насчет перелета, ладно?

– Когда планируешь выезжать? – собрался голос.

– В любое время. – Тасманов обычно летал частными рейсами, а купить собственный самолет так и не удосужился.

– Жди, я перезвоню.

– Ага. – Тасманов сбросил звонок и посмотрел на отползшую в угол Сужу. – А ты остаешься здесь, – сказал он ей.

Когда он появился на светском приеме на верхнем этаже какой-то фешенебельной гостиницы, по рядам присутствующих пробежал шепот, и все обернулись в его сторону, а потом аплодировали, наверное, несколько минут. Тасманов закрыл лицо рукой и порадовался, что не умеет краснеть.

– Ну все, все, хватит! – послышался знакомый густой голос, и рядом возникла массивная фигура Сватова, махавшего на гостей, словно отгоняя стаю гусей. – Глеб, ты так и будешь стоять в дверях? – крепкая рука вцепилась в его локоть и потянула в сторону.

Долгое время Тасманов просто сидел за одним из дальних столиков, глядя в бокал или рассматривая сквозь стеклянную стену ресторана панораму пылающего огнями ночного города. Ему нравилось ощущение шума и движения вокруг, хотя в разговоры он не вступал – его нежелание общаться по причине глубокого презрения к окружающим многие ошибочно принимали за скромность. Ближе к рассвету теснота и мелькание раскрашенных лиц в искусственном освещении его утомили, захотелось прогуляться, и он попросил Сватова проводить его, чтобы тот развлек его по дороге какой-нибудь болтовней.

Сватов предложил пройти по речной набережной. Солнце еще не поднялось, но небо уже просветлело. Тасманов разглядывал серую воду, шурясь от ветра.

Сватов, высокий, полный мужчина с соломенного цвета волосами и холодным взглядом голубых глаз составлял Тасманову заметный контраст своей дорогой, элегантной одеждой и барскими манерами; в то же время насколько отчужденно держался один, настолько же добродушен и внимателен был другой.

– А ты по-прежнему не куришь? – поинтересовался Сватов, доставая из кармана светлого плаща ароматную толстую сигару.

– Никогда не пробовал.

– Ну, ты просто мистер совершенство. А я жить не могу без хорошего табака... Наконец-то ты выбрался из своей берлоги, Глеб!

– Устал, а здесь погода хорошая.

– Ты слишком много работаешь, – с ласковым упреком в голосе заметил Сватов. – Надо же иногда делать что-нибудь и для себя, для удовольствия... Какая может быть жизнь в пещере с куском полевого шпата! Ты бы женился или хоть завязал пару-тройку роковых романов...

– Если роковой, то должен быть один, – поправил Тасманов, – а уж потом ничего.

– Ну, не очень роковых... Слегка. Вот, например, та молодая красотка, которая смотрела на тебя сегодня весь вечер... ну, ты, я знаю, не заметил... Кстати, дочь местного набоба – не слышал, Беллами, сахарный король?.. он сейчас подыскивает подарок ей на совершеннолетие – хочет какой-то особый дом, но все не может найти.

– Правда? – заинтересовался Тасманов.

– Восхитительная девушка! – с жаром подтвердил Сватов, неправильно поняв, какая именно часть информации привлекла внимание Тасманова. – То есть, конечно, легкомысленная, как все наследницы, одни развлечения на уме, но зато она говорит только о тебе, потому что ты самый модный человек в этом сезоне. Я сказал ей, что ничего о тебе не знаю, поскольку так оно в сущности и есть, но ведь ты мог бы при случае и сам с ней пообщаться...

Некоторое время они прошли в молчании.

– Эээ... может, ты и прав, – признал Тасманов. – Ты при случае представь меня этим Беллами.

– То есть познакомить тебя с Викторией? – оживился Сватов.

– Ну да, – не стал спорить Тасманов.

Степан работал его личным помощником уже несколько лет, и, хотя они почти не общались, административная сторона всех проблем решалась и без участия Тасманова настолько удачно, что в итоге он вообще забыл о существовании организационных вопросов. Тасманов успел оценить и расчетливость, и деловую хватку, и независимость Сватова, но заметил также, что Степан искренне восхищается им и даже принимает за некое возвышенное, поэтическое существо, которое требуется оберегать от тревог, – подход, который Тасманова более чем устраивал; к тому же общительность и проницательность Сватова заменяли ему светскую хронику и избавляли от необходимости самому искать подходящие заказы.

Вскоре Тасманов заключил контракт на строительство экстравагантного особняка в горном ущелье возле звонкого водопада. Его вдохновила идея магната подарить дочери нечто вроде сказочного дворца; Тасманов обещал, что закончит работу к совершеннолетию девушки, то есть в несколько недель, предложил неправдоподобно красивый проект, и суммы при этом называл запредельные. Тасманов искренне полагал, что из окружающих необходимо извлекать все, что только можно: если не кровь и не рассудок, то хотя бы деньги.

– Восхитительная девушка! – говорил он некоторое время спустя исколотой каменными иглами окровавленной чайке, неуклюже волочившей вывернутые крылья по столу гостиничного номера. Толстые пачки обналиченного гонорара в одну сумку не помещались, но Тасманов придерживался предубеждения, что электронный вид – для денег совершенно неподходящий. – А какой у нее прекрасный отец! Вкус, чувство стиля и все такое прочее... Охренеть

можно, – тут его мысли приняли другое направление. – Не будь этого заказа, она бы у меня сразу пошла на переработку... А еще говорят, что от судьбы не уйдешь...

В дверь постучали. Тасманов быстро свернул голову искалеченной птице и бросил труп в ящик стола, потом застегнул сумку с деньгами и сунул ее под кровать.

– Эээ... да! – крикнул он, поднимаясь с пола. В дверях возникла сияющая красотой Виктория, выглядевшая намного старше своих лет.

– Я вам не помешала?

– Пытаюсь убрать лишний хлам.

– Вы скоро уезжаете?

– Сегодня или в ближайшие дни. – У Тасманова было хорошее настроение, поэтому он без лишних церемоний упал на кровать, взглянул в потолок и сказал первую попавшую пустую фразу: – Что привело вас ко мне, прекрасная незнакомка?

– Хотела поблагодарить вас... Но мы знакомы, – со смущенной улыбкой произнесла девушка.

– Разве? – возразил Тасманов, приподнявшись на локте и пристально ее разглядывая. – Для меня вы остаетесь незнакомкой, но... это можно исправить.

– Разве? – улыбнулась в свою очередь девушка.

– Да, мы можем это исправить прямо сейчас, – Тасманов поднялся и подошел к двери. – Вы поедете со мной, – сказал он девушке, обернувшись на пороге.

– Куда?..

– Будет интересно.

Труп Виктории нашли неделю спустя в развалинах маяка на океанском побережье. Хорошили девушку в закрытом гробу. Тасманов утешал убитого горем отца, как мог: у старого миллионера было не слишком много близких людей, но Тасманов заслужил в его глазах непререкаемый авторитет и за время своей работы стал практически членом семьи.

– Если бы вы только знали, – рыдал в своем кабинете после похорон Виктории магнат, постаревший за последние несколько суток на двадцать лет. Тасманов молча подал ему очередной стакан виски. – Мы не афишируем это, но она погибла ужасной смертью... ее избили, изнасиловали... да что там говорить, когда не нашли некоторых внутренних органов... – старик подавился. – Мне сказали, что вероятнее всего он их... съел...

– Не думайте об этом, – посоветовал Тасманов. – Мне тоже тяжело это слышать. Я успел полюбить Викторию за то время, что мы знакомы.

– Кто мог это сделать?! – в ярости крикнул старик. – Если бы я только знал, кто этот подонок, я его голыми руками разорвал бы на куски...

Тасманов успокаивающим жестом коснулся руки старика.

– Я понимаю, – заверил он.

Старик в отчаянии обхватил руками голову. Потом добавил несколько спокойнее:

– Знаете, Глеб, я... вы тоже стали мне близким человеком за последнее время... в общем, я хотел... возможно, у вас какие-то другие планы, я знаю, вы завалены работой... В общем, я хотел попросить вас... об одолжении. Спроектировать часовню на том месте, где погибла моя малышка. В память о ней.

Некоторое время Тасманов не находил слов – его душил смех, что все так получилось, – а потом твердо произнес:

– Это будет для меня честь.

– Я готов заплатить любые деньги, – поспешно добавил старик, но Тасманов прервал его:

– Не в моих правилах наживаться на чужом горе, – отрезал он. – Финансовые вопросы... обсудим позже, – с улыбкой добавил он.

Энциклопедия мирового искусства

Архитектура

Творчество Глеба Тасманова

Часовня «Моление об убиенных»

Часовня «Моление об убиенных» или, как ее еще называют, «Лестница в небо», принадлежит к числу бессмертных шедевров мировой архитектуры и является характерным примером позднего творчества Тасманова. Ажурная конструкция, словно вырастающая из скалы, на которой она возведена, при своих колоссальных размерах оставляет впечатление воздушности и одновременно прочности. Внешний каркас здания – спиралеобразную стену с асимметрично прорезанными в камне огромными, в человеческий рост, окнами принято считать индизобразительным изображением земного мира и плотской жизни, а внутреннюю конструкцию – собственно винтовую лестницу – символом бессмертной души, устремленной ввысь. Расположенная под землей небольшая молельня, которую сравнивают с сердцем человека, скорбящего об ушедших родных и близких, хранит атмосферу уединения и покоя, в то время как из окон наземной части часовни открывается панорама бездонного неба и простора, вызывающая ощущение парения в высоте. Это единственное в мире культовое сооружение, посвященное памяти жертв насилия. Часовня, выстроенная на месте гибели местной девушки от рук маньяка, стала объектом паломничества тысяч безутешных людей, чьи близкие погибли при сходных обстоятельствах или числятся пропавшими без вести.

3. Призвание

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Окончательно обнаглев, отец стал выбирать себе жертвы буквально в семьях собственных заказчиков. У сахарозаводчика Беллами погибла дочь, у Полозовых, заказавших Тасманову знаменитую голографическую роспись здания Новой Оперы, пропали сыновья, мальчики десяти и двенадцати лет. Их тела не нашли, и неудивительно: я видела запись истязаний, которым они подверглись в подвале дома отца, а потом он сбросил их в подземную шахту. Тасманов говорил, что они напомнили ему одноклассников, которых он когда-то первыми пригласил к алтарю в лесу. Были и другие случаи. Тем не менее никому и в голову не приходило связать имя отца со случавшимися во время его работы трагедиями, и даже не возникло так любимых обывателями пересудов о преследующем художника, его натурщиков и заказчиков злом роке. Поистине представления людей о реальности подчиняются каким-то собственным законам зарождения и развития, не связанным с фактическими событиями: порой в обществе укореняется предрассудок, вовсе лишенный оснований, а порой никто не замечает очевидного.

Секта, между тем, функционировала бесперебойно, как отдельное измерение. Однако и эта, уже казалось бы последняя степень произвола, почет, власть, безнаказанность, каких не знал никто из преступников мира, не отвечала предприимчивой натуре отца; напротив, именно в этот период начал исподволь созреть грандиозный замысел основного, поистине сверхчеловеческого труда его жизни, обернувшегося буквально общечеловеческого масштаба катастрофой.

Исчерпав и опробовав колоссальные знания, оставшиеся от древних оккультных опытов, Тасманов воспринял их всего лишь как базу для дальнейших поисков невозможного. Содержавшаяся в хтоническом культе идея существования некоей необъятной силы, персонифицированной в образе Тиамат, невыразимо привлекала его. Постепенно полумеры по преобразованию человеческой природы с помощью вживления каменных нитей перестали казаться отцу достаточным результатом. К тому времени его власть над материей вышла далеко за пределы обычных человеческих возможностей, а пигмейский ум в сочетании с зародышевым состоянием нравственного чувства позволял ему распоряжаться этой властью с непринужденностью, которая любого другого привела бы в ужас. И все же характерное для отца смутное предубеждение против человечества, ощущение, что человек – лишь сиюминутная, а не действительная вершина эволюции, постепенно превратились в уверенность, что двигаться дальше не только возможно, но и необходимо.

В какой-то момент отец пришел к решению, что подлинным шедевром и целью, ради которой есть смысл жить, может быть только полностью самодостаточное, самостоятельное существо, в котором воплотится сама душа камня – призвание новой, совершенной силы, которая вместо людей займет господствующее положение на планете.

Как раз к этому времени относится издание нашумевшей стереографической книги об отце «Глеб Тасманов. Каменный цветок» – сборника интервью Тасманова и видеоматериалов о его изобретениях и работах в разных областях искусства и науки, подготовленных журналистом Григорием Хлебниковым и перенесенных по его просьбе Тасмановым на автохтоны. Остроумному и настойчивому интервьюеру удалось выпытать у отца хоть сколько-нибудь обобщенное рассуждение о принципах работы с камнем, объяснение замысла нескольких наиболее прославленных архитектурных произведений, сравнительно развернутое мнение по некоторым вопросам мировой культуры в целом, а поскольку создание книги относилось к так называемому позднему периоду творчества отца, в тексте встречаются оговорки насчет занимавших

его тогда планов. Ниже приведены отрывки интервью с замечаниями отца, предвосхитившими дальнейшие события, о которых никому, кроме меня, не известно, так как вскоре после публикации книги Тасманов, как считается, пропал без вести.

Из книги Григория Хлебникова «Глеб Тасманов. Каменный цветок»:

- Глеб, скажите, а что вас заставило выбрать такое ремесло, работать с камнем?
- Сам камень, наверное, заставил... Вообще напрасно считается, что камень – это какой-то неодушевленный предмет. На самом деле это просто другая форма жизни. И одушевленности.
- Камень – форма жизни?
- А с чего вы взяли, что можете судить? Конечно, если человека считать мерой, то камень – это не жизнь. Но с таким же успехом можно померять и наоборот.
- Что камень живой, а мы – нет?
- Ну, это все игра слов. Думаю, мы не более и не менее живы или мертвы, чем камень.
- ...
- Вы работали во многих областях науки, искусства, техники, чем объясните такое многообразие интересов?
- Интерес единообразный. Это разделение жизнедеятельности на специальные области знания искусственно, его придумали бездарности и дилетанты, которые ничего не умеют. Действительность – безграничный монолит. Может быть разделение технических приемов по функциям, но результат воздействия скажется везде, даже если это не всем очевидно.
- И в чем цель воздействия?
- Одна из задач... эээ... цивилизации... ну, там культуры и прочего – преобразование человеческой природы.
- Преобразование какого рода?
- Вы что, всерьез считаете себя венцом творения? Усовершенствование.
- И в чем конкретно, как вы считаете, может состоять улучшение, так сказать, человечества?
- Я думаю, если бы человеку сообщить что-то от камня, стало бы лучше.
- Вы имеете в виду физическую прочность?..
- Да... и ее тоже.
- А кроме?
- В камне есть загадочность, невинность, мудрость... колоссальный энергетический потенциал. Я бы не стал разделять форму и содержание. Я думаю, душа камня лучше души человека. Тленная оболочка скрывает неустойчивую сущность; бессмертное тело – для совершенного создания.
- В своих работах вы пытаетесь создать образ этого совершенного существа?
- Да.
- ...
- Глеб, вы родились на Урале и по-прежнему проводите значительную часть времени в Уральских горах. В ваших краях существует много легенд о мастерах-каменотесах. Например, Данила-мастер и Каменный цветок. Вы никогда не отождествляли свою работу с подобными фантастическими сюжетами?
- Видите ли, по-моему, вот эта история о Каменном цветке – просто детская сказка.
- А как насчет Хозяйки Медной Горы?
- Я ее не встречал.
- А если бы встретили, что сделали бы? Попросили бы что-нибудь?
- (смеется) Ну, что... Попросил бы руку и сердце, надо полагать. Что тут еще сделаешь.

- А руку и сердце какой-нибудь более земной девушки не планируете попросить?
- Нет. Пусть будет или хозяйка, или никто.
- Ну, вы перфекционист.
- Да. Должна быть самая совершенная.

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Книга «Каменный цветок» стала последней данью популярности со стороны отца; в дальнейшем он грамотно организовал умолчание своей деятельности в СМИ. Некоторое время это воспринималось как мимолетное, случайное затишье, а когда выяснилось, что об отце исчезла какая бы то ни было информация, он уже разорвал все связи с обществом и полностью изолировал себя от внимания окружающих.

Ходили слухи, что он уехал за границу, и даже что ушел в монастырь. Позже выяснилось, что пропали без вести многие из его почитателей, люди, занимавшие в обществе высокое положение, из-за чего их исчезновение не прошло незамеченным, хотя осталось без объяснения. Вскрылись подозрительные факты о связанных с автохтонами манипуляциях сознанием, произведения Тасманова перестали поступать на рынок, а действие уже существующих каменных зеркал изменилось и словно бы угасло. Постепенно все привыкли к мысли о том, что творческая деятельность Тасманова по неизвестным причинам прервалась, и стали рассматривать его наследие как завершенное целое.

Между тем отец работу не прекращал, а просто купил довольно обширный участок земли в Уральских горах и отстроил себе там поместье – своего рода гигантскую мастерскую, призванную служить в осуществлении его замыслов по призванию сверхсущества.

Высокогорное плато Заповедная Высота относится к малоизученным участкам Уральских гор, поскольку считается бесплодной геопатогенной зоной, малоинтересной с точки зрения разработки месторождений, но зато опасной для пребывания. Заповедная Высота располагается за цепью восходящих горных хребтов и представляет собой относительно ровную обширную площадку, под которой находится множество гротов, отвесно уходящих в гору на неизвестную глубину. Несколько геолого-разведочных экспедиций, по тем или иным причинам отправившихся в этот регион, пропали без вести, и больше исследованием плато ученые не интересовались, поскольку кроме очередного несчастного случая от Заповедной Высоты ничего не ждали.

Отец выбрал этот участок именно по той причине, по которой другие предпочитали обходить его стороной: магнитные аномалии от проходящего в этом месте разлома земной коры, угнетающие типичную человеческую психику, вызывая частичную потерю памяти, галлюцинации и навязчивые состояния, показались отцу идеальной творческой обстановкой. Его собственная психика в геопатогенной зоне не разрушалась, а наоборот настраивалась на подходящую для работы волну, да и в целом разреженная и нестабильная атмосфера на Заповедной Высоте удачно сочеталась с его характером. Жертвы, в свою очередь, в новой мастерской становились восприимчивее и лучше поддавались обработке.

Комплекс построек взбирался вдоль склонов нескольких гор к главному зданию на одной из окружавших плато вершин. Замысловатая архитектурная конфигурация представляла из себя громадный резонатор естественного геомагнитного излучения ландшафта. На Заповедной Высоте отец применил весь арсенал собственных технических изобретений, многие из которых никогда не были доступны широкой публике. Исполинские низкочастотные излучатели, работавшие на принципах поглощения солнечной энергии кристаллической породой, использовались Тасмановым в самых разных целях. Во-первых, таким образом отец надежно оградил себя от бесконтрольного перемещения других людей по принадлежавшей ему территории; эффект сводился к тому, что даже если в окрестностях бродили туристы или проезжал

грузовой транспорт, дороги на Заповедную Высоту никто не замечал, и все безотчетно обходили поместье стороной; жертвы же, если бы попытались бежать, не нашли бы выхода. Во-вторых, излучатели служили автономной электростанцией. В-третьих, заряженные и развернутые по определенной схеме, они создавали нечто вроде силовой воронки, собиравшей и фокусирующей все геомагнитные импульсы местности на помещении мастерской в главном здании комплекса – эффект, которым Тасманов воспользовался в своих последних, наиболее устрашающих и успешных экспериментах.

Благодаря инженерному таланту отца и рабскому труду постоянно обновлявшегося контингента зомбированной прислуги Заповедная Высота находилась на полном хозяйственном самообеспечении, в том числе в плане добычи сырья из каменоломен и окрестных населенных пунктов. Тасманов контролировал зомби в таком совершенстве, что они самостоятельно разъезжали на фургонах по округе, отбирая и похищая жертв с заданными отцом параметрами.

Замысел состоял в следующем: если отдельные жертвоприношения повышали восприимчивость минерала к хтоническим энергиям, то, вероятно, существовала процедура, которая превратила бы камень в их источник; а поскольку воображение отца работало только в одном направлении, он пришел к выводу, что требуется систематическое жертвоприношение. Он принял решение создать на Заповедной Высоте своего рода столицу хтонического культа и призывать в нее адептов для непрерывного осуществления массовых ритуальных действий до тех пор, пока критический уровень изменения человеческого сознания не вызовет перерождения самой сущности камня и не откроет подземным силам непосредственный доступ в физический мир.

Отец продолжал вести стереографическую запись своих опытов, но в результате постоянного контроля за действиями адептов периодически происходило отождествление с их осознанием, и многие переживания, запечатленные в рабочем дневнике Тасманова за период последнего эксперимента, в действительности принадлежали другим участникам жертвоприношений.

Расшифровка стереографической записи:

...

Приступил к обучению первой группы адептов. Они будут посменно выполнять обязанности верховного жреца. Правда, есть вероятность, что они вообще не вернутся больше к обычной жизни, учитывая, что неизвестно, насколько затянется эксперимент и чем он закончится, но я что-нибудь придумаю. В крайнем случае, чтобы не поднимать лишнего шума, уничтожу заодно и их семьи.

...

Разработал систему многоуровневого жертвоприношения, соответствующего разным циклам времени в разных областях пространства. У нас довольно весело.

...

А вообще надо усилить фоновое излучение вовне, иначе недовольство местного населения рискует показаться подозрительной. Чем вмешиваться в творческий процесс, пусть лучше общество переключится на недиагностируемые болезни.

Смысл жизни на земле – постоянное самовоспроизводство. Это значит бесконечная переработка еды. Но, на самом деле, люди и есть еда. Сотворение мира и приготовление пищи – это одно и то же.

...

Все, что находится в человеческом сознании – ложь... ради власти... На самом деле существует только пожирание духа. Через деньги, новости, колесо суеты вокруг семьи, моды, смертельных угроз, неизбежных и потому мнимых... Все противоречия в действительности

сти тщательно спланированы, социальные конфликты, стихийные бедствия, даже столкновение космических тел – все представляет собой единый процесс, к которому сводится жизнь на земле: ритуальное жертвоприношение. Человечество – только одна из оболочек планеты, кожа на поверхности бесконечного тела, и духовная жизнь людей – не более чем обмен веществ в глобальной системе превращения материи.

...

Трудно следить за сознанием каждого, кто участвует. Возможно, какая-то часть личности всегда остается недоступной... Боюсь потерять память.

...

Смысл жизни – систематическое жертвоприношение...

...

...потому что жизнь и смерть едины, и все, что умирает, в то же самое время и возрождается. Истоки мира уходят в пустоту. Изнутри земля полая. Она представляет собой черное солнце, затягивающее свет, который проходит сквозь ее поверхность и исчезает в провале в ее центре. Вся жизнь – только пена на краю бездонной воронки.

...

В этот момент у меня возникло странное состояние, словно я проваливаюсь сам в себя. И, то ли показалось, то ли действительно отключился. А больше я ничего не помню.

...

На дне все перевернулось, и осталась абсолютная чернота. Мне казалось, что больше ничего не может быть, что я здесь вечно. А потом я заметил в этой непроницаемой бесконечности какое-то движение. Я понял, что свет появляется и гаснет здесь так быстро, что невозможно уследить, но нечто неуловимое все же чувствовалось... Потом я догадался, что частичное восприятие возможно из-за присутствия некоей необъятной силы, поглощавшей все. Я стал вглядываться вглубь, и в какой-то момент словно почувствовал ее всем телом. Оказывается, я находился прямо перед исполинской тушей, о которой невозможно ничего определенного выразить. А потом высоко вверху как будто шевельнулась зубчатая корона...

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

О явлении Матки судить трудно. Стереозапись на время прервалась. Думаю, первопричина произошедшего навсегда останется загадкой; вероятно, ее не запомнил или не осознал даже отец. Можно утверждать только, что, как и предполагал Тасманов, минерал, из которого состояли жертвенные алтари, в определенный момент принял фокус ритуального воздействия на себя, забрал жизненную силу адептов и начал развиваться по принципу организма, объединив в себе свойства живой и неживой природы; причем, насколько я могу судить, отец это далеко не сразу заметил. Ниже приводятся стереографические записи, возобновленные после некоторого перерыва.

Расшифровка стереографической записи:

...

Сегодня, придя в себя, почувствовал, что больше не могу продолжать. Такое ощущение, словно прошли годы. Хотя по моему отражению в зеркале не скажешь. Так что с равным успехом можно предположить, что все еще длятся те же сутки.

...

Да нет, я преувеличиваю. Судя по погоде, всего лишь немного более поздняя осень. Думаю, того же года. Вероятнее всего, последний эксперимент длился около месяца. Хотя чем

в данном случае следует измерять время? Офисным календарем? Только солнце и сердце человека могут определить, сколько прошло и сколько еще осталось.

...

Поинтересовался состоянием святилищ. Ужас. Такое впечатление, что я проспал конец света.

...

Выяснилось, что все алтари распались на части. Адепты, похоже, тоже развалились, повсюду лежат куски мяса. Хорошо, что сохранились те, кто непосредственно не участвовал в церемониях. Хотя бы есть, кому поручить уборку. Остались зомби и резервные пленники, но вообще потери колоссальные, придется прекратить эксперимент.

...

Нашлось несколько целиковых свидетелей из числа участников, но они, по-моему, повредились умом. Во всяком случае, они в коме, а стереозеркала, настроенные на них, показывают черный квадрат, хотя вроде есть там внутри какое-то движение. Любопытный эффект, в первый раз такое вижу. Странно, почему сам-то я ничего особенного не заметил.

...

В новостях передают, что здесь произошло землетрясение.

...

Находка совершенно неожиданная. Оказывается, у меня в мастерской обосновалось гигантское каменное яйцо. Как давно оно там, неизвестно, видимо, со времен последнего эксперимента. Хотя, чему я удивляюсь, я ведь сам расположил силовые установки так, чтобы любое инородное тело из хтонического потока перенаправлялось в мастерскую... Странно, что я сразу об этом не подумал. Вот что значит невнимательность. О каком результате при таком раскладе может идти речь.

...

/Переключение на визуализацию. Изображение большого, выше человеческого роста, гладкого округлого яйца с цветными разводами темных оттенков/

По-моему, это какой-то несуществующий минерал.

...

Из любопытства я все-таки решил взять пробу. Так и знал, что не следовало этого делать. По игле ударило с невозможной силой, хорошо, что руку не оторвало. Резать по этому камню определенно не придется.

Вообще-то он похож на органическую материю. И чувствуется внутри какое-то движение.

...

Переехал жить в мастерскую, чтобы без меня тут не случился какой-нибудь эксцесс.

...

С яйцом творится что-то странное.

/Изображение причудливого объекта вроде огромного мотка каменных нитей, по периферии кольцами застывших в воздухе, как проволока, а в глубине намотанных плотно, как бинты/

Надо же, как его развезло.

...

Оно линяет. То есть, я имею в виду, цвет как-то побледнел.

...

Кокон стал белым, как молоко. И нитей как будто прибавилось. Более крупный моток получился. В остальном никаких изменений.

...

Теперь я понял, что мне все это напоминает. Если предыдущая стадия была яйцо, то теперь это, надо полагать, личинка или куколка. Вообще я не силен в энтомологии. Но думаю это кокон, в котором должна сформироваться окончательная особь, вроде имаго у насекомых.

Поверхность стала гладкой. Но на ней появились отверстия, из которых течет какое-то вещество двух типов. Похоже на густую тягучую версию меда и молока. И на вид, и по запаху, только запах очень острый и какой-то дурманивший. В мастерской из-за него невозможно работать, впадаешь в прострацию. По-моему, это наркотик. До смерти хочется попробовать, но неизвестно, насколько я тогда отключусь, как бы не навсегда.

/Изображение большого, выше человеческого роста, гладкого кокона, покрытого белыми и золотистыми потеками, с несколькими отверстиями диаметром в руку/

...

Я таки попробовал штуку, похожую на мед, и, действительно, отключился не знаю на сколько. Но было круто.

...

Снова стал ночевать в мастерской. Как-то привык к этому кокону, не хочется его оставлять. Да и запах теперь не кажется таким уж навязчивым. Ко всему привыкаешь.

...

«Молоко» оказывает совсем другое действие, вроде энергетического напитка. Питательная штука. Полезная, конечно, хотя мед забавнее.

...

Из кокона перестало что-либо литься. Теперь вообще никакого движения.

...

Прошло несколько суток. Ничего.

...

Ничего. Вообще никаких изменений.

...

Оболочка стала застывать. Не чувствуется ни движения, ни дыхания. Отверстия остались, но чтоб я провалился, если туда сунусь, а в остальном – совершенно непроницаемый каркас, и он с каждым днем все больше снова напоминает каменный. Если там внутри что-то и есть, то я об этом не знаю.

...

/Несколько следующих друг за другом изображений кокона, который обретает все более грубую фактуру и тусклый цвет, в итоге превращаясь в черный с едва заметным темно-зеленым отливом/

...

То, что я вижу в данный момент, больше всего на свете напоминает габбро. Хоть сейчас иди облицовывай мостовую.

...

Из книги Чероны-Бели «Открытие памяти»:

Следующая запись отца относится к периоду спустя около года. Метаморфозы кокона в конце концов привели Тасманова в такое неуравновешенное состояние, что он перестал вести дневник, а после появления Матки он вообще на немислимо долгий для себя срок забросил работу и вернулся к исследованиям уже в совершенно изменившихся обстоятельствах. Представленные записи – единственный источник информации о рождении Матки; обстоятельства ее появления в человеческом мире и подробности ее отношений с отцом были известны только им двоим, и о событиях, произошедших до следующего возобновления записей отца, ничего не могу сообщить даже я.

Глеб.

Первое мгновение после пробуждения, как это с ним часто бывало в последние несколько недель, у Тасманова возник провал в памяти. Показалось, что ему восемнадцать лет и он снова в мастерской в одном из сумрачных столичных переулков, он только удивился, что вместо окон прозрачный потолок.

Потом из темноты послышался скрежет, словно водили камнем о камень, и Тасманов вспомнил, что именно этот звук разбудил его, а следом в память вернулись и предшествующие события. Шорох доносился из кокона, который последние несколько недель не подавал никаких признаков жизни.

Тасманов окончательно проснулся и с трудом поднялся с кушетки. Судя по ночному небу, видневшемуся сквозь прозрачный купол над мастерской, время было позднее, но Тасманов уже давно пребывал в своего рода забытии, непрерывно дежуря возле кокона и погружаясь в тревожную полудрему, только если совсем не оставалось сил. Не то чтобы он заставлял себя совершать трудовые подвиги, просто не мог успокоиться; к тому же им владел предрассудок, что чем сильнее он будет переживать, тем вероятнее окажется благоприятный результат.

Тасманов устало поднялся и сделал несколько шагов к кокону, когда изнутри последовал удар, совсем не похожий на прежний робкий шорох; от нового удара по каменной поверхности побежали трещины, и в следующее мгновение верхняя часть кокона разлетелась на куски. Над проломом стремительно развернулись огромные многослойные полупрозрачные крылья, появилось несколько длинных тонких конечностей, поднялась причудливая зубчатая корона, и с пронзительным шумом и стрекотом неизвестное существо, мелькнув ажурным черным силуэтом на фоне ночного неба, заложило под куполом такой ирреальный вираж, что Тасманов на мгновение потерял его из вида; потом тварь со стуком приземлилась на стену, стремительно обежала по ней часть комнаты и скрылась за столами с оборудованием. Все стихло; Тасманов нерешительно огляделся. Неожиданно существо появилось со стороны, противоположной той, где скрылось; теперь оно уверенно бежало прямо к Тасманову, и он успел разглядеть неясные очертания паукообразной фигуры: несколько ног с зазубренными костяными когтями, сложенные вдоль туловища веерообразные темные крылья, как у мотылька, огромные распахнутые клешни, как у богомола, и отливавшие в темноте золотом волосы, волнами ниспадавшие вдоль неестественно неподвижного человеческого лица.

Не добежав до Тасманова несколько шагов, существо неуловимым движением поднялось с пола; оно перемещалось такими плавными и в то же время молниеносными движениями, что за ним невозможно было уследить. Выпрямившись, оно поджало две средние пары ног вокруг корпуса, а потом аккуратно вытянуло их вдоль тела; задние конечности, вывернувшись в суставах, превратились в обычные, если не считать когтистых ступней, ноги, а передние конечности, развернувшись локтями назад, стали похожи на человеческие руки. Последние шаги слегка раскачивающейся, словно танцующей походкой сделала состоявшая из черного с темно-зеленым отливом камня изящная, стройная, полногрудая женщина. Темно-золотые волосы с тихим перезвоном рассыпались по ее плечам. Тасманов взглянул в ее лицо. У нее были чеканные и в то же время чрезвычайно характерные, даже вульгарные черты, недвусмысленно выражавшие безоглядную самоуверенность, беспощадную жестокость и развратную чувственность: широкие скулы, полные губы, выпуклый лоб, упрямый подбородок, вздернутый нос и каменные, абсолютно гладкие, как у статуи, глаза. Впрочем, когда она со стрекотом пошевелила челюстями, Тасманов понял, что ее состоявшее из плотно пригнанных каменных фрагментов лицо только казалось человеческим: на самом же деле вокруг ее пухлых губ располагались по меньшей мере восемь жвал разного размера, острых, как бритва. Ее голову полукругом обхватывала причудливой формы темная каменная корона.

Хотя глаза твари ровным счетом ничего не выражали, Тасманов понял, что она смотрит на него, как вдруг она небрежным жестом уперла кулак в бок, отставила точеную округлую ногу и сказала хриплым голосом с отчетливым призывом, похожим на мягкий перестук камней:

– Чего уставился? – она нетерпеливо развела второй сверху парой конечностей и посмотрела по сторонам. – Может, приведешь кого-нибудь пожрать? – предложила она с оттенком раздражения.

От потрясения Тасманов даже не попытался задуматься над смыслом ее слов; однако гостью недопонимание явно не устраивало – не дождавшись реакции, она хладнокровно размахнулась и крепко ударила Тасманова по лицу.

Пощечина в самом деле привела его в чувство; во всяком случае, у него начало формироваться конкретное отношение к происходящему. Его в жизни никогда никто не бил; на всех он производил такое гипнотическое впечатление, что ему подчинялись беспрекословно. Бывало лишь, что перед лицом смертельной угрозы жертвы пытались бороться, и сопротивление всегда возбуждало его, но с беспомощными пленниками ему не составляло труда немедленно удовлетворить и ярость, и страсть. Теперь же в неизвестном каменном создании он ощутил не только нечеловеческую физическую силу, но и непримиримую властность, равную его собственной, а быть может, и превосходящую.

От хлесткого удара каменной руки у него зазвенело в ушах; пошатнувшись, он схватился за край стола, и одновременно со вкусом крови на губах почувствовал острое вожделение; но осознание, что какие-либо притязания на подчинение каменной твари своей воле абсолютно бессмысленны – новое, неизвестное ощущение – что-то незаметно, но необратимо изменило в его жизни.

Он обернулся и снова взглянул ей в лицо.

– Ты оглох? – недовольно спросила тварь. – Или отупел?

Тасманов молча развернулся и неуверенно направился к двери.

– Побystрее ногами переступай! – крикнула ему вдогонку гостья.

На пороге к нему вернулась способность рассуждать.

– Слушай, я не понял, тебе, собственно, чего? – поинтересовался он, обернувшись в дверях.

– Жертву... кретин! – устало пояснила тварь. – Или ты предпочитаешь, чтобы я съела тебя?

– Нет, – быстро сориентировался Тасманов. – Я понял.

Выйдя из мастерской, он некоторое время в растерянности стоял на лестничной площадке. Все произошедшее казалось игрой воображения. Потом он сообразил, что вряд ли твари понравится долго ждать, и стал машинально спускаться по ступенькам, пытаясь на ходу разобраться в сумбуре своих мыслей и чувств.

Пленники при виде него застонали, кто-то выкрикивал ругательства – привычный шум; Тасманов вспомнил, что не взял с собой ни подручных из числа зомби, ни каталку, поэтому выбрал среди пленников хрупкую, болезненную девушку, которую можно было легко вынести из подвала на руках, и, ударив ее в лицо кастетом, рассеянно отстегнул цепь.

Когда он втолкнул каталку с бесчувственной девушкой в мастерскую, там уже никого не было; он огляделся по сторонам, раздумывая, привиделась ему тварь, спряталась или убежала, как вдруг громоздкая черная фигура бесшумно обрушилась с потолка, и в следующее мгновение в воздухе мелькнуло подхваченное с каталки тело жертвы.

Тасманов с трудом перевел дыхание.

– Я зайкой сделаюсь, если ты будешь падать на меня с потолка! – рявкнул он.

Сверху послышалось чавканье, а затем мастерскую словно из шланга окатили кровью.

– Поаккуратнее нельзя? – процедил Тасманов; к нему быстро возвращалась его обычная требовательность.

Сверху свалилось несколько кусков мяса и снова послышалось чавканье.

– Еще пригони, – жуя, невнятно попросила тварь.

Тасманов взглянул на нее; она висела на потолке на одной ноге вниз головой и всеми свободными конечностями держала куски жертвы, по очереди ловко заталкивая их в обрамленную хищно шевелящимися жвалами пасть.

– И выражайся повежливее, – посоветовал Тасманов, – от тебя не убудет.

Непрерывный поток замечаний наконец привлек внимание твари; она оторвалась от еды и с усмешкой взглянула на него с потолка, а потом, стрекоча крыльями, прочертила в воздухе плавную дугу, опустилась на землю и неторопливо приблизилась к Тасманову. Глядя на улыбку на окровавленных каменных губах, он, конечно, понимал, что тварь вполне может закусить им предыдущую жертву, просто не привык уступать.

– Пожалуйста, – раздельно произнесла, усмехаясь, тварь и, не отводя от Тасманова взгляда, принялась обгладывать мясо на оторванной девичьей ноге, как куриную косточку.

Тасманов, помедлив, направился к выходу.

– Еще немного, и тебя можно будет представить английской королеве, – похвалил он.

– Да ты сам с ней не знаком! – фыркнула тварь.

– Тоже верно... Тебе сколько? – крикнул он с лестницы.

– Штуки три...

На этот раз Тасманов позвал зомби и велел им нагрузить каталки мужчинами помассивнее; мотаться туда-сюда за добавкой ему не улыбалось.

Тварь снова висела на потолке.

– Интересные создания, – заметила она, проследив за зомби одобрительным взглядом.

Тасманов не ответил.

– Если вот этому, – указала тварь сверху вниз, – вживить добавочную нить над левым ухом по веерному принципу, он прослужит еще с полгода.

– Да ему от силы неделя осталась, – возразил Тасманов.

– Попробуй, – отозвалась тварь.

Она принялась за еду несколько более разборчиво, чем в первый раз, но все равно чрезвычайно решительно; Тасманов не слишком приглядывался к тому, что она там делала, просто, задумавшись, сидел за столом, пока в воздухе не замелькали непонятные серебристые нити. Тасманов поднял голову и увидел, что тварь, размахивая конечностями, плетет нечто вроде паутины, распыляя клейкое вещество из отверстий на брюшке. Неуловимыми движениями крутанув нить несколько раз вокруг себя, она зависла невядалеке от пола и развалилась в получившейся полупрозрачной сетке, как в гамаке. Осмотревшись кругом, она довольно поболтала конечностями.

– А вообще у тебя тут неплохо, – заключила она. После еды ее настроение заметно улучшилось.

– Спасибо, – холодно отозвался Тасманов.

Покачавшись в гамаке, тварь указала одной из клешней на пол.

– Если заменить покрытие на обсидиановое, поглощение сигнала будет лучше, – сообщила она.

– Учту, – процедил Тасманов.

Тварь сложила две средние пары конечностей на брюшке и задумчиво покачалась туда-сюда. Ее темно-золотые каменные волосы тонко зазвенели по плечам. Она взглянула на Тасманова, как ему показалось, с укором.

– Ну, ты так и будешь сидеть в стороне? – надула она губы и подперла сиявшую золотистым светом голову верхней рукой. – Тебе что, совсем не интересно... как бы это сказать... рассмотреть меня поближе? Ну, нет никакого исследовательского любопытства? – поддразнила

она его, перевернувшись на живот и свесившись с края гамака. – Изучить, так сказать, результат селекции со всех сторон...

– Тебя, пожалуй, изучишь, – улыбнулся Тасманов.

– Ну, попытка не пытка... – тварь засмеялась – словно холодный каменный перезвон скрежетал одновременно с мелодичным женским голосом – и протянула к нему точеную руку с длинными, заостренными и зазубренными на концах пальцами.

Тасманов подошел, чувствуя, как его обволакивает знакомый запах – крепкий, терпкий, неестественно острый медовый аромат, от которого кружилась голова. Он обошел гамак. Тварь снова перевернулась, следя за ним насмешливым взглядом. Подойдя поближе, он заметил под ее ключицами небольшие отверстия, из которых сочилось медообразное вещество. Он погладил пальцами ее округлую грудь и коснулся края отверстия.

– А это для чего?

– Для кормежки расплода... но тебе тоже хватит, – засмеялась она и кокетливо склонила голову к плечу. – Хочешь?

Обхватив ладонями ее тихо вздымавшиеся гладкие бока, Тасманов уселся верхом на ее бедра.

– Что-то у меня не особо оптимистичные ассоциации насчет того, как некоторые... эээ... паукообразные самки поступают с самцами, – высказался он.

Тварь снова рассмеялась своим соблазнительным и холодным смехом, откинув голову.

– Да брось ты, я вроде уже наелась, – беспечно проговорила она.

Тасманов с улыбкой снова провел руками вдоль ее тела; она была гибкой, теплой и шелковистой наощупь. Склонившись, он слизнул с нее несколько медовых капель и провел языком по краю отверстия.

– Ой, щекотно! – хихикнула тварь и поежилась. Он не удержался и поцеловал ее в губы. Они оказались упругими, бархатистыми и нежными, как лепестки цветов. Она ответила на поцелуй, обвив его каменными руками; от поглаживания ее когтистых пальцев по его позвоночнику пробежала дрожь наслаждения.

– Подожди... послушай, – с трудом проговорил он, отстранив ее, и взглянул ей в лицо. – А кто ты? Я имею в виду... как мне тебя называть?

Некоторое время тварь молчаливо изучала его, а потом произнесла:

– Я – главная самка. Матка. Не имеет значения, как ты будешь меня называть.

Она приподнялась, чтобы снова притянуть его к себе, но он остановил ее.

– Я не могу называть тебя «Матка», – возразил он. – Это все равно что из учебника анатомии.

Матка усмехнулась.

– В таком случае ты можешь выбрать любое имя по своему вкусу.

Тасманов провел ладонью по ее скуластой щеке и коснулся легких, звонких, отливавших в темноте золотым светом волос.

– Тогда Златка.

Матка удивленно засмеялась.

– Вот необычное имя! – воскликнула она. – А почему именно так?

– Ну... это такое теплое, светлое имя. Потому, что ты как второе солнце. Самая совершенная.

Матка довольно усмехнулась, а потом внимательно взглянула на Тасманова.

– Ты необычный человек, Причудник, – задумчиво проговорила она.

Когда Тасманов проснулся, над куполом мастерской светило полуденное солнце; он выпутался из паутины и стряхнул с себя куски слюды – осколки со стуком посыпались на пол.

Матки нигде не было. Не требовалось долгих раздумий, чтобы догадаться, что она, вероятно, отправилась на поиски еды, так что Тасманов сразу спустился на подземные этажи и не ошибся.

Все помещения, в которых содержались пленники, изменились до неузнаваемости. Потолки покрывали поблескивающие слюдяные разводы, и повсюду, то группами, то по одному, располагались полупрозрачные коконы с застывшими в них человеческими фигурами.

Пленники, подвешенные вниз головой к потолку, вели себя как-то странно: нечленораздельно мычали, словно у них отнялся язык, и не шевелились, как парализованные, однако время от времени по их телам пробегала судорога, как будто их что-то раздирало изнутри. Насколько Тасманов успел заметить, пока шел через подземелья, многие жертвы оставались в сознании; они провожали его осмысленными взглядами, полными страдания и непонятной мольбы, а их застывшие руки со скрюченными пальцами тянулись с потолков, словно молчаливо звали на помощь. Тасманов заметил, что у каждого на животе, в области солнечного сплетения или чуть ниже пупка, расплывалось темное пятно: сквозь слюду трудно было определить, но он догадался, что это рана, какое-то отверстие. Нередко попадались и трупы; лица их были так же страдальчески искажены, пальцы судорожно сжаты, но раны на теле располагались по-другому: несколько небольших отверстий в области жизненно важных органов – сердце, легкие, печень.

В принципе, Тасманов видел увечья и похуже, но сейчас вид обработанных по какой-то неизвестной ему, но, как он догадывался, эффективной системе жертв произвел на него гнетущее впечатление. Тасманов понимал, насколько реальна для него теперь перспектива на себе испытать участь жертвы, но его тревожило другое. Он привык видеть в насилии деструкцию, что-то неестественное, всего лишь средство преодолеть границы привычного и прикоснуться к иному миру. Здесь же, в за одну ночь преображенном застенке, как в самом настоящем осинном гнезде, на всем лежала печать деловитости, хозяйственности, расчета и какой-то совершенно чуждой человеку, непостижимой жизни.

Задумавшись, Тасманов заметил Матку, только когда услышал над головой характерный шелест трущихся друг о друга каменных пластин. Сидя на стене, тварь скребла задними конечностями по крыльям, счищая с них слюду. Потом она потеряла клешни друг о друга, потеряла брюшко и неторопливо поползла на потолок.

При виде ее ленивых и точных движений Тасманову вспомнилась прошедшая ночь, и он вновь ощутил непреодолимое вожделение. У нее было самое соблазнительное тело и самый неистовый нрав на свете, ни одна человеческая женщина не могла даже сравниться с ней. Однако прежде всего следовало узнать, в каком она настроении.

– Эй, спустишь с небес на землю, – окликнул он ее.

Матка бесстрастно взглянула на него и свесилась с потолка на одной ноге, по-видимому посчитав, что так она вполне достаточно приблизилась к полу.

– Что это ты с ними сделала? – Тасманов кивнул в сторону коконов.

– Оплодотворила, – скучающим тоном пояснила она.

– Что, всех?! – Тасманов поперхнулся. – И... когда ждать... прибавления?..

– Сутки – трое, – равнодушно обронила Матка, покачиваясь под потолком.

– Ты что, детей любишь?..

На этот раз Матка взглянула на него с нескрываемым изумлением и даже, описав в воздухе полукруг, встала перед Тасмановым, уперев кулак в бок, чтобы было понятнее.

– Я – Матка, придурок, – холодно проговорила она. – Главная самка. Мне нужен рой. Или, может быть, ты всерьез считаешь, что ты, один, способен как следует обо мне позаботиться?..

Возразить было нечего, и Тасманов промолчал. Матка, считая тему исчерпанной, небрежно прошла по комнате.

– Кстати, надо бы перекусить, – с энтузиазмом заявила она.

Тасманов вздохнул и сел на корточки, прислонившись спиной к стене – скамеек в подвалах не было. Матка пошарила взглядом по нескольким нетронутым пленникам в дальней части комнаты и неровной раскачивающейся походкой направилась к ближайшему из них.

– О, нет, – простонал, заметив ее движение, черноволосый парень лет двадцати пяти и, поднявшись, попятился к стене. Он вскинул руку, словно пытаясь защититься, и метнул на Тасманова отчаянный взгляд. – Умоляю вас, уберите это от меня! – крикнул он. Тасманов мрачно наблюдал за ним. – Только не позволяйте ей...

Голос парня прервался. Матка ловко вцепилась в его тело несколькими конечностями, обвила ногой его талию, парень еще несколько раз прерывисто вздохнул, потом по его телу пробежала судорога, и он начал оседать на пол. Матка разжала хватку, застрекотала крыльями и, подхватив обмякшее тело, потащила его под потолок. На животе пленника зияла глубокая рана – видимо, где-то в теле Матки скрывалось жало, которого Тасманов вчера не заметил. Парень нечленораздельно хрипел, остальные пленники шумели, кто-то заплакал.

– Еда у тебя тут хорошая, вся отравленная, – сказала Матка не совсем понятную фразу, обращаясь к Тасманову и одновременно подвешивая парня на клейкой нити. – Материал доведен до нужной степени восприимчивости. Думаю, во всех цивилизованных обществах согласились бы со мной, что главное – не количество мяса, а качество жизни в целом! – вдохновенно заключила она.

Тасманов устало опустил голову на руки, как вдруг какой-то особенно страдальческий стон жертвы заставил его вздрогнуть и снова взглянуть наверх. Матка, широко разведя жвала, вонзила их парню в ребра, затем с чмоканьем отцепилась и впилась еще раз возле поясницы. По кольцам слюдяной нити на теле парня соскользнули несколько капель прозрачной темно-зеленой жидкости и, шипя, задымились на полу. Комнату наполнил незнакомый едкий запах.

– Это еще что за хрень? – вырвалось у Тасманова.

– Чего-чего, – довольно проворчала Матка и поудобнее устроилась на теле парня, снова обхватив его несколькими конечностями, – кислота! Смотри, как хорошо действует, – мотнув головой, она брызнула кислотой в сторону сбившихся возле стены пленников, зашипела обожженная плоть, и кто-то закричал раздражающим голосом, остальные заметались. Тасманов невольно вскочил на ноги. – Если ввести внутрь, получается отличный супчик, – удовлетворенно добавила Матка и выпустила из-под жвал четыре длинные присоски. Опустив голову к груди парня, она молчаливо впилась в оставленные жвалами отверстия, и сквозь темные полупрозрачные стенки присосок стало видно, как в пасть к ней потянулась кровавая масса.

Тасманов содрогнулся. Ему пришло на ум, что недавно те же самые губы касались его лица, и от этой мысли его по-настоящему замутило. Схватившись за стену, он развернулся и вышел из комнаты. Ему нестерпимо захотелось выйти из подвала, вообще выйти из здания. Он заставил себя, неверным шагом огибая гроздья коконов, пройти обратно через все гнездо, но когда поднялся наверх и распахнул дверь на улицу, в глазах у него потемнело. Не чувствуя земли под ногами, он машинально сошел по ступенькам, упал на колени, и его начало рвать.

II. Матка

4. Невидимый город

Официальный портал Божиярского края

Божиярский городской сайт

Здравствуйте! Добро пожаловать на сайт нашего замечательного города Божиярск! Наш город по праву считается жемчужиной Среднего Урала. Современная индустриальная цивилизация соединяется здесь с поэзией прекрасной уральской природы. Наш портал расскажет вам о Божиярске и его жителях.

Официальный портал Божиярского края

Божиярский городской сайт

О городе

Божиярск: историческая справка

Божиярск – уральский промышленный город, административный центр Божиярского муниципального района. Расположен на восточных склонах Уральских гор в месте слияния рек Пышма и Каменка. Население Божиярска – 32,8 тыс. чел., занимаемая площадь в пределах городской черты – 3181 кв. км.

Божиярск – город горнодобытчиков, металлургов, лесопромышленников, машиностроителей, край удивительной уральской природы. Он словно затерялся в горах, окруженный лесами с вековыми дубами, кленами, липами, окаймленный с обеих сторон шумными горными речками. Высоко над городом поднимается зубчатый силуэт Святогорского хребта, а с противоположной стороны расположен другой необычный памятник природы – причудливой формы гора Лапа.

Своим рождением город обязан возникшим в начале XIX века горнодобывающим и чугуноплавильным предприятиям. Его основателем стал выдающийся деятель края, в течение многих десятилетий управлявший Божиярским горным округом, талантливый инженер Иван Антонович Ефремов, которому благодарные божиярцы установили памятник на одной из центральных площадей.

Свое название округ, поселение и завод получили по небольшому горному озеру Божияр, находившемуся в ущелье к востоку от современного города. О Божияре того времени сегодня напоминают лишь развалины водонапорной башни и старинные гравюры в местном музее.

В начале XX века рабочий поселок Божиярск получает статус города и вскоре становится административным и промышленным центром края. История города неразрывно связана с освоением месторождений железной руды и развитием металлургической промышленности. Основное место в работе завода «БожиярскЧерМет» заняла прокатка высококачественных сталей. Являясь градообразующим предприятием, металлургический завод, переживающий ныне очередной этап коренной реконструкции, остается основой экономики Божиярского края и играет ключевую роль в жизни горожан.

Красота горных ландшафтов и загадки подземных пещер привлекают в Божиярский край туристов и ученых-геологов. В настоящий момент в городе функционируют лаборатория спелеологических исследований, минералогический и краеведческий музей, дома отдыха «Святогор» и «Самоцветы», картинная галерея с коллекцией работ знаменитого божиярца Александра Романовича Беляева – художника, посвятившего творчество изображению горных пейзажей. Отроги Уральских гор прекрасно подходят для лыжного туризма, к западу от города расположена лыжная база «Каменка». В восточной части Божиярска на живописном берегу,

крутыми террасами спускающемся к бурным водам реки Пышмы, находится парк Авангард – излюбленное место семейного отдыха горожан. Одним из самых впечатляющих архитектурных памятников Божиярска является выстроенная на одной из горных вершин каменная часовня Св. Михаила. Со смотровой площадки возле часовни открывается вид на панораму всего города с его индустриальным пейзажем и прекрасным природным обрамлением.

В окрестностях Божиярска, за Святогорской грядой скрывается уникальный природоохранный и научно-исследовательский объект – обширный государственный заповедник «Ключи», созданный для защиты неповторимых горно-таежных ландшафтов. Высокогорная часть заповедника – плато Заповедная Высота с воронками, горными пустотами, провалами, загадочными подземными лабиринтами остается неисследованной по сей день и привлекает внимание многих спелеологов.

Любой человек желает найти свое место на земле, где хотелось бы жить, встречать рассвет и провожать закат. Хотелось бы учиться, работать, строить свой дом, растить и воспитывать детей. Именно таким местом является Божиярск для своих жителей. Это город, дающий уверенность в завтрашнем дне.

Официальный портал Божиярского края
Божиярский городской сайт
Общество

Жители Урала – самые счастливые в России

Это показал опрос ВЦИОМ. А «Божиярск.ru» выяснял у ученых, почему божиярцы радуются жизни больше всех

Больше всего счастливых людей в России живут на Юге (84 процента) и на Урале (83 процента). Это показал опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в конце прошлого года. Социологи задавали респондентам в 46 регионах один вопрос: «Вы счастливы?». Меньше всего счастливых людей оказалось в центре Европейской части России, на Северо-западе и в Сибири (по 73%). Кстати, самые несчастливые города России – Москва и Питер. Там счастливы лишь 74 процента населения. Для сравнения: в крупных городах нашей страны счастливые составляют 79%, в средних – 82%, в малых – 75%.

Мы спросили у компетентных людей: почему божиярцы чувствуют себя счастливыми?

– Жители Божиярска стали больше зарабатывать, из-за этого выросла их самооценка, – отмечает Людмила Ермолина, заместитель декана социологического факультета БГИМ. – Кстати, показательно, что мужчины чаще называют себя счастливыми. Они более рациональны, чем женщины. И это помогает сильному полу. Женщины больше прислушиваются к интуиции, к подсознательным устремлениям. В результате их нередко мучает тревога.

– У божиярцев просто невысок уровень притязаний, – считает божиярский психотерапевт Александр Балин. – А чем этот уровень ниже, тем меньше нужно человеку для того, чтобы ощущать себя счастливым. Жителям столиц, где и доходы гораздо выше божиярских, и запросы у людей совсем другие, достигнуть этого состояния сложнее. А у нас промышленный город: мужчины и женщины привыкли к размеренности, работе по графику. Все идет стабильно – и горожанин автоматически чувствует себя счастливым.

Врачу вторят представители церкви:

– Божиярцы просто не испорчены роскошью и амбициями! – считает Вячеслав Миронов, настоятель храма Иконы Божией Матери «Нечаянная радость». – В столице для счастья нужно все самое-самое, а в Божиярске по-другому: есть кусок хлеба, дома все в порядке – и вот уже человек счастлив.

– Народ живет полной жизнью, у каждого есть возможность реализовать себя, и потому все счастливы, – добавляет модельер Ирина Феличкина. – Это даже по нарядам божиярцев

видно: каждый одевается, как хочет. Большинство – в традиционном стиле. Одеваться по-другому не запрещено – просто людям так удобнее. Но есть и яркие типажи. А посмотрите на наших безумно красивых женщин! Даже среди божиярских сугробов они как картинки в своих модных шубках, изящных сапожках! Мороз, холодный ветер сыплет в лицо снег – а они румяны и радуются жизни.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

Божиярск защищают невидимые силы земли

Деньги, стабильность – все это очень важно. Но ничуть не меньше на общее состояние людей влияет атмосфера места, где они живут. Окультисты считают земли Урала сакральной зоной, а Божиярск – одной из узловых точек на пересечении энергетических линий планеты.

– Мы находимся вблизи глубинных источников силы земли, – говорит божиярский знахарь Василий Калинин. – Эти неисчерпаемые, непредсказуемые дары природы, не только материальные ресурсы, но и духовная энергия, могут быть как разрушительными, так и благотворными. И сейчас именно милостивое расположение высших сил бережет божиярцев от серьезных бед, делает их счастливыми.

Невидимый город

Городской форум

Добро пожаловать на форум *Невидимый город*. Если это ваш первый визит, рекомендуем почитать *Справку* по форуму. Для размещения своих сообщений необходимо *зарегистрироваться*. Для просмотра сообщений выберите раздел.

Невидимый город

Главная

Опрос

Что означает фраза: «Я никогда не говорю не то, что не делаю»?

Делаю, что говорю

Не говорю, что делаю

Делаю не то, что говорю

Ничего не говорю, когда что-нибудь делаю

Затрудняюсь ответить

Плохо говорю по-русски!

Есть справка от психиатра

Вы еще не голосовали в этом опросе

Проголосовать

Невидимый город

Беседка

Мысли вслух

Почему друзья предают?

Страх – мотиватор всех поступков

Опрос: Эвтаназия

Опрос: Совесть

Опрос: Смертная казнь: за и против

Неформалы

Диггерство

Опрос: Легализация оружия

Невидимый город

Беседка

Мысли вслух

Ваша локальная жизненная цель

DEADER

Все мы отличаемся друг от друга. Думаю, различаются и наши цели в жизни. Интересно узнать, как в этом смысле выглядит срез форум-сообщества?

Kzyf:

Стать Человеком...

(*ничего так загнул, да?)) *)

Аделина:

Не изменять себе... и своей совести...

moreee:

Зарботок от 10000 в месяц.

Причем работа по специальности.

priznaki_zhizni:

Успокоиться... = (

Listrado:

если честно... то найти его... того самого...

а фсе остальное будет...

блин, что-то у меня настроение сегодня влюбленное...

Жесть:

Остаться человеком в этом лицемерном и злом мире, найти вторую половинку, работать на любимой работе, жениться, завести детей (как минимум двоих):о) но при этом каждую свободную минутку отрываться по полной программе!!! :))

Zabor:

всегда все делать качественно, что бы это ни было...

монтаж/музыка/секс etc..

К.И.Т.:

А я очень сильно хочу во второй раз влюбиться как мальчишка по уши. Фатально и навечно и жениться. И хочу сидеть утром с женой на балконе и пить кофе.. сидеть в свитере и обнимать ее.. потому что только она, я уверен только она будет для меня вечной.. а потом валяться полдня в кровати и говорить о всякой ерунде..

а еще...

а еще пришли посетители.

что ж надо работать.

все равно было бы клево..

Акула:

хоть надежда умерла давно, ведь осталось верить в чудеса, правда?

Сделать головокружительную карьеру, добиться успеха, лет к 26—27, возможно, выйти замуж, все наши с мужем заработанные деньги тратить на путешествия по миру, изучение языков и культур других стран и разведение змей и игуан... а еще вместе спрыгнуть с парашютом =)

mellowtrax:

слезть с иглы.

la_guw:

Сдохнуть. Быстро и не мучаясь!!!

alfaTester:

Оказаться сегодня в «Ядерном Лосе» и на Полину поглазеть – как работает.

Хаммер:

Купить цифровуху... проапгрейдить комп... найти девушку (а то как-то скучно одному стало)...

amotivated:

Особенно радует последовательность...

Хаммер:

Хотя пожалуй девушку можно переместить на второе место... действительно ну его нах этот комп...!!!!

just_cosmic:

...стать более открытой...

дать чувствам волю...

Davidoff:

Съездить на рыбалку на выходных :) – чтоб все как у людей...

Devotchka_ska:

потрясающее состояние... сижу за компом и понимаю полное наличие отсутствия ЛОКАЛЬНОЙ жизненной цели... вот ГЛОБАЛЬНЫХ хоть отбавляй... постотпускной кренизм, однако...

virtuallight:

Поступить. Или не поступить. Главное – определиться.

Конечно, мечты или большие планы есть у всех, а вот планировать конкретно и на определенные сроки – это редкое и очень ценное качество. Работника :))

Ну и в личной жизни это кач-во очень помогает.

Корона:

А я хочу познать тонкости компьютера. А то как ламер, чаты и контра, ну еще фильмы и музыка..

bogert:

Музыка, игры, познания =), ну и конечно когда никого не хочется видеть или уже просто язык плохо функционирует =) – форум.

rest_IP:

А когда познаешь, то что...? А вообще хорошо когда есть цель.

Younopa:

я просто хочу друзей найти!

Alt-ist:

Ну допустим... 1 уже у тебя точно есть – Я любимый)))

DEADER:

%)

Чувваааки!

Локальную жизненную цель!

А не все сразу!

Невидимый город

Жизнь в Божиярске

Реальный Божиярск

Где большие рекламы?

Где она хорошая жизнь???

Какие необычные виды бизнеса есть в Божиярске?

Поляна – супермагазин!

после 19:00 мы будем ходить пешком О_о

Дуэт «Красивые»!

Клубы – это болезнь?

Самый нелепый случай

Невидимый город

Жизнь в Божиярске

Реальный Божиярск

Хочу переехать в ваш город... стоит ли?

Gerbera:

Привет всем!!! Я из СФО... предложили поездку в ваш город... работа в банке... все хочется узнать о вас... цены... климат... настроение города...

Smile:

Велкам! Единственная погода прошлой зимой ночами бывала до минус 35, но это фишня! :)

Донна:

Ну это зима была глюченная наверное...

Bankir:

какие цены интересуют? водка, хлеб, квартиры, меха?

Беспечный Ангел:

Конечно переезжай! Зима холодная, но безоблачных дней в году здесь больше, чем на Черноморском побережье. А весной, как пишут в турпотеводителях, «можно наблюдать дикорастущие тюльпаны». Настроение... сложно сказать за всех, но вообще-то скорее положительное! Цены – приемлемые.

BatMaster:

Да да переезжай! Только в район Ключки, спросишь у прохожих тебе покажут где, у нас тут весело! Сегодня на первом этаже убили девушку, полмесяца назад в лифте зарезали 17-летнего парня, под окном у меня каждый день миксфайты, пацаны дворовые каждую ночь пьют и выясняют кто круче, мне весело с 8 этажа смотреть))

Тесак:

BatMaster, ништяк рекламу сделал Ключкам))

Varian:

Gerbera приезжай на Западный лучше, у нас тут воздух чистый, более-менее спокойно)

sexyIzabel:

хы Западный рассадник нарков... у меня там много друзей но все же...))))) к тому ж насчет воздуха, там главная трасса идет, так что не думаю что чистый, единственный плюс, это что ходит много транспорта.

Карма:

Делать тут нечего. Зарплаты низкие, цены высокие, дороги отвратительные, климат – резко-континентальный. Работать приходится на условиях всеми любимой, поскольку больше любить некого, Божиярскстали, завод – монополист, царь и бог. Отдых за бугром – одна дорога до аэропорта стоит целое состояние. Здесь отдыхать негде. Дыра короче. Вот и думай – надо оно тебе такое счастье.

Лео:

Не согласен ни с чем из предыдущего поста, кроме низких зарплат.

Цитата: Делать тут нечего.

Это от вас зависит. Можно и Нью-Йорке себе дела не найти.

Цитата: завод – монополист, царь и бог

В металлургии – разумеется. Но кто мешает открыть собственное дело в любой другой сфере? Кстати на заводе тоже масса самых разных вакансий, можно себе что-нибудь подобрать.

Цитата: Здесь отдыхать негде.

Здесь это где? На Урале? В России? На планете?

Монстр:

Если честно я уже привык в Ключках жить, как-то скучно без этих драк ограблений убийств и подобного, смешно уже люди привыкли ко всему, вот недавно мужик вылез из окна и сказал «Можно драться потише». Я смеялся нет бы милицию вызвать выйти разогнать а тут такое сказал)) Криминальная романтика затягивает ну и еще хорошо что я всех тут знаю, тут не местным по вечерам лучше не ходить, особенно не рекомендую после 1 ч ночи почти 70% что получите тяжело и с пустыми карманами останетесь)) Был вот тоже случай друг мой не с нашего района приехать решил ко мне в 3 ч ночи подвыпивши, ну и что пока дошел с остановки подошли к нему парни и остался он без телефона и денег, было это буквально 3 дня назад.

Фома:

Ладно. Я не остаюсь в стороне. Я не мусорю, не мою автомобиль в Каменке и во дворе собственного дома, соблюдаю правила дорожного движения и участвую в субботниках (приколно, да)? Однако усилиями одного человека Бырск не изменить. Вообще я считаю, что призывы типа «А где был ты? Ты записался добровольцем? Что ты сделал для хип-хопа в свои годы?» – суть манипуляции. Отдельная личность, не наделенная властными полномочиями и (или) значительными финансовыми (либо иными) ресурсами ничего не может сделать в городе. Это нонсенс. Нормальный средний житель, не мэр, не зам, и нач., занятый в системе коммунального хозяйства, здравоохранения и проч., не имеет реальной возможности повлиять на общую ситуацию в своем городе. Это факт. Благоустройством и поддержанием нормальной жЫсти в тауне должны заниматься специальные пиплы, у которых есть на то навыки и ресурсы. Так вот такое впечатление, что подобные пиплы в Бырске отсутствуют.

И что мы будем с этим делать все-таки? :))

Странница:

Я иногда пишу письма в администрацию города, районов, в которых рассказываю и о работе транспорта, и об убитых на стройках и пустырях, и об отсутствующих фонарях, и о коммуналке нашей любимой... Приходят ответы из серии «А это не к нам, а не пойти бы вам»... Что остается? Всем на баррикады?

Hand-made:

Точно..... на баррикады из мусора!

типа-Космополит:

Наше дело терпеть. Потому что мы по жизни терпилы.

Radio:

Бред какой... Вы в других городах часто бываете?

Malina:

У нас здесь все просто. И все близко :) Главное – привыкнуть. Летом в горы ходите – и вообще никогда отсюда не уедете!

Невидимый город

Беседка

Флейм

Какая музыка звучит у вас именно сейчас?

Обсуждаем друг друга.. :)

Какие мысли и фантазии вас посетили сейчас?

Старые вещи, которые мне нравятся.

Поделись...

Про кого вам в детстве рассказывали сказки?

место для изливания гнева на всех и вся...

Любимые зависимости

Невидимый город

Беседка

Флейм

Последняя SMS в вашем телефоне...

stepnik:

У меня последняя – «2205111»

Дар'я:

что-то типа «ЫЫ») огорчу тебя: маней нет ((...»

Ranma:

«Конечно, ты должна это видеть :)»

написано в час ночи, а потом у меня закончились деньги (((

my_leena:

давай скорее тебя все ждуд!

тихий омут:

«У-у-у злодейка...»

главное, с неизвестного номера...

maniya_velichia:

vash balans blizok k otklycheniu yslug

leeloo:

«Зай, на работе?»

сегодня утром от кое-кого аЦЦкого. разбудил между прочим.

зы. пушистый привет!

Лита:

Ni noch mal, ich fahre jetzt los. Bim in 5 min. Bei dir. Bis gleich. Larissa»

RE-animator:

«Скажи, твоя задница в субботу соизволит к нам явиться?»

бедный мой хороший друг...)))

снег_и_туман:

«ты реально ДЕРЬ****О!!! я же просила меня предупредить, теперь одна я не потащусь к тебе ночью подруга дней моих суровых!!!»

хехе подружка что ж тут скажешь)

NoonMoon:

«ты спать уже пошла?»

неа не пошла но он об этом ненает)

Главное управление внутренних дел по Божиярскому краю

Форум ГУВД (Божиярск)

Форум сотрудников ГУВД по Божиярскому краю

Добро пожаловать на форум сотрудников ГУВД по Божиярскому краю.

Если это ваш первый визит, рекомендуем почитать *Справку* по форуму. Для размещения своих сообщений необходимо *зарегистрироваться*. Для просмотра сообщений выберите раздел.

Форум ГУВД (Божиярск)

Хроника происшествий

А у нас веселуха!

Допрыгались

Браконьерство на Урале

Отец обезвредил насильника

Возбуждено дело за оскорбление милиции в блоге

Цыганская свадьба

Прокурора бояться – в наряд не заступать

Беспредел в нашем городке

Форум ГУВД (Божиярск)

Хроника происшествий

Из-за пропажи кота пенсионерка подняла на ноги милицию, прокуратуру и суд

Сет:

Сначала думал поместить в раздел «Юмор», но потом передумал. Тема-то серьезная. Сегодня по местным каналам показывают как пепсы ходят по глубоким сугробам и разыскивают пропавшего кота...

Klim:

В наше время это стало нормой. Все регистрируем, все оформляем. Дебилы всякие прут сплоченной толпой в ОВД, строчат идиотские заявки, а мы это дерьмо хлебам. МВД России, УРА!!!

Лиса:

Да... Мы уже давно стали дерьмоулавливателями. Или ассенизаторами.

Сотрудник:

Интересно знать какой Инструкцией ведется поиск кошек и других животных? Впервые встречаюсь и сочувствую своим бывшим коллегам операм и желаю им удачи и поскорее найти кота!!!

рубака:

Думаю, что если и найдут, то только труп этого кота. Тьфу... Как бы потом еще чего не возбудили, типа жестокого обращения с животными...

МОБ:

Да, если кошак был домашний, плотный и откормленный, то съели его давно или на пирожки пустили, что, кстати тоже говорит о том, что его съели.

Alex86:

У нашей знакомой недавно кошака съели, одна шкурка и лапки ниже колена остались, остальное все с собой утащили.

рубака:

я имел в виду другое. Если б я его нашел, я б его за задние лапы и об стену... Простите, я не живодер, но...

Эльдар:

У нас как-то тетенька заявила о пропаже породистой собаки, группа быстренько выезжает и в ближайшей бичхате находит трех граждан в компании уже разделаной зверюги. Звонят тетеньке, приезжайте за своей собакой. Она довольная приезжает, ей следак выносит сумку и говорит нате вашу собаку, шкуру забирать будете? Тут слезы, истерика, чуть ли не обморок... А следак потом печень, почки и сердце зверька себе домой повез в холодильнике хранить, типа вещдок; о)

Света:

Думаю выход следующий. Найти на дороге раскатанного в коврик кота. Далее докатываем его служебным транспортом до полной неузнаваемости (удовольствие №1). Предъявляем коврик заявительнице для опознания (удовольствие №2). Далее выносим отказной (удовольствие №3).

blinker:

Можно найти помершего бомжа... еще пара др. бомжей подтвердят что они видели как покойный варил из пропавшего котика холодец... Задним числом возбуждаем уголовное дело

и прекращаем за смертью... Бабка спокойна, что злодей помер, мы получаем «палку» по краже и жестокому обращению со зверюшками

Добрый:

Кот жениться ушел... Погуляет и вернется... Чтобы его до возвращения найти, надо завести картотеку гуляющих кошек... И путем подворного обхода... С привлечением сил УИМ и ППС... В свете плана «Перехват»... План ОРМ составили? Дарю эти пункты в него. Только утвердите у прокурора.

Форум ГУВД (Божиярск)

Хроника происшествий

Первая жертва Дня влюбленных?

hounD:

В селе Смыч обнаружено тело убитой школьницы. Девочка не вернулась домой после дискотеки. Тело 15-летней ученицы школы №2 было найдено утром 15 февраля. Около 08:00 его обнаружил работник школы. На теле присутствуют следы побоев и ножевых ранений. Тело отправлено на экспертизу. По факту убийства прокуратурой Божиярского района возбуждено уголовное дело. Проводятся оперативно-розыскные мероприятия.

alena:

Как можно убить девочку, в такой романтичный праздник? Наверное такой же малолетка из-за глупой ревности.

Гесер:

Подруги. Соперницы. Насиловать-то не насиловали, наверно и не мальчуганы. Иначе зачем бить? Будем посмотреть.

отчаянный:

Там вроде говорят с внутренними органами что-то не то. Вроде как их вынули или измельчили как-то. Ножом, что ли, ковыряли?

Cinder:

Недавно в лесопарке нашли части тел от нескольких человек, до сих пор опознать не можем, лежали там еще с начала зимы. Куда делось остальное, неизвестно.

Невидимый город

[битая ссылка] Мужчина & женщина

Дела сердечные

а есть ли любовь?

Познакомлюсь с девушкой у которой с 14 по 20 мая есть горячая вода!!!

*Могут ли современные мужчины прожить с одной женщиной больше 30 лет
любовные треугольники... квадраты...*

Опрос: Кто виноват в изнасиловании

Опрос: Кто правит миром?! Блондинки или брюнетки?!

Могут ли современные женщины прожить с одним мужчиной больше 30 лет

А как вы называете своих любимых?

Невидимый город

[битая ссылка] Мужчина & женщина

Дела сердечные

Ищу человека!!

Маре-х:

Я ищу девушку-незнакомку, которая вчера около 11 часов вечера ехала в автобусе 14. Села она по-моему на «Колосе», сошла на остановке «Лесопилка». Она мне так понравилась, мы смотрели друг на друга часто. Я после ее улыбки сразу принял решение, что выйду вместе

с ней, куда бы она ни ехала, и провожу ее в то место, куда она направляется. Доехали до «Лесопилки», она выходит, я вслед за ней. Она переходит улицу, оглядывается на меня и тут вдруг как побежит! Мне и смешно и досадно, не стал ее догонять, а теперь жалею... не могу забыть...

Она была ростом выше среднего, стройная, фантастически красивое лицо и выражение этого лица, когда она улыбается! Одежду помню плохо, вроде бы серая шубка. На вид лет 19—21. Может кто-то ее знает?

Ты мне очень понравилась! Я не хотел тебя напугать! Напиши мне, если прочтешь этот текст когда-либо, неважно сейчас или через год! *romka@list.ru*
slesar:

Карту покрытия тех мест изучил? Если ее дом подключен к НГ, то есть вероятность, что она пользуется форумом))

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.